

300
ЛЕТ СПбГУ

Материалы

IV Санкт-Петербургского международного конгресса
конфликтологов

КОНФЛИКТОЛОГИЯ XXI ВЕКА: ПУТИ И СРЕДСТВА УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

22 ноября 2024

Санкт-Петербургский государственный университет

**КОНФЛИКТОЛОГИЯ XXI ВЕКА:
ПУТИ И СРЕДСТВА УКРЕПЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Материалы IV Санкт-Петербургского
Международного конгресса конфликтологов

Санкт-Петербург

22 ноября 2024 года

Санкт-Петербург
2024

УДК 316.48
ББК 60.5+66.3 (2Рос)1+ 87,65
К 65

Редакционная коллегия

канд. соц. наук, доц. *Д.А. Абгаджав* (ред.);
д. филос. наук, проф. *А.В. Алейников* (отв. ред.);
канд. полит. наук, доц. *А.Г. Пинкевич* (ред.);
д-р полит. наук, проф. *А.И. Стребков*

Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления национальной безопасности: материалы Четвертого Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 22 ноября 2024 г. — СПб.: СПб.: Институт мира и исследования конфликтов, 2024. — 272 с. DOI 10.31312/978-5-6053157-0-4

ISBN 978-5-6053157-0-4

IV Санкт-Петербургский международный конгресс конфликтологов приурочен к юбилею старейшего российского университета.

В рамках мероприятия обсуждался широкий круг вопросов, теоретико-методологических и методических проблем конфликтологии как науки, исследования и управления конфликтами в различных сферах жизни общества, технологий и техник разрешения конфликтов, развития медиации и переговоров.

Адресовано ученым и специалистам-практикам, научные и практические интересы которых включают исследование особенностей конфликтогенности современного общества, преподавателям конфликтологических дисциплин, представителям учебных и методических инновационных центров, медиаторам-переговорщикам, а также всем, кто интересуется актуальными проблемами современности.

Материалы публикуются в авторской редакции

© Авторы, 2024
© Институт мира и исследования конфликтов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И БЕЗОПАСНОСТИ

1. *Абгаджав Д. А.* Конфликтологическая экспликация справедливости 7
2. *Алейников А.В.* Модели риск-менеджмента в условиях глобальной турбулентности.....11
3. *Артемов Г.П., Пинкевич А.Г.* Значение данных прикладных исследований в управлении конфликтами.....17
4. *Бондарев В.Г.* Политико-экономические факторы социальной безопасности.....20
5. *Брызгалова А.В.* Риски и возможности использования искусственного интеллекта в политической борьбе.....23
6. *Галстян Х.С.* Бифуркационный потенциал Большого Евразийского партнерства: взгляд из Армении.....26
7. *Говорухина К.А., Телятник Т.Е.* Конфликтный медиадискурс: условия возникновения и особенности функционирования.....30
8. *Городничева П.А.* Конфликтологическая парадигма анализа современного экстремизма.....34
9. *Гудилина Е.Н.* Символическая политика как пространство интерпретационной борьбы: конфликтогенные факторы.....38
10. *Гусева М.С.* Delictum omissionis: конфликтогенный характер интерпретации воинского долга на примере Немецкого сопротивления.....42
11. *Завершинский К.Ф.* «Политика времени» как способ воспроизводства конфликтов и согласия.....46
12. *Зазулин Г.В., Серова Е.С.* Конфликтологическое измерение наркотизма и национальная безопасность.....50
13. *Иванов М.Р.* Противодействие терроризму в Российской Федерации.....54
14. *Казанбаева В.С.* Традиционные русские ценности в трудах Н.И. Надеждина.....58
15. *Калачева В.Д.* «Язык вражды» (hate speech) в массмедиа как источник разжигания розни и ненависти на примере геноцида в Руанде 1994 г. 62
16. *Керимов Э.* Современная миграционная политика Российской Федерации как фактор конфликтогенности и угрозы для национальной безопасности страны.....66
17. *Кириенко С.А.* Роль конфликтов в формировании индивидуальных качеств школьников.....71
18. *Князьханов Б.Р.* Конфликтметрия в контексте современного теоретико-методологического осмысления этнических конфликтов.....74

19. <i>Кольба А.А.</i> Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: концептуальные основания политико-конфликтологического исследования.....	78
20. <i>Крюкова К.В.</i> Опыт проектирования и реализации курса «Конфликтология международных отношений» на основе принципов педагогического дизайна.....	82
21. <i>Лавров В.В., Лаврова Н.М., Лавров Н.В.</i> Классификация межличностных разногласий.....	86
22. <i>Лучшева Л.В.</i> Национально-культурная автономия в Российской Федерации как субъект гражданского общества.....	90
23. <i>Мансуров Т.З.</i> Роль России в политическом урегулировании армяно-азербайджанского конфликта.....	94
24. <i>Мусаев А.И., Корниенко Е.Е., Трясов Г.А.</i> Цветные революции и национальная безопасность.....	97
25. <i>Овруцкая Г.К.</i> Рекурсивная природа конфликта.....	102
26. <i>Осипов И.Д.</i> Аксиология русской культуры: конфликтологический аспект.....	105
27. <i>Острогляд А.В.</i> Христианское миротворчество: мир и меч мiру.....	108
28. <i>Павлова Е.В.</i> Трансформация ценностей в цифровую эпоху: конфликты и вызовы.....	112
29. <i>Петрова А.А., Петрова Н.В.</i> Консолидация российского общества в рамках развития традиционных культурных ценностей.....	116
30. <i>Попов П.П.</i> Христианская психология и когнитивно-поведенческая психотерапия.....	119
31. <i>Радченко С.М.</i> СМИ и информационное поле конфликтного пространства: методология анализа и управления.....	123
32. <i>Савва Е.В.</i> Динамика российского патриотизма: как меняется базовая традиционная ценность.....	126
33. <i>Сирота Н.М.</i> Глобальная конфликтность и перспективы миропорядка.....	129
34. <i>Скалабан И.А., Лобанов Ю.С.</i> Сложный городской конфликт: связанность и устойчивость.....	133
35. <i>Скороходова В.П.</i> Оценка региональной конфликтогенности в условиях современных вызовов на примере отдельных субъектов Юга России.....	137
36. <i>Стецкевич М.С., Стецкевич Е.С.</i> К определению понятия «религиозный конфликт».....	141
37. <i>Стребков А.И., Газимагомедов Г.Г.</i> Конфликт как способ предупреждения агрессии и поддержания безопасности.....	145
38. <i>Сунами А.Н.</i> Конфликтные аспекты развития технологий искусственного интеллекта.....	149
39. <i>Сунчугашева А.А.</i> Конфликтогенность полиэтнического общества и проблемы его гармонизации: Синьцзян-Уйгурский автономный район.....	152
40. <i>Суслов Е.В.</i> Множественная идентичность как фактор порождения конфликта V консенсуса в этнополитической сфере.....	157

41. Тимофеева Л.Н. Конфликтно-дискурсивный метод анализа.....	162
42. Шендякова А.В. Снижение экономической устойчивости как конфликтотенный фактор сплоченности властных групп (по материалам глубинных интервью).....	167
43. Шибанова Н.А., Махмутова Р.Г. Конфликтологический анализ природы экстремизма.....	171
44. Юрченко В.М., Юрченко И.В. Конфликтологический анализ региональной ситуации на Юге России в условиях роста геополитической напряженности: теоретико-методологические аспекты исследования....	176

ТЕХНОЛОГИИ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОМ

1. Андреева О.И., Сатикова С.В. О значении повестки в переговорах по управлению конфликтом.....	180
2. Архипова Е.Г., Шаляпина О.А. Специфика работы медиатора в арбитражном суде: отработка возражений.....	184
3. Гизатуллина Д.Н., Яхина М.Р. Этнические конфликты в бытовой сфере Республики Татарстан: факторы формирования.....	188
4. Заманбекова А.О., Жакупов Ж.А. Казахская модель института медиации как альтернативного способа урегулирования споров.....	193
5. Иванова Е.Н. Проблема доверия в медиации.....	198
6. Конгарова Д.К. Образовательные условия становления и развития переговорной компетентности подростков.....	202
7. Короткова Д.Д., Панкрашов Н.Н. Эффективность обязательной и добровольной медиации на примере зарубежного опыта.....	206
8. Крюкова Т.В. Применение методов математического моделирования для анализа конфликтов.....	211
9. Лаврова Н.М., Воловодова Г.В., Лавров Н.В. Супервизия в медиации: восстановление и профилактика психической устойчивости специалистов.....	215
10. Марканчева Д.В. Медиация: дополнение суда или его альтернатива?.....	219
11. Нагайчук А.Ф., Гильмутдинова А.И., Муницина М.А. Адаптационный конфликт и способы его преодоления (на примере студентов Горного университета).....	223
12. Николаев Е.А. Феномен скулшутинга: причины массовых расстрелов и методы борьбы с ними.....	228
13. Николаенко Я.Н., Зазулин Г.В., Минкин В.А. Конфликт добра и зла в структуре личности.....	232
14. Острогляд А.В. Христианское семейное миротворчество как система работы мировоззрением.....	238
15. Отто З.Н., Волченко С.Ю. Геоинформационная база данных как эффективный инструмент оценки сложных городских конфликтов.....	242

16. <i>Савин С.С., Лошакова З. Р.</i> Соучастующее проектирование как инструмент предотвращения городских конфликтов.....	246
17. <i>Сильнов Е.И., Растимешин К.Т.</i> Возможности применения искусственного интеллекта (ИИ) в медиации и переговорах.....	250
18. <i>Ципп О.А.</i> Конфликтогенные факторы внедрения искусственного интеллекта в организациях: влияние на межличностные отношения....	262
19. <i>Черновская А.В.</i> Сакрализация власти как фактор социально-культурных конфликтов.....	258
20. <i>Щербакова О.И., Осипов В.П.</i> К вопросу о выявлении новых конфликтогенных факторов в молодежной среде в условиях цифровизации общества.....	262
21. <i>Серова Е.С.</i> Проблемы реализации комплекса мер раннего выявления наркопотребления среди обучающихся как механизма предупреждения конфликтов, связанных с незаконным потреблением наркотиков в России.....	266

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 316.48

Абгаджав Д.А.

*кандидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: d.abgadzhave@spbu.ru*

Конфликтологическая экспликация справедливости.

Существуют феномены, обладающие непреходящей ценностью и значимостью для любого общества и в любые исторические времена, и по сему вызывающие многочисленные споры и теоретизирования со стороны представителей различных гуманитарных и социальных наук. К числу таковых феноменов, безусловно, следует отнести справедливость. В данной работе мы постараемся сформулировать контуры понимания феномена справедливости в рамках конфликтологической парадигмы.

Представления о справедливости меняются от общества к обществу, от эпохи к эпохе, меняются идеалы, лежащие в ее основании, т.е. взгляды о ней всегда носят конкретно исторический характер и зависят от конфликта и порядка, порожденного им. Оставляя в стороне все существующие интерпретации справедливости (в силу ограниченности рамок исследования) отметим, что в нашем понимании справедливость не есть некая субстанциальная сила, определяющая и выражающая соответствие образа жизни индивида или целого народа высшим ценностям бытия. Справедливость, по Гоббсу, не существует вне социальных

порядков и это не то, чем мы обладаем от природы, а то, что возникает в условиях отношений между людьми [1, С. 88-89].

В конфликтологической перспективе феномен справедливости увязывается с асимметрией распределения благ и ценностей в рамках того или иного порядка, вне зависимости от того, говорим ли мы об отдельно взятом обществе или о сообществе обществ. Проблему социальной справедливости невозможно рассматривать и понять вне контекста конфликта, более того, идея справедливости абсолютно бессмысленна при отсутствии конфликта интересов. Вопросы справедливости актуализируются только там и тогда, где и когда социальные акторы сталкиваются с нарушением меры распределения выгод и издержек, принятых в рамках существующего порядка [2]. Данная формулировка имплицитно подразумевает распределение материальных благ, однако, это только часть истины и распределяемое в порядках сегодня выходит далеко за пределы традиционно понимаемых материальных благ и ценностей.

Справедливость обнаруживает себя на различных уровнях. На индивидуальном уровне проблема соотношения пользы и ущерба решается относительно проще. Так, по Аристотелю справедливость заключается в том, чтобы брать больше своей доли благоприятного и меньше своей доли неблагоприятного [3, С. 153]. Т.е. благоприятное и неблагоприятное суть материал, на котором проявляется добродетель справедливости, состоящая в том, чтобы брать подобающую или усредненную долю того или иного. На социетальном уровне проблема справедливости решается значительно сложнее, поскольку предполагает согласование способов распределения и долей распределяемого между большими социальными группами, классами и обществами. De facto, политика (как деятельность по согласованию интересов социальных акторов и обеспечению их совместного бытия) инициируется конфликтом, вызванным нарушением

баланса прибыли и убытков, желанием выявить новые пропорции распределения общественных долей, званий, прав, свобод etc.

Справедливость в обществе (как бы нам этого не хотелось) не предполагает и не достигается равенством. Гармонизация невозможна на основе равенства, ибо любой порядок (говорим ли мы обществе или мировом сообществе) предполагает определённую иерархию и соподчинение взаимодействующих акторов, устанавливаемую в результате конфликта. Иначе говоря, в любом порядке, в той или иной степени мы всегда обнаруживаем преобладание интересов одних акторов над интересами других. «Проигравшая» сторона в конфликте*, который установил данную модель порядка, принимает такое положение вещей. Поэтому уместнее говорить не о полной гармонизации, но скорее об аккомодации (внутреннем приспособлении к внешним условиям). По этой причине любые порядки предполагают скорее сбалансированную неудовлетворенность, чем сбалансированную удовлетворенность.

Справедливость представляет собой результат соглашения между социальными акторами, который суммирует исход изначального конфликта. Иначе говоря, социально-политический порядок содержит определенную форму справедливости, установленную вследствие конфликта и именно результат данного конфликта и фундируется в качестве принципа распределения благ и ценностей. Справедливость — это своего рода мера, в соответствии с которой каждый участвующий во взаимодействии получает лишь причитающуюся ему долю, которая определяется

---

* Конфликт в данном контексте суть феномен, порождающий порядок, определяющий его структуру и в этом плане его уместно называть первичным или изначальным конфликтом. Это позволяет отделить его от конфликтов вторичных, не предполагающих радикальную трансформацию порядка отношений, но только его корректировку, модификацию.

завершившимся конфликтом. Таким образом, справедливость, по сути, характеризует модель разделения общего [4, С. 25], а под справедливостью мы понимаем такое устройство социума, в основе которого лежит специфический (т.е. определяемый исходом конфликта) способ распределения выгод и издержек между различными социальными акторами [2, С. 65].

В этом контексте рассуждений особую актуальность обретает политика как совокупность действий по воспроизводству установленной модели порядка (а значит и меры справедливости) и по преодолению затруднительности распределения долей, с которой с неизбежностью сталкивается любой порядок. Причем долю стоит рассматривать не только буквально как долю в дележе материального, конкретного, но также, как участие, сопричастность в процессе распределения, а в некоторых случаях и как участь (как сложившееся негативное положение). Поэтому вопросы справедливости/несправедливости всегда актуализируют новые конфликты, призванные изменить существующую модель распределения общего.

Список литературы

1. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. - 478 с.
2. Абгаджав Д.А. Социальный порядок, справедливость и экстремизм / Создание воспитательной антиэкстремистской среды в современном вузе: Материалы Международной научно-практической конференции 14-15 апреля 2016 года / Отв. ред. В.Е. Быданов, А.П. Табурчак; СПбГТИ (ТУ), 2016. – 357с., 63-67
3. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. - М.: Мысль, 1983. - 830 с.
4. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия / Пер. с франц. и прим. В. Е. Лапицкого. —СПб.: Machina, 2013. - 192 с.

УДК 316.48

Алейников А.В.,
*доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.alejnikov@spbu.ru*

Модели риск-менеджмента в условиях глобальной турбулентности*

Политика «сдерживания России», нанесения ей «стратегического поражения» и подрыва ее суверенных возможностей диктует необходимость стратегического парирования данных угроз и вызовов, совершенствования процедур и инструментов стратегического управления рисками, оптимизации системы обеспечения национальной безопасности, разработки мер по хеджированию, превенции, купированию существующих и новых рисков, необходимости выстраивания стратегического политического курса на обеспечение национального суверенитета. Имплементация стратегического анализа способствует повышению степени обоснованности и прозрачности этих решений, а также измерению их эффективности на основе системы релевантных показателей. Все это в должной степени позволяет обеспечить целенаправленность и непрерывность процессов государственного участия и регулирования в разных областях, исключить применение потенциально опасных процедур, продуцирующих административные, социальные и

---

*Исследование выполнено в рамках проекта «Модели риск-менеджмента в структуре формирования политического курса РФ в условиях глобальной турбулентности: стратегии, механизмы и практики», который реализуется в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

политические конфликты, и, как следствие, - гармонизирует процессы политического управления в условиях интенсификации мировых кризисов. Тенденции эскалации глобальных конфликтов побуждают к теоретическому и практическому рассмотрению роли рисков в структуре стратегического политического управления, которые представляются магистральными факторами, влияющими на определение приоритетов стратегической политической повестки, политического курса государства.

Таким образом, моделирование стратегий социального поведения в условиях риска, проектирование инструментов его превенции и снижения негативных эффектов становится важной задачей политического управления [1].

В этой связи напомним о «парадоксе Гиденса». Суть его в том, что поскольку опасности не осязаемы, многие будут сидеть сложа руки и ничего не делать. Однако, когда риски с отложенными во времени негативными последствиями. станут видимыми и острыми, что-то делать уже будет слишком поздно.

Для анализа континуума управления рисками целесообразно выделить в политическом пространстве «подпространство риска», которое функционирует «одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [2] и представляет собой асимметричную структуру производства, воспроизводства, ранжирования и распределения угроз и опасностей [3].

В «асимметричном обществе», возникает новый баланс между старыми и новыми рисками. Этими особыми, сложно предсказуемыми рисками почти невозможно управлять. На первый план, как полагает Н. Луман, выходит проблема субъектов принятия решений с учетом рисков, когда политическая оценка допустимого риска или уровня безопасности начинает играть значительную роль.

Кто же несет ответственность за риски? У. Бек выдвигает в этой связи концепт «организованной безответственности» (блеф, разыгрываемый как средство демонстрации видимости контроля над риском) как специфической формы управления рисками, которая заключается в запутывании, отклонении и мистификации, направленных на «символическую детоксикацию» рисков: «Каждый является причиной и следствием и тем самым не является причиной. Причины растворяются во всеобщей взаимозависимости между агентами и условиями, реакциями и контрреакциями» [4].

Таким образом, институты публичного управления, призванные обеспечивать безопасность и предотвращать угрозы, оказываются неэффективными, а хаотичный поиск утраченной безопасности начинается с мер и стратегий, которые создают видимость контроля и безопасности вместо того, чтобы гарантировать их, и усугубляют общее чувство незащищенности.

В данном «подпространстве риска», его ценностно-институциональной иерархии способов обоснования приемлемости риска и субъектов управления им, особенностей имплементации рискового поведения в политический порядок можно, модернизируя концепцию «форм социальности» русско-французского правоведа и социолога Г. Д. Гурвича, выделить спонтанные и организованные формы риск-рефлексии, отражающих реальную структурированность социального конструирования и деконструкции ситуаций угроз.

Первая основана на индивидуализации восприятия риска, маркировке дистанции между «Угрозы Мне» и «Угрозы Другим», закрытости по отношению друг к другу индивидуальной риск-рефлексивности.

Организованная форма связана с образцами рискового коллективного поведения и опосредована стереотипами угроз

и опасностей, «кристаллизованными в рефлексивных схемах, которые формулируются заранее и предписывают иерархизированные и централизованные модели поведения» [5].

Симптоматично, что в социологической теории Г. Д. Гурвича о двух формах социальности, по сути постулируются разные формы легитимации (обоснования или оправдания) принимаемых управленческих решений в ситуации риска (социальное и индивидуальное право в терминологии Гурвича). При этом субъектам публичного управления рисками присущи три вида власти «власть осуществления интерпретации угроз» «власть распоряжения и владения опасностями», и «власть положения», которая, используя терминологию М. Фуко [6], формирует паттерны восприятия рисков и действительности и модели рискованного поведения, предписывает определенные действия риск-потребителям. С точки зрения риск-рефлексивного подхода [7], публичное управление, включает в себя властные образования, управленческие инструменты, обладающие регулятивным воздействием и итог компромиссов и столкновений [8].

Дж. Александер сформулировал основные подходы к созданию «господствующего нарратива» рисков, который используется нами для аналитики репрезентаций публичного рефлексивного управления рисками.

1. Характер боли – как конкретная угроза повлияла на общество в целом и на определенные социальные группы?

2. Характер жертвы – на какую группу/ группы/ определенных индивидов был направлен «главный удар» угрозы?

3. Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией – видит ли связь репрезентации угроз социум в целом между собой и «группой-жертвой», сможет ли символически присоединиться к ее переживанию?

4. Атрибутирование ответственности – для создания убедительного нарратива риска важно установить личность «злодея», который, собственно, и виновен в возникновении опасности [9].

Таким образом, главным постулатом политического риск-менеджмента является тезис Нассима Талеба: «Тем, кто ничем не рискует, нельзя позволять принимать никаких решений». В его терминологии, при принятии решений в условиях риска необходимо использовать правило «шкуры на кону», чтобы быть готовым столкнуться с личными последствиями реализации решения, что требует сурового наказания за «несправедливые риски» [10].

Список литературы

1. Aleinikov A. V., Maltseva D. A. Public Governance in the Context of Global Turbulence: Risk-Reflexive Approach // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 2.
2. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
3. Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г. Риск-рефлексии как фактор выбора форм политического участия (по итогам всероссийского опроса)// Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
5. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та. 2004.
6. Санников С. В. Структурируя Квинотавра: тератократия, дискурс господства и семиозис власти в раннем Средневековье. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020.
7. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры. М.: СИНТЕГ, 2003.

8. Купряшин Г.Л. Публичное управление// Политическая наука 2016, № 2.
9. Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Jeffrey Alexander. Oxford University Press, 2003.
10. Талёб Н. Рискаю собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, 2018.

УДК 316.48

Артемов Г.П.,

*доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: g.artemov@spbu.ru*

Пинкевич А.Г.,

*кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.pinkevich@spbu.ru*

Значение данных прикладных исследований в управлении конфликтами.

Сегодняшний мир наполнен самыми различными конфликтами. Их влияние на общественные процессы разнообразно и может как способствовать развитию общества, так и препятствовать. Факторов, которые в том числе определяют характер направленности последствий конфликтов, существует множество. Они могут быть вполне явными или напротив носить латентный характер. Очевидно, что конфликты могут приводить к очень серьезным негативным последствиям. В соответствии с этим важно учитывать два аспекта, которые и будут здесь освещены:

1. управление конфликтами – необходимый аспект, для предупреждения или минимизации их негативных последствий;
2. необходимо обеспечение корректной и качественной эмпирической базы для реализации управленческих действий.

Рассмотрим подробнее указанные аспекты. Управление конфликтами может рассматриваться в широком и более узком вариантах. Первый подразумевает любые целенаправленные осознанные действия в отношении элементов конфликта,

которые не обязательно имеют своей целью его завершение. Второй вариант, которого мы и будем в данном случае придерживаться, учитывает именно ту сознательную и целенаправленную деятельность в отношении любых структурных и динамических элементов конфликта, которая направлена на его предупреждение или завершение. Очевидно, что предупреждение конфликтов более целесообразно, так как позволяет минимизировать их негативные последствия. Так же важна профилактика конфликтов. Если предупреждение связано с работой в направлении конфликтных детерминант с целью недопущения перехода конфликта из начальной, так называемой латентной стадии или стадии формирования конфликтной ситуации, в стадию открытого конфликтного взаимодействия, то целью профилактики является создание условий функционирования системы таким образом, чтобы это не порождало и не способствовало развитию самих конфликтных детерминант. И здесь необходимо сказать несколько слов о втором аспекте нашего доклада, а именно о роли данных прикладных исследований в управлении конфликтами.

Прикладные исследования в управлении конфликтами могут выполнять несколько функций. Это связано в том числе с тем, что данные исследований можно использовать как в целях профилактики и предупреждения, так и в целях реализации различных форм завершения конфликта, например, урегулирования или разрешения.

Организация постоянно действующего мониторинга по анализу основных показателей как конфликтогенных, так и стандартных для изучения развития того или иного социального субъекта необходима для профилактики и прогнозирования конфликтов. В данном случае важно время от времени обновлять инструментарий мониторинга, чтобы не упустить из вида вновь появляющиеся факторы конфликтов. Общество развивается постоянно и это означает, могут

появляться новые явления, процессы, которые необходимо включать в перечень показателей.

Однако сбор эмпирических данных может иметь и разовый характер в случае исследования уже сформировавшейся конфликтной ситуации и начала конфликтного взаимодействия. Результаты такого исследования необходимы для формирования объективного описания происходящего, для выработки определенных управленческих решений в том числе на основании эмпирических данных и на контроле за реализацией принятого решения.

В случае с конфликтами целесообразно использовать как количественные, так и качественные методы сбора информации. Первые часто нужны, чтобы понять общую ситуацию, сделать своего рода снимок социального субъекта. Качественные методы позволяют сделать глубинных срез. Их можно использовать и на этапе сбора предварительной информации, формулировки проблемы и выдвижения гипотез. Но они так же могут быть использованы для уточнения интерпретации отдельных аспектов, обнаруженных посредством количественных методов.

В заключении необходимо подчеркнуть, что от качества и корректности эмпирического материала зависит качество, адекватность и результативность принимаемых управленческих решений в отношении потенциальных или же актуальных конфликтов.

УДК 1.122

Бондарев В.Г.,
*кандидат политических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия,
Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: bondarev@szfrgup.ru*

Политико-экономические факторы социальной безопасности.

На социальную безопасность оказывают воздействие различные факторы. Наиболее значимые из них – это производительные силы, производственные отношения и государство. Они создают материальную основу социальной безопасности. Производительные силы создают материально-вещественную основу, производственные отношения, которые являются правовыми отношениями, создают нормативный каркас взаимодействий различных социальных сил в обществе по поводу наличествующих производительных сил и условий их эксплуатации, государство определяет общий контур социальной безопасности и необходимые материально-вещественные и правовые ресурсы. Представленные факторы, которые сами предопределены и подвластны частной собственности, в своей определяющей потенции двойственны. Они и порождают опасности, и конструируют безопасность. Обратим внимание на свойство представленных факторов, а именно породить и предотвращать опасности. Предотвращать опасности – это значит быть в безопасности.

Производительные силы могут быть опасными тогда, когда они перерастают узкие рамки производственных отношений. В силу чего наступающий кризис ставит под сомнение достигнутую в наилучшие годы социальную безопасность. Мощь производительных сил, не укладывающихся в прокрустово ложе существующих производственных отношений и особенно частнособственнических отношений присвоения, приобретает

разрушительный характер, делает социальную безопасность уязвимой. Но не сами производительные силы вызывают экономические кризисы и падение уровня жизни и безопасности, а производственные отношения. Они могут быть либо опасными, либо безопасными. Они могут сдерживать рост благосостояния, препятствуя производительным силам, в полной мере проявить себя как общественные силы, либо не делать этого. Они не дают свободного движения создаваемому продукту к потреблению, поэтому в обществе всегда встает вопрос о том, кто производит отношения, и чей интерес они выражают? Это извечный вопрос о том, кто виноват, что большая часть членов общества находится в зоне опасных для его социальной жизни отношений. Производительные силы, создавая материальную основу социальной безопасности, функционируют под давлением отношений. Такие отношения – скрепленные правом производственные отношения. Юридически выраженные производственные отношения есть не что иное, как отношения собственности. В целях роста безопасности и не вопреки разуму эти отношения должны подвергаться изменениям в направлении реформирования. Направление этого реформирования должно сопрягаться не только с сохранением частной собственности, сколько с требованиями социальной безопасности.

Двойственный характер частной собственности, с одной стороны, создает социальный мотив для резкого увеличения производительности труда, за счет постоянно возрастающей его эксплуатации, с другой стороны, порождает коллизии разрушительного характера, ослабевающие производительную силу общества. Этому способствует конкуренция, как ближайшее порождение собственности. Конкуренция, как и собственность, производит двойственный результат. Она укрепляет производительные силы, мотивирует научные открытия и технико-технологические нововведения,

направленные на повышение производительности труда, и в тоже время оставляет на социальном поле боя горы заброшенных фабрик, поселков, городов, искалеченных человеческих судеб. Конкуренция – хороший способ взаимодействия для победителей, чьи капиталы прирастают в результате разорения побежденных. Наемным работникам, для кого социальная безопасность крайне необходима, конкуренция не прибавляет богатства. Она это богатство растворяет в безработице. Безработица же, как продукт конкуренции, усугубляет опасности для наемных работников повсеместным снижением заработной платы. Чем выше конкуренция, тем выше безработица, тем ниже заработная плата. Этот нижний общественный предел заработной платы не одинаков для наемных работников, он для них различен. Эти различия достаточно разительны и балансируют на грани дефицита нормальных условий существования. Большинство наемных работников, борясь за существование, даже не помышляют о наслаждении жизнью, не говоря уже о своем развитии. Условий для наслаждения и развития наемных работников, частная собственность и конкуренция не могут предоставить в необходимом объеме. Вот почему для государства, которое в качестве цели выдвигает заботу о человеке и его сбережении, посредством создания условий «обеспечивающих достойную жизнь свободное развитие человека», вопрос о собственности – не праздный вопрос. Государство, управляя ею, в поле зрения должно держать этот двойственный характер, следуя пословице «Волки должны быть сыты, и овцы – целы».

Триединство – производительные силы, производственные отношения и государство. Оно таит в себе потенциал, как опасности, так и безопасности. Насколько эти факторы смогут реализовать свой потенциал, это во многом зависит от государства, его воли, движимой конституируемыми целями.

УДК 316.6; 323.

Брызгалова А. В.,
*аспирант кафедры политической психологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: anita.bryzgalova@yandex.ru*

Риски и возможности использования искусственного интеллекта в политической борьбе.

Цифровые технологии берут свое начало в середине прошлого века, однако неотъемлемой частью повседневной жизни людей они стали относительно недавно, начиная от общения в социальных сетях, развлечений, постепенно подобные инновации перешли в экономику, медицину, образование, не обходя стороной и политическую сферу.

Искусственный интеллект (ИИ) выделяется среди всех цифровых технологий, благодаря своей способности выполнять задачи до этого доступные лишь человеческому интеллекту. На данный момент ИИ активно используется во многих избирательных кампаниях, помогая кандидатам и избирателям сделать выборы более удобными и информативными. С точки зрения кандидатов, ИИ помогает автоматизировать многие организационные задачи, провести анализ больших объемов данных, определить настроения избирателей, подобрать для них персонализированные сообщения на основе социально-демографических данных, а также спрогнозировать и воздействовать на результаты выборов. С точки зрения избирателей, помимо упрощения процедуры голосования, ИИ даёт возможность разобраться в сложных политических вопросах, лучше узнать кандидатов, в том числе помечая сомнительную информацию о них как недостоверную, однако последний пункт наиболее дискуссионный, поскольку возможности ИИ всё ещё ограничены встроенными методами отбора, доступной

информацией и политикой регулирования государства, где используется. В 2019 году на мероприятии, посвященном развитию новых технологий, В.В. Путин отметил, что «если кто-то сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта, то последствия нам всем понятны — тот станет властелином мира» [1]. И если вероятность реализации данной угрозы, где ИИ — цель, а не средство, всё ещё маловероятна в ближайшем будущем, то недобросовестное использование ИИ как вспомогательного инструмента в политической борьбе имеет широкие перспективы. Манипулирование с помощью ИИ и связанных с ним цифровых технологий качественно не отличается от классических технологий воздействия, однако некоторые его функциональные характеристики повышают вероятность обхода когнитивных защит субъекта, вплоть до поднятия вопросов о нейроправах человека.

Основная цель использования ИИ в политической борьбе — манипуляция общественным мнением. Главной ареной подобных «игр» остаются США, например, в президентской кампании 2024 года, избирателей в штате Нью-Гемпшир атаковал звонками фальшивый Дж. Байден, чей голос с помощью ИИ был идентичен настоящему [2]. Неоднократно подвергался атакам и его бывший конкурент Д. Трамп. Правда последний скорее научился их умело интегрировать в свою PR-кампанию. В целом подобные публичные провокации с помощью ИИ сейчас минимально воздействуют на имидж того или иного политика (особенно крупного), несмотря на их высокий потенциал. Среди основных причин: осведомленность общественности, эффективные технологии обнаружения, низкий творческий уровень исполнения, правовое регулирование отдельных стран. Разумеется, возможности ИИ не исчерпываются дипфейками (вид искусственного интеллекта, который используется для создания реалистичных поддельных изображений, видео и аудиозаписей, которые кажутся

подлинными), он может применяться для анализа конкурентов, их слабых и сильных сторон, включая финансовые махинации, медийную активность, авторские разработки того или иного продукта.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что возможности использования ИИ в политической борьбе скорее превышают риски для основных «игроков», а вот косвенные участники, не включенные напрямую в борьбу, рискуют потерять конфиденциальность данных, оказаться дезинформированными и включенными в политический радикализм, поэтому необходимо повышать осведомленность граждан о рисках использования ИИ, проводить аудит алгоритмов системы на предмет предвзятости и разрабатывать более эффективные технологии выявления ложной информации.

Список литературы

1. Путин: Кто владеет искусственным интеллектом — владеет миром. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/05/30/079/> (дата обращения: 05.10.2024).
2. Звонки ИИ с голосом Байдена взбесили демократов: кому это выгодно. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/01/23/zvonki-ii-s-golosom-baydena-vzbesili-demokratov-komu-eto-vygodno.html?ysclid=mlwju300em695759576> (дата обращения: 05.10.2024).

УДК 327.56

Галстян Х. С.

*доктор политических наук, профессор,
Ереванский государственный университет, г. Ереван,
Армения*

E-mail: khgalstyan@ysu.am

Бифуркационный потенциал Большого Евразийского партнерства: взгляд из Армении.

Трансформационные изменения и закономерности бифуркационного развития современного общества [1], тенденции формирования нового многополярного миропорядка приводят к появлению новых мегатрендов в мировой политике и международных отношениях. К их числу, безусловно, относится концепция «Большого Евразийского партнерства», выдвинутая президентом РФ Владимиром Путиным в 2015 году [2]. На протяжении последних лет идея «Большого Евразийского партнерства» получила концептуальную форму и закрепились в основополагающих документах новой стратегии внешней политики РФ [3].

По мере становления Большого Евразийского партнерства одновременно наблюдается смещение «центра тяжести» мировой экономики с евроатлантической оси на восток, в стратегические глубины Евразийского континента. При такой трансформации параллельно претерпевают изменения также бифуркационные точки (очаги конфликтов) и буферные зоны Большого Евразийского пространства. Они, в свою очередь, продвигаются на юг по оси «внутренней дуги» Х. Маккиндера [4, С. 162-169]. Следовательно, в условиях глобальных неопределенностей, социально-политических кризисов и формирования нового многополярного миропорядка возникает объективная необходимость изучения взаимодействий сложных самоорганизующихся больших (Евразийское партнерство) и малых (Республика Армения)

систем в контексте бифуркационных процессов. Дело в том, что, как и раньше, так и сейчас, «Большая Евразия» имеет весьма разнообразную цивилизационную и этнополитическую мозаику. А камнем преткновения экономической и политической интеграции в рамках БЭП в ближайшем будущем станет способность управлять общей средой безопасности Большой Евразии в зоне пересечения «старых» и «новых» конфликтных очагов, «цивилизационных линий разломов».

Несомненно, одним из таких «горячих точек» бифуркационной напряженности на Большом Евразийском пространстве является Южный Кавказ, и, в частности Армения.

Армения в контексте «Большого Евразийского партнерства»: дихотомический выбор армянского общества

Вопрос об азиатской или европейской идентичности, геополитической ориентации на Восток или Запад был на повестке дня армянского народа на протяжении тысячелетий и всей его политической истории. Дело в том, что Армянское нагорье, которое считается ареалом формирования армянской нации, или «месторазвитием» по определению евразийцев [5, С. 130], географически является частью континентальной цивилизации, или «Heartland» по определению Х. Маккиндера [4, С. 162]. Будучи Евразией своими «корнями», нынешняя правящая элита РА обратила взоры на Запад, распахнув двери перед евроатлантистами и НАТО. Эксцентричные, хаотичные внешне- и внутривнутриполитические решения поставили армянское общество на грань социальной бифуркации. Как это проявляется? «Социальная бифуркация» характеризуется как состояние общества, когда возникают глубокие противоречия между объективными и субъективными восприятиями социально-политической реальности, когда общество

оказывается на грани системного распада, нестабильности и неопределенности [6, С. 76-82].

Например, с точки зрения экономической целесообразности и интересов РА, ЕАЭС объективно продемонстрировал свою эффективность. Однако в субъективных представлениях армянского общества продвигается перспектива диверсификации экономики, идеи либерализации виз и вступления РА в ЕС. Руководство РА демонстративно разрывает отношения с ОДКБ, временно замораживая свое участие в работе данной организации. Всё связанное с общественной напряженностью и гражданским неповиновением во внутренней политике связывается с российским «следом» и деятельностью «пятой колонны», что оказывает существенное влияние на субъективные представления о внешнеполитических предпочтениях армянского общества. В частности, согласно последним опросам общественного мнения, Россия занимает 8-е место среди дружественных стран Армении с рейтингом 29,8 %, тогда как в 2015 году 86 % респондентов считали Россию дружественной страной [7]. Всё это указывает на то, что Армения может стать эпицентром конкуренции, а не сотрудничества, или перехода от состояния динамического баланса и стабильности, «регулярного аттрактора» к состоянию «нерегулярного или фрактального аттрактора», характеризующегося нестабильностью и неопределенностью. А это, в свою очередь, может привести к росту бифуркационного потенциала всего Южного Кавказа и деиерархизации Большого Евразийского пространства.

Список литературы

1. Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира. М., «Прогресс», 1995.
2. Послание Президента Федеральному Собранию, 03.12.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/News/page/409>.

3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>; Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1>.
4. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис, 1995/4.
5. Цит. по Нартов Н., Нартова В. Геополитика. М., 2007.
6. Черепанов А. Развитие через нестабильность: синергетический подход в социальной философии. // Вестник Санкт-Петербургского университета, Серия 6, 2006/1.
7. Каковы дружественные и недружественные страны РА по мнению граждан? <https://www.aysor.am/am/news/2024/4/2253438>

УДК 81'42:070

Говорухина К.А.,
кандидат политических наук, доцент
Телятник Т.Е.,
кандидат политических наук, доцент,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
E-mail: kereana@mail.ru; neptuneus@yandex.ru

Конфликтный медиадискурс: условия возникновения и особенности функционирования.

Современный мир находится в процессе серьезных трансформаций, которые приводят к культурным столкновениям, заполняющим все большую часть дискурсивного пространства. Кроме того, миграционный, пандемический, климатический кризисы, а также военно-политические события усугубляют ситуацию [1, С. 52]. Безусловно, все это находит отражение в средствах массовой информации и служит предпосылкой возникновения конфликтного дискурса.

Отметим, что часто причиной появления конфликтного дискурса служат социальные роли и неоправданные ожидания, связанные с ними. В этом случае, конфликтный дискурс можно охарактеризовать как «двусторонний поведенческий акт с противоречивой природой, представляющий собой уникальное взаимодействие участников – конфронтацию, в ходе которой происходит либо одностороннее, либо взаимное непризнание ролевых ожиданий, а также различия в восприятии или оценке сложившейся ситуации» [2, С. 17].

Кроме того, можно назвать обстоятельство, которое искажает конфликтный дискурс, и способствует его переходу в иные разновидности дискурсов – это медиаприсутствие. Оно приводит к тому, что конфликтная коммуникация возникает в следующих условиях: 1) с участием широкой аудитории (это

может повлиять на действия соперников); 2) при участии автора публикации, от которого зависит, как конфликт будет восприниматься широкой аудиторией). Также, нельзя не обратить внимания на значимую роль словесного общения в процессах появления, развития и разрешения конфликтов в условиях современного информационного общества, где большинство людей воспринимают социальные конфликты лишь как вербальные проявления. Невозможность наблюдать за социальными конфликтами в их реальном проявлении создаёт необходимость опираться на мнения и оценки других, которые формируют индивидуальное восприятие происходящих событий.

Важное значение имеет то, каким образом средства массовой информации освещают проблему конфликта. В публикациях общественный конфликт может проявляться в различных формах участия: а) наиболее часто описание конфликта выполняется журналистом, что предполагает использование максимально нейтральных подходов в его изложении. Как правило, автор статьи не вовлечен в конфликт, поэтому его задача заключается в том, чтобы представлять все аспекты противостояния с максимальной объективностью, анализировать действия участников, последствия и другие важные элементы ситуации и др.; б) создатель медиатекста (или средства массовой информации) активно вовлечен в конфликт. В результате его цель заключается в том, чтобы наиболее убедительно представить только одну из сторон, в то время как аргументация противоположной стороны служит лишь инструментом для достижения этой первостепенной цели; в) автор медиатекста выражает симпатию к одной из сторон конфликта, что приводит к более убедительному представлению этой позиции. В отличие от предыдущего случая, такая авторская точка зрения создает видимость объективности и беспристрастности со стороны автора-журналиста; г) автор медиатекста имеет негативное мнение об

обеих противоборствующих сторонах, что может, в свою очередь, привести к насмешке над ситуацией и её участниками.

Еще одним аспектом, способным влиять на содержание медийного конфликта, является его длительность. Возможны ситуации, когда конкретный медиаматериал охватывает не весь спектр конфликта, а лишь отдельные его элементы. С течением времени участники затянувшейся конфронтации начинают предпринимать определенные медийные действия, чтобы подтвердить свою правоту в глазах широкой аудитории. [3, С. 17]. Средства массовой информации, в основном, фокусируются не на начале конфликта, а на его последствиях. В результате, путь, который проходит конфликт через СМИ, значительно сокращается. В процессе медийного освещения конфликта акценты могут смещаться, и информационная повестка часто формируется не на основании фактов, а на основе интересов участников и их стратегий. Это приводит к тому, что у аудитории формируется определенное восприятие конфликта, которое может не отражать его истинной сути.

Таким образом, условия возникновения и особенности функционирования конфликтного медиадискурса зависят от многих факторов. Также необходимо уделить внимание роли социальных сетей, которые часто способствуют распространению упрощенных версий событий. Важно, чтобы аудитория развивала критическое мышление, способное анализировать и сопоставлять различные мнения.

Список литературы

1. Глухова А. В. Новые кризисы, социальные размежевания, дискурсивные конфликты и проблема общественного единства в XXI веке // Полит. наука. 2022. №3. С. 36-56.
2. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – 2008. – 49 с.

3. Сибиданов Б.Б. Конфликтный медиадискурс (по материалам прессы Бурятии) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. Том 4 (70). № 1. С. 12–31.

УДК 323.28

Городничева П.А.,
*студент, Институт философии, кафедра конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: gorodnichevap@list.ru*

Конфликтологическая парадигма анализа современного экстремизма.

Конфликтологическая парадигма составляет общий теоретико-методологический фундамент исследовательской работы по моделированию, мониторингу и менеджменту конфликтов, возникающих в различных сферах жизни любого общества как ее естественный и необходимый атрибут, и призвана органично соединить теоретические и практические подходы к их анализу и регулированию [1, С. 5]. И в этой связи ее изучение актуально как в ретроспективе, так и в перспективе.

Конфликтологическая парадигма сейчас отдает безусловное предпочтение проблемам контроля и разрешения конкретных противоречий и в качестве основных задач их анализа рассматривает выявление факторов и детерминант, провоцирующих конфликтные взаимодействия, что впоследствии позволит прогнозировать, предотвращать и нейтрализовать конфликтные ситуации.

По мнению О.В. Михайлова, конфликтологическая парадигма может быть также интерпретирована как конфликт, в определении которого используется термин «потребности» [2, С. 231]. Р. Дарендорф утверждал, что основной конфликт в рамках всех социальных институтов касается больше власти и авторитета, а неравномерное распределение жизненных шансов (возможностей для реализации потребностей) между господством и подчинением приводит к возникновению антагонистических интересов [3, С. 288]. Эти интересы

становятся причинами взаимных трений и столкновений, а следствием этих явлений являются структурные изменения социума. А подавленный конфликт напрямую ведет к обострению противоречия и росту экстремистских настроений и действий в обществе.

Экстремизм – способ конфликтного действия, характеризующийся крайними формами насилия, пренебрежением существующими в данном обществе формальными и неформальными стереотипами конфликтного поведения, требующий предельной степени мнимой или реальной гомогенности как себя, так и врага, отрицанием компромиссных моделей выхода из конфликта, приводящего к приобретению таким конфликтом черт антагонистичности и контравersiveности [4, С. 495].

Экстремизм не является определяющей характеристикой конкретной идеологии, т.к. выступает квалифицирующим признаком деятельности любого индивида либо организации, отвергающих эволюционный путь достижения своих идеалов и целей. При этом игнорируются конвенционные способы разрешения имеющихся либо мнимых, воображаемых противоречий, предпочитается путь решительного разрыва с общепринятыми традициями политической и общественной деятельности. Его корни – в разнообразных экономических и политических кризисах, когда обостряются все социально-политические противоречия [5, С. 7].

В научной литературе принято выделять три основные формы экстремизма: политический, национальный и религиозный [6, С. 44].

В основе политического экстремизма – убеждения об исключительной роли той или иной социальной общности в судьбах страны и человечества в целом, оправдание и обоснование применения определенных методов для достижения цели; может быть так же присущ и государству.

Национальный экстремизм – один из наиболее распространенных видов в наше время – это приверженность крайним взглядам и методам в теории и практике межнациональных отношений, сторонники которого, выступая со стороны защиты прав и интересов своего собственного народа, открыто попирают права иных народов.

Религиозный экстремизм – нетерпимость к представителям той же или иных религий, в его социальной базе – маргинальные слои общества.

Политический подход к определению экстремизма предполагает выявление тех его форм, которые непосредственно угрожают обществу и государству в ближайшей перспективе по средствам морального, правового и даже физического устранения сторон, вовлеченных в конфликт. И в этом контексте также представляет интерес молодежный экстремизм, носителями которого выступают различные слои, группы и организации молодых людей, не склонных выбирать насильственные методы для достижения своих целей в силу незрелости и возраста, однако являющихся ударной силой и непосредственными исполнителями экстремистских планов старшего поколения [7, С. 35].

Особое место занимает информационный экстремизм, цель которого не столько разрушение символов существующего строя, сколько нарушение коммуникаций для создания хаоса в информационном пространстве [8, С. 48].

Таким образом, современная конфликтологическая парадигма экстремизма многообразна и разнопланова, а ее компоненты и их сочетания отражают состояние общества и ситуацию в мире.

Список литературы

1. Степанов Е.И. Конфликтологическая парадигма в социальном познании и практике // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 6. Вып. 3. С. 5

2. Михайлов О.В. К вопросу о конфликтологической парадигме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2009. Сер. 6. Вып. 3. С. 231
3. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. М., 2002. С. 288
4. Конфликты в условиях трансформации современного российского общества. Курс лекций / Д.А. Абгаджав, Н.В. Абдуллаев, А.В. Алейников, Г.Г. Газимагомедов, Л.В. Давыдов, Б.А. Исаев, Н.В. Кузнецов, И.Д. Осипов, А.Г. Пинкевич, А.И. Стребков, А.Н. Сунами / Под ред. А.В. Алейникова, А.И. Стребкова. – СПб.: БХВ-Петербург, 2015. С.495.
5. Терроризм и экстремизм как угроза национальной безопасности: учебное пособие / М. Г. Диева, Э. А. Мамонтова. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2024. С.7
6. Фридинский С.Н. Экстремизм: понятие, виды, формы проявления и основные направления борьбы с данным явлением // Юристъ-Правоведъ. 2006. № 4. С. 44
7. Брусинец А.К. Факторы воспроизводства политического экстремизма: конфликтологический анализ // Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 2017. С. 35-39
8. Диль В.А. Современный экстремизм: тенденции развития и социокультурные модификации // Вестник Томского государственного университета. 2011. С. 48

УДК 323.21

Гудилина Е.Н.,
научный сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ek.gudilina@gmail.com

Символическая политика как пространство интерпретационной борьбы: конфликтогенные факторы*.

В последние десятилетия символическая политика бурно развивается и как направление междисциплинарных исследований, и как публичная деятельность, связанная с интерпретационной борьбой за смыслы и их доминирование [1]. В символической политике особое внимание уделяется коммуникативным практикам и идейно-смысловому, ценностному пространству, в рамках которого политические акторы реализуют свои политические цели и принимают решения. В то же время сама область символической политики является конфликтогенной средой.

Проанализируем наиболее значимые конфликтогенные факторы символической политики:

1. агональная природа. Исходная установка связана с постмодернистским отрицанием как универсализма, так и возможности достижения тотально единой позиции по тому или иному вопросу, что связано с допустимостью сосуществования разнообразных интерпретаций одного и того же события [2].

2. разграничение памяти и истории. История понимается как верифицируемые факты и объективная реконструкция событий; память же репрезентирует, прежде всего, коллективно разделяемые представления и ожидания,

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>

которые, зачастую, могут расходиться с историей и с научными фактами. Для памяти характерно как определенное упрощение исторического знания, так и расхождение с ним, что связано с эмоционально окрашенным и ценностно-насыщенным восприятием действительности [3].

3. многообразие мнемонических акторов, участвующих в символической политике. Бернхард и Кубик, основываясь на качественных характеристиках мнемонических акторов, предлагают выделять борцов, плюралистов, уклонистов, проспективистов [4]. Каждому из предложенных типов соответствует свой стиль использования символического капитала и мнемонических стратегий; каждый тип характеризуется своеобразием символического позиционирования и идеологической составляющей. Возможные конфликты возникают в динамических процессах, когда мнемонические акторы сталкиваются между собой и стремятся доминировать в интерпретационной борьбе.

4. своеобразие режима памяти. Режим памяти репрезентирует динамику реализуемых в рамках символической политики дискурсивных и социальных практик. Существующие классификации режимов памяти позволяют выявлять возможное пространство конфликтов (акторно-центрированный [4], дискурсивно-нарративный [5], плюралистический подходы [6]). Зачастую именно конфликт становится как исходной точкой рассуждений о режимах памяти, так и результирующей характеристикой режима памяти [6].

5. своеобразие традиционирования. Возможным конфликтогенным фактором может стать понимание традиции и наследия политическими акторами. Направленность на выявление и сохранение тех дискурсивных и социальных практик, которые маркируются как традиция, и, следовательно, приобретают повышенную ценность, может проявиться в зарождении и развитии разнообразных

конфликтов (религиозных, национальных, культурных, идеологических, конфликтов идентичностей и т.п.).

6. методологические разногласия и проблема верифицируемости результатов исследований. Теоретико-методологическое разнообразие, проявляющееся в сосуществовании зачастую диаметральных подходов к изучению символической политики, приводит к результатам, которые либо не подтверждаются при повторном обращении к той же исследовательской проблеме с тем же методологическим аппаратом, либо оспариваются исследованиями той же проблемы, но с применением других методологических подходов.

Итак, символическая политика становится все более значимым фактором, влияющим на процесс и результат принятия политических решений. В то же время, несмотря на ряд преимуществ, само пространство символической политики является конфликтогенным. Выявление и анализ наиболее значимых конфликтогенных факторов символической политики позволит сформулировать эффективные механизмы снижения напряженности и оптимизации коммуникативных процессов между мнемоническими акторами.

Список литературы

1. Джонсон Дж., Малинова О.Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. 2020. №2. С. 15–41.
2. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. L.; N.Y., 2001.
3. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.

4. Twenty years after communism: The Politics of Memory and Commemoration / Eds. M. Bernhard, J. Kubik. N.Y.: Oxford University Press, 2014.
5. Langenbacher E. Changing memory regimes in contemporary Germany? //German Politics and Society. 2003. V. 21 (20). P. 46–68.
6. Летняков Д.Э. Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти // Дискурс-Пи. 2021. № 18(2). С. 61–76.

УДК 316.48, 323.28

Гусева М. С.,
студент, Институт философии, кафедра конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: st109897@student.spbu.ru

Delictum omissionis: конфликтогенный характер интерпретации воинского долга на примере Немецкого сопротивления.

Формула беспрекословного повиновения приказу корнями уходит в прусскую армию с её «культом военной силы» [1, С. 4]. Прусское государство является военным, потому что, будучи всегда открытым и окружённым врагами, оно было установлено и сохранено только с помощью вооружённого насилия. Красноречивей всего об этом сказал Мирамбо: «Пруссия не является государством, которое владеет армией, она скорее является армией, которая завладевает нацией» [2, С. 42].

До прихода Гитлера к власти военная элита Германии действительно оказывала колоссальное влияние на политические процессы в стране [3, С. 47]. Однако после установления национал-социализма, требующего почти рабского повиновения со стороны военных [4, С. 390], армия как государственная структура стала политизироваться. Военные, воспитанные в духе пруссачества и, соответственно, верящие в абсолютную мудрость верховного правителя, в каком-то смысле стали лёгкой добычей для идеологов национал-социализма. Дав присягу иллюзорному «мессии», немецкий генералитет даже не подозревал, насколько политика Гитлера поспособствует «отмиранию ... этики офицерского корпуса» [5, С. 117] и заставит многих офицеров встать перед выбором между военным долгом и человеческой моралью.

Военные неудачи, непрофессионализм Гитлера как военачальника, сведения о зверствах на оккупированных территориях заставили некоторых солдат усомниться в правильности данной ими присяги, что легло в основу конфликта интерпретации воинского долга как чего-то нерушимого. Если во времена Кайзера клятва давалась, в первую очередь, Отечеству, то в фашистской Германии солдаты присягали лично Гитлеру. Добавление лишней переменной «фюрер» в цепочку «присяга -> Германия» способствовало искажению восприятия солдат их воинского долга, так как при новом режиме военные перестали мыслить Германию отдельно от Гитлера.

Большинство немецких генералов использовали военный долг в качестве оправдания своего бездействия. Осознавая и лицедея преступления, они были вынуждены продолжать войну, ибо были скованы присягой. К тем, кто относился к воинскому долгу, как к неудобному обстоятельству, можно отнести фон Клюге, который метался между немецкой оппозицией и верностью Гитлеру [6, С. 117]. Для некоторых воинский долг остался незыблемым принципом жизни, пойти против которого означало предать себя, народ и Германию. Гальдер, например, считал, что «...его военный и моральный долг совпали» [4, С. 342]. Рундштет был «солдатом до мозга костей» [7, С. 95], отчего считал следование приказам обязательным, какими бы они ни были.

Означает ли это, что военные, которые всё же пошли против Гитлера, предали Германию? Необходимо рассмотреть их интерпретацию воинского долга. Генерал Бек, например, не забыл про принцип пруссачества - «военные знают лучше»: «Солдатское повиновение имеет свои границы там, где их знания, их совесть и их чувство ответственности запрещают им выполнять приказ» [8, С. 109]. То есть, военные имели право пойти против присяги, если их не желали слушать

политики. Сложнее пришлось полковнику фон Штауффенбергу, который относился к молодому поколению офицеров, поверивших Гитлеру на первых порах его правления. Опираясь на принципы «праведной войны» Фомы Аквинского, он вывел для себя следующую формулу: раз тиран преследует свои интересы, а не интересы народа, значит, при таком режиме не существует общественного порядка. Следовательно, «не было ничего мятежного в том, чтобы свергнуть подобный режим» [5, С. 153].

Отличие интерпретации воинского долга заключалось в оценке собственных возможностей. Если для одних главным врагом Германии были навязанные национал-социализмом этнические группы, следовательно, каким бы жестоким режим ни был, военные обязаны были спасти государство от потенциальной угрозы извне. Участники же сопротивления разглядели подлинного врага в самом фюрере и, повинувшись воинскому долгу, действовали против главного врага Германии – Адольфа Гитлера.

Список литературы

1. Ротштейн Ф. А. Гитлеризм и прусско-германский империализм // Исторический журнал, № 6, июнь 1942.
2. Пихт В. Немецкий солдат // Итоги Второй мировой войны, выводы побежденных. СПб., М.: Полигон АСТ, 1998.
3. Кутарев, О. Ю. Германские элиты в эпоху становления нацизма. – СПб.: Алетейя, 2013.
4. Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2022.
5. Тьерно Ж.-Л. Штауффенберг. Герой операции «Валькирия». М.: Этерна, 2012.
6. Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга. М.: Прогресс, 1976.
7. Лиддел Гарт, Битвы третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005.

8. Ферстер В. Противостояние фюреру. Трагедия руководителя немецкого Генштаба. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008.

УДК 32

Завершинский К.Ф.

*доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: zavershinskiy200@mail.ru*

**«Политика времени»
как способ воспроизводства конфликтов и
согласия*.**

Актуальность обращения к исследованию конфликтогенного потенциала «политики времени» (процесса темпорализации политических изменений) обусловлена интенсификацией пространственно-временной динамики цифровой коммуникации и умножением гетерогенности символических репрезентаций социального времени в политической памяти политико-культурных сообществ. Подобные процессы проявляются в растущей конфликтности реализуемых политическими элитами этих сообществ «политик памяти», что актуализирует теоретические посылки исследования «политики времени» как осмысления значения политических практик с точки зрения их временных форм. Следуя теоретическим интенциям П. Осборна о роли темпорализации в коммуникативной динамике сообществ, политика времени выступает как «борьба за политический опыт времени», «волевою трансформацию» (нормирование) политических форм темпоральных ожиданий. Социальная категоризация подобных ожиданий как «прогресс», «реакция», «революция», «кризис», «консервация», «стагнация» и «новое» превращает вариативные, частные представления о прошлом, настоящем и будущем во

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>

временную структуру коллективных политических действий [1, Р. 7-8]. Исследование политики времени тем самым концентрируется на том как временные, нередко конкурирующие и конфликтующие структуры социальных практик, становятся источником преобразования или сохранения социального порядка, их специфики и потенциала для «открытия» или «исключения» возможностей политического развития. Osborne P. [2, Р. XII].

В связи с этим особую значимость при исследовании конфликтогенного потенциала политики времени приобретает концепт «темпоральный режим политической памяти» как характеристика качественного состояния динамики политических коммуникаций, возникающее в результате политики памяти. Чтобы описать конструктивную/деструктивную специфику политики времени и возникающих при этом «привычек», традиций того или иного темпорального режима, необходим комплексный анализ темпоральных представлений на основе таких параметров как повторяемость, артикуляция и управляемость [3]. Временной режим коллективных представлений возникает на основе политики деконструкции одних и гомогенизации новых темпоральных ожиданий, создавая ситуацию конфликта и согласия посредством сочетания представлений о взаимосвязи событий прошлого, настоящего и будущего.

Принципиальными, на наш взгляд, при анализе конфликтогенности политики времени представляются методологические ремарки Й. Галтунга, отмечавшего, что в исследовании конфликтов, возникающих на уровне национальных сообществ важно учитывать не только специфику их лингвистических или религиозных репрезентаций, а и особенностей тех точек «кайроса», где формируются представления а «славе», травмах», «сакральном», определяющих непрерывность ее существования во времени, способность ориентироваться при

урегулировании конфликтов как внутри социума, так и во внешнеполитическом позиционировании, не только на прошлое, а и на будущее [4, Р.114, 183]. Из этого, по мнению автора тезисов, следует, что адекватное, научное понимание символического потенциала «конфликта/согласия» того или иного темпорального режима, возникающего в процессе реализации элитами «политики времени», возможно при «знании политической традиции» как вариативной «пропорции» «прогрессивного» и «консервативного», в которой скрыты долговременные структуры и специфики практик конструктивной темпоральной политики.

В современной России сохраняется конфликтогенный потенциал, связанный с политикой деконструкции советского «режима времени», реализованной политическими элитами в период распада Советского Союза. Нынешняя ситуация острого политико-культурного конфликта российского общества с «коллективным Западом», предполагает поиск адекватных нынешнему состоянию российского нарратива «связи времен» и темпоральной синхронизации семантики «повторения/ускорения». В этом контексте представляется обоснованным артикуляция в «политике времени» современных политических элит России нарратива «традиционных ценностей» («темпорального повторения»). Вместе с тем автор тезисов полагает, что в реалиях современных коммуникаций более конструктивно понимание этого процесса не только как культивирования практик традиционализации, а как «политики традиционирования» - амбивалентного процесса поиска и обеспечения темпорального режима политической преэминентности в процессе политики времени бинарного кодирования консервативного/прогрессивного политических коммуникаций, «проработки» темпоральных политико-культурных форм в проекции не только прошлого и

настоящего, а и будущего как на институциональном, так и повседневном уровне.

Список литературы

1. Osborne P. The politics of time // *Radical Philosophy* 068 (Autumn). 1994. P. 7-9.
2. Osborne P. *The politics of time: modernity and avant-garde*. London: Verso Books, 1995. 272 p.
3. Torres F. *Temporal regimes: materiality, politics, technology*. New York: Routledge, 2022. 186 p.
4. Galtung J. *Transcend and transform: an introduction to conflict work*. L.: Pluto Press, 2004.

УДК 323.23

Зазулин Г.В.,

кандидат юридических наук, доцент,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail:zazulin.ecad@gmail.com

Серова Е.С.,

кандидат политических наук,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail:eln.serova@gmail.com

Конфликтологическое измерение наркотизма и национальная безопасность.

Одной из целей IV Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов является укрепление национальной безопасности. Является ли наркоситуация в нашей стране угрозой национальной безопасности России? Этот вопрос не относится к риторическим. Понимая, что, к примеру, жители Санкт-Петербурга, как невольные свидетели ежедневно совершаемых правонарушений, связанных с закладками наркотиков [1], и чиновники, рапортующие о наркоситуации в городе на основании ведомственной статистики, отвечают на данный вопрос диаметрально противоположно, обратимся к официальным документам. Поскольку государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется в нашей стране, прежде всего, на основе соответствующих стратегий [2, Ст.4. п.3], то таковыми документами являются Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Президентом в 2015 году [3] (далее – Стратегия 2015 г.), и, пришедшая ей на смену Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Президентом в 2021 году [4] (далее – Стратегия 2021 г.).

Предположим, что наличие в Стратегиях 2015 г. и 2021 г. положений, содержащих наркоугрозы, доказывало бы, что

наркоситуация угрожает национальной безопасности, а их отсутствие свидетельствовало бы о противоположном. Наркоугрозы не могут быть познаны (до своих сущностей) и теоретически осмыслены как единая угроза безопасности России, потому что принятая российским научным сообществом в 90-х годах XX века парадигма* исследования наркотизма относит его к предмету социологии (точнее её отрасли – девиантологии), рассматривает его только как социальное явление и препятствует выявлению в нем противоречия, необходимого для познания его сущности.

В действительности положения Стратегии 2015 г. содержат три наркоугрозы: деятельность преступных организаций, связанная с незаконным оборотом наркотиков [3, п.43]; наркомания и «доступность психоактивных и психотропных веществ для незаконного потребления» [3, п.72]. В положениях действующей Стратегии 2021г. речь о наркоугрозах идет шесть раз [4, п.18, п.47 (11), п. 47 (15), п. 52, п. 54, п. 85]. Однако, как и в предыдущей Стратегии 2015 г., в данном документе конкретные направления и эффективные средства противодействия наркоугрозам четко не зафиксированы. Почему? Осмыслить угрозы наркорреальности** в интересах укрепления безопасности России невозможно, потому что «угроза и конфликт есть совпадающие понятия для внутреннего состояния индивида, государства и общества» [7, С.20], а принятая девиантологическая парадигма наркотизма не предназначена

---

*Парадигма — «это принятый научным сообществом свод правил (принципов) и утверждений (аксиом), связывающих в единую схему весь процесс получения научного знания от этапа постановки проблемы до ее решения»[5, С.91]

**Наркорреальность – «это часть реальности, бытия, социума, включающая в себя молодежный наркотизм, наркоманию, наркорынок, наркопреступность, наркотическую контркультуру и т. д.» [6, С. 132].

для изучения конфликтов. Данная парадигма не заточена на исследование политических конфликтов, а, значит, не пригодна для познания многочисленных наркоугроз государству и нации, порождаемых современным наркотизмом. Однако реальная жизнь (практика) свидетельствует нам, что наркотики являются конфликтогеном, поскольку они при приеме их человеком и улучшают, и ухудшают его одновременно. А именно, на короткое время могут улучшить его субъективное ощущение собственного существования, но взамен всегда обязательно ухудшают его социальную сущность, отличающую человека от животного. Типичный наркоман — это лишенный сущности индивид, а редкие исключения из этого правила лишь его подтверждают. Поэтому сущность наркотизма есть конфликт, т.е. «негативный способ взаимодействия индивидов, нацеленных на потребление и не потребление наркотиков, а тем самым на сохранение или исключения зависимости от них» [8, С.10].

Для повышения качества теорий противодействия современным наркоугрозам необходимо включить наркотизм в предмет конфликтологии. Опыт СПбГУ в подготовке магистров наркоконфликтологии необходимо использовать для создания магистерской программы «Антинаркотическая конфликтология». К её разработке необходимо привлечь конфликтологов, умеющих отличать добро от зла, не игнорирующих «принцип борьбы со Злом в его конфликтах с Добром» [9, С. 107] и осознано занимающих сторону «против наркотиков».

Список литературы

1. Ермаков А. Популярнее самокатов. В Петербурге 11 тысяч мест для покупки наркотиков// Электронный ресурс «Фонтанка.ру» 16.09.2021. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/09/16/70139522> (дата обращения: 12.09.2024).

2. Федеральный закон РФ «О безопасности» №390-ФЗ от 28.12.10//Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/12181538> (дата обращения: 03.09.2024).
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683//Электронный ресурс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420327289> (дата обращения: 05.09.2024)
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400//Электронный ресурс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607148290> (дата обращения: 12.09.2024)
5. Рыбаков В.А., Покрышкин А.Л. Совместима ли психология и естественнонаучная парадигма?// Электронный ресурс. URL: <https://psyfactor.org/lib/paradigma2.htm> (дата обращения: 10.09.2024)
6. Зазулин Г.В. Философия борьбы с наркоугрозой: от наркотизма к наркоконфликту, необходимость смены политической парадигмы, подготовка наркокоординаторов. Миссия интеллектуала в современном обществе. Сб.статей. Ред. колл. Ю.Н. Солонин и др. СПб: Издательство СПбГУ. 2008.
7. Рукинов В.А. Влияние конфликтов на политическую безопасность в современной России. Автореф. дис. кан. полит. наук/ СПб. 2006.
8. Стребков. А.И. Антинаркотическая политика в современной России: образовательный аспект//Наркология. 2005. №2.
9. Анцупов А.Я., Прошанов С.Л. Российская конфликтология. Указатель 1555 диссертаций (1949-2012 годы) Москва. ООО «ТАСТ». 2013.

УДК 323.283

Иванов М.Р.,
студент,
Казанский Национальный Исследовательский
Технологический Университет,
г. Казань, Россия
E-mail: Mir72003@gmail.com

Противодействие терроризму в Российской Федерации.

Одной из главных проблем современности является терроризм. Данное явление по-настоящему захлестнуло современный мир и, к сожалению, данная проблема не обошла стороной и Россию.

Противодействие терроризму, как одной из главных мировых угроз является одной из основных задач всего современного мира. Однако, к сожалению, добиться единения в решении данного вопроса на международной арене крайне проблематично из-за расхождения взглядов государств на то, что является терроризмом. Поэтому Российской Федерации во многом в вопросах противодействия терроризму приходится полагаться только на свои силы.

Понятие терроризм образованно от латинского «terror», что в переводе означает страх или ужас и очень точно передает главную суть терроризма - вызвать панику и страх.

Мы в нашей работе будем использовать официальное определение терроризма, которое представлено в Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму». Согласно тексту закона терроризм - идеология насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. [1]

Основными законами, которые существуют в России для противодействия терроризму и экстремизму являются вышеупомянутый закон №35-ФЗ, а также №114-ФЗ (о противодействии экстремизму). Данные законы устанавливают и определяют правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности и терроризму, минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения ВС РФ в борьбе с терроризмом, устанавливается ответственность за их осуществление.

Также одним из документов в борьбе с терроризмом является Концепция противодействию терроризму в РФ (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009), которая определяет основные направления создания и развития общегосударственной системы противодействия терроризму. [2, С. 139]

Также в России были созданы различные органы для борьбы с терроризмом. Так Указом Президента Российской Федерации от 15.02.2006 №116 был образован Национальный антитеррористический комитет, представляющий собой межведомственный координационный орган, обеспечивающий координационную деятельность различных органов по противодействию терроризму.

Наиболее известной в широких кругах структурой, которая в том числе, борется с терроризмом, является Центр Специального Назначения ФСБ России. Это подразделение специального назначения ФСБ, основной задачей которого является борьба с международным терроризмом на территории Российской Федерации и за ее пределами, включающая в себя деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов посредством проведения оперативно-боевых и иных мероприятий.

Специализированные органы ведут работы по предупреждению терроризма, выявлению террористов, изучению и анализу причин и условий, способствующих появлению терроризма в РФ. Проводятся различные мероприятия по воспитательной работе и пропаганде среди граждан, целью которых является донесение информации об обязанностях уведомлять специальные органы о возможных терактах, с целью их предотвращения. [3, С.41]

Однако если террористы не были выявлены на стадии подготовки теракта, и он был совершен, а террористы скрылись, то в качестве исключительной меры для раскрытия и пресечения теракта может быть введен режим Контртеррористической операции (КТО).

Важным в борьбе с терроризмом является сотрудничество России с другими государствами, в первую очередь в рамках СНГ, ОДКБ, ООН и других международных организаций. В рамках сотрудничества странами участниками СНГ были приняты различные законы и конвенции о противодействии терроризму, которые во многих моментах схожи с законами стран участниц. Хотя пользу от подобного сотрудничества в борьбе с терроризмом, можно поставить под сомнение нельзя не отметить то, что страны участницы в рамках данных организаций делятся опытом противодействия с терроризмом.

Все вышеперечисленные меры по противодействию терроризму приносят свои плоды и помогают раскрывать террористические группировки на стадии подготовки ими терактов. Так за несколько лет проведения СВО ФСБ были раскрыты множество, как одиночных террористов, так и действовавших в группе. Причем новости о раскрытии террористических группировок появляются регулярно, а это означает спасение многих жизней, которые могли стать потенциальными жертвами террористов.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что терроризм является одной из главных угроз для Российской Федерации, для борьбы с которым применяются различные средства и методы. Также в рамках противодействия терроризму ведется сотрудничество с различными странами, как на индивидуальном уровне, так и в рамках различных международных организаций, где государства делятся имеющимся опытом противодействию терроризму, а также заключают договоренности о сотрудничестве в этой области.

Список литературы

1. О противодействии терроризму: Федеральный закон РФ от 06.03.2006 №35-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
2. Скребец Е.С. Борьба с терроризмом в Российской Федерации: концепция и методология // Ученые записки крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Юридические науки. – 2016. - №1. – С.139.
3. Назарова Н.А. Борьба с терроризмом в современной России // Вопросы студенческой науки. – 2020. -№5. – С.41.

УДК 159.9

Казанбаева В.С.,

аспирант,

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Российский новый университет»,

г. Москва, Россия

E-mail: kazanbaewa2016@yandex.ru

Традиционные русские ценности в трудах Н.И.

Надеждина.

В нашей стране вопрос традиционных ценностей остается актуальным с момента развала Советского союза и отречения от советской идеологии. С 1991 г. Россия и большинство цивилизованных стран мира подверглись процессам глобализации посредством развития цифровых технологий. Глобализация позволила ощутить воплощение идей многополярного мира, что продолжалось до принятия карантинных мер во время ковида и до принятия в отношении России множества санкций. Существование гегемонии и рисков серьезных вооруженных конфликтов свидетельствуют о том, что идеи многополярного мира остаются нереализованными. В таких условиях, каждому народу и государству следует развивать конструктивную идеологию.

В настоящее время русский народ остро нуждается в осознании праведных ценностей, которые обеспечат здоровую национальную и гражданскую идентичность. В ходе советских реформ и преобразований общества русская самобытность претерпевает отмену элементов собственной культуры. По этой причине изучение традиционных русских ценностей стоит начать с исследований тружеников Императорского Русского Географического Общества, одним из которых является Н.И. Надеждин.

Принято считать, что отечественная психология берет начало от физиологии высшей нервной деятельности И.П.

Павлова. Однако уже в первой половине XIX в. этнограф Н.И. Надеждин занимался изучением «русской души», что наравне с учениями И.П. Павлова явилось предпосылками развития отечественной психологии и психологии народов.

В своем исследовании Н.И. Надеждин опирается на самобытность простого русского народа, изучает басни, былины, сказки, устройства быта, особенности семейного и общественного уклада – всё это отражает традиционные ценности.

Русское государство и имеет в своем ведении представителей разных народов и национальностей. Н.И. Надеждин одно из ключевых качеств русского народа – миролюбие и добродушие. Как он отмечает: «...духовные колонии, разливая Великороссийский язык и Великороссийские нравы в обращаемых инородцах, гораздо более содействовали истреблению их национальности, чем занятие военные и поселения торговые...» [3]. Этнограф отмечает, что посредством распространения русских нравов и православных традиций на новых землях – посредством «мягкой силой» – русские добивались большего в сравнении с применением вооруженной силы. В сегодняшних реалиях ценность милосердия и доброты остается актуальной для русского народа, что подтверждается включением гуманизма, милосердия, коллективизма в ряд традиционных ценностей государства Указом Президента РФ [1].

В данном Указе также отмечается, что «особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [1]. Основными ценностями православия отмечают: любовь, соборность, ответственность [5]. Н.И. Надеждин о вере русского народа: приверженность к обрядам, твердая набожность, отсутствие мечтательности и фанатизма, строгая исполнительность церковных преданий [3]. Русский человек через православие совершает «поиск смысла жизни» [5], обретая его в смирении, в сострадании, в

любви и проявлении ответственности. Ценности православия отражаются в быту, на производстве, в семье. Современные психологи-коучи отмечают дают определение русскоязычного клиента: «...клиент, начинающий встречу с коучем всегда с реакций, выражающих глубокие душевные переживания» [2, с. 13]. Душевные переживания русского человека часто связаны с субъектами причастности: семьей, коллективом, Отечеством и др. Через приобщения с другими и помощь ближним русский человек обретает ценность самого себя. Таким образом, в свете Христианской Православной веры русский народ обретает ориентиры общественного и семейного устройства, саморазвития личности, значимость добродетельного труда.

Исследуя продукты народного творчества языческих и христианских времен русского народа, Н.И. Надеждин убеждается в стремлении русских сохранить «народную память», которая выражалась в мифическом объяснении природных и жизненных явлений. «По памяти, как по грамоте» [4] – рассуждает лирический герой в одном из памятников древнерусской литературы. Изыскательность русского человека во все времена остается обсуждаемой темой. Данный феномен отмечен уже Н.И. Надеждиным: «народная жизнь – жизнь смышленная, работающая, терпеливая...» [4]. Описывая мышление русского человека, этнограф выделяет силу воображения – «родотворную силу» [4]. Проворная сметливость, пытливость ума, терпеливость делает русского человека стойким и находчивым в разных жизненных обстоятельствах, сохраняя за собой уникальность и ценность такого мышления.

Изучение культуры своего народа, развитие здоровой пропаганды национального достояния способствуют устойчивости традиционных ценностей и формирует конструктивную идеологию в государстве. Анализируя труды Н.И. Надеждина можно выделить следующие русские

традиционные ценности: доброта, духовность, добродетельный труд, смышленность – всё это годами и веками помогало русскому человеку справляться с жизненными задачами, формировало семьи и коллективы, придавало сил в сражениях и благословляло на праведный путь. При всей изменчивости мира и общества всегда остается что-то устойчивое, фундаментальное. В реалиях русского мира традиционные ценности обрели прочное основание и по сей день продолжают прославлять наше государство.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
2. Зотов А.В. Учебник по коучингу. Базовый уровень: учеб. пособие / А.В. Зотов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2020. – 172 с.
3. Надеждин Н.И. Великая Россия. Очерк. (Вступл. и публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижева) URL: http://az.lib.ru/n/nadezhdin_n_i/text_1837_velikaya_rossiya.shtml (дата обращения: 08.09.2024).
4. Надеждин Н.И. О Русских народных мифах и сагах (Библио-Бюро Стрижева-Бирюковой) / Проза.ру URL: <https://proza.ru/2015/11/10/106> (дата обращения: 23.09.2024).
5. Петрова, Е. И. Православие как духовная основа идентичности русского народа / Е. И. Петрова // Духовное производство в эпоху позднего капитализма: Материалы Международной научной конференции, Донецк, 25 апреля 2020 года / Отв. редактор Т.Э. Рагозина. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2020. – С. 406-413. – EDN UZGLGF.

УДК 331.1

Калачева В.Д.,
*студент, Институт философии, кафедра
конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: st105275@student.spbu.ru*

**«Язык вражды» (hate speech) в массмедиа как
источник разжигания розни и ненависти на примере
геноцида в Руанде 1994 г.**

В условиях века информации и технологий, восприятие различных аспектов социальной жизни, настроения в обществе, поведение индивидов и социальные обычаи в значительной степени формируются работой массмедиа, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. В обстановках конфликтов и социальной нестабильности одним из распространенных форматов донесения информации до аудитории, которые используют массмедиа, на протяжении долгого времени остается «язык вражды». Под языком вражды мы будем понимать любые формы выражения мысли, которые расцениваются как некорректные и оскорбительные для расовых, этнических, конфессиональных и иных социальных групп, а также способствует разжиганию ненависти, дискриминации и насилия. «Язык вражды» базируется на социальных стереотипах и предубеждениях [3], имеющих негативную направленность по отношению к отдельным индивидам или социальным группам.

Сознательное применение языка вражды можно рассматривать как одну из форм расизма и ксенофобии, что абсолютно недопустимо в цивилизованном обществе, особенно в работе журналистов, чья деятельность имеет значительное влияние на формирование общественного мнения. Однако, как показывает практика, использование

«языка вражды» в массмедиа, к сожалению, встречается часто. Контент-анализ множества материалов показывает, что освещение конфликтов, особенно межнациональных, в массмедиа часто не отличается объективностью [5]. Это зависит от личных симпатий журналиста, его политических взглядов и способности адекватно оценивать ситуацию. Такой подход может выступать как фактор, способствующий возникновению конфликтов и их эскалации.

Ярким примером того, как язык вражды и использующие его массмедиа могут разжигать и эскалировать конфликты, является геноцид в Руанде 1994 года. До начала геноцида в Руанде в 1990 году единственной радиостанцией была государственная Radio Rwanda, которая преимущественно занималась новостями и правительственной пропагандой. Однако уже в марте 1992 года радио впервые использовалось для подстрекательства к убийству тутси в Бугесере, что имело разрушительные последствия [4]. Власти Руанды стали использовать Radio Rwanda для мобилизации населения хуту на «самозащиту» от Руандийского патриотического фронта (РПФ) и тутси.

После начала войны РПФ запустило свою радиостанцию Radio Muhabura, но ее охват был ограничен. В 1993 году движение «Власть хуту» решило создать собственную радиостанцию. Проект получил поддержку президента Руанды Хабиариманы и его окружения. Радиостанция была названа RTLМ (Radio Télévision Libre des Mille Collines), что связано с одним из литературных имен Руанды – «страна тысячи холмов». RTLМ начала вещание в июле 1993 года и быстро завоевала популярность за счет музыки, неформальной подачи новостей и интерактивных элементов. По словам аналитиков, RTLМ сыграла ключевую роль в распространении призывов к уничтожению тутси и разжигании геноцида, используя резкий, дегуманизирующий

язык. Например, для обозначения тутси применялся презрительный термин «Inyenzu» (тараканы).

Кенийский исследователь Мэри Кимани проводил исследование в результате которого выяснилось, что сообщения RTLM включали в себя [1]:

- обвинения в зверствах РПФ (16,32%);
- призывы к насилию и убийствам (13,99%);
- прямые призывы к уничтожению врага (9,16%);
- обвинения руандийских тутси в пособничестве внешнему врагу (7,05%);
- обвинения РПФ в стремлении захватить власть и установить контроль над хуту (5,89%);
- оскорбления тутси и РПФ (4,89%).

Только 13,21% трансляций не содержали разжигающего ненависть контента.

В 2012 году исследователь из Гарвардского университета Дэвид Янагизава-Дротт провел анализ [2], который показал четкую корреляцию между уровнем приема сигнала RTLM в различных населенных пунктах Руанды и количеством осужденных за участие в геноциде. В селениях с хорошим приемом сигнала RTLM число привлеченных к ответственности за насильственные преступления было значительно выше (на 62-69%) по сравнению с районами, где радиосигнал был недоступен.

Таким образом, пример функционирования RTLM во время геноцида в Руанде ярко демонстрирует, насколько мощным инструментом манипуляции могут быть массмедиа, использующие «язык вражды». Они способны создавать образ врага, разжигать и усугублять конфликты, которые могут перерасти в войну и геноцид.

Список литературы

1. Kimani M. RTLM: Became a Tool for Mass Murder // The Media and Rwanda Genocide / Allan Thompson (ed.).

2. Yanagizawa-Drott D. Propaganda and conflict: Theory and Evidence from the Rwanda Genocide: Working paper // Center for International Development at Harvard University. 2012. August.
3. Гладилин А.В. Язык вражды в традиционных и новых медиа // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 144–153.
4. Смирнов А. А. Проповедники ненависти. Роль массмедиа в разжигании геноцида в Руанде // Свободная Мысль. - 2019. - № 1 (1673). - С. 129-148.
5. Шулумба Б.В. СМИ и этничность: от языка вражды к языку толерантности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-i-etnichnost-ot-yazyka-vrazhdy-k-yazyku-tolerantnosti/viewer> (дата обращения: 11.10.2024).

УДК 316.48

Керимов Э.Ф.,
*магистрант, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской
Федерации,
г. Москва, Россия
E-mail: aragorn5.0@mail.ru*

Современная миграционная политика Российской Федерации как фактор конфликтогенности и угрозы для национальной безопасности страны.

В последние годы в России все сильнее стали проявляться последствия накопленных ошибок миграционной политики. После теракта в «Крокусе» президент В.Путин, выступая на коллегии МВД России, потребовал подготовить новые решения в сфере миграционного контроля, сказав, что «прежде всего нужно обеспечить интересы и безопасность государства и общества, сберечь, сохранить межэтническое и межрелигиозное согласие, нашу культурную, языковую самобытность, все то, что является силой России, принцип, что приехать и жить, трудиться в Россию могут только те, кто уважает наши традиции, язык, культуру, историю» [1, 2].

Миграционная политика – это прежде всего система принципов, целей и действий, с помощью которых государство и иные политические акторы регулируют потоки переселенцев [3, С. 61]. Как сказано в стратегии национальной безопасности Российской Федерации, национальная безопасность это «...состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране...» [4].

Несомненно, что четко выраженная миграционная политика государства является средством регулирования этой защищенности и гарантией сохранения от внутренних угроз, поскольку снижает фактор «конфликтогенности» [5].

Основным способом регулирования вопросов миграции на определенной территории является законодательство страны, где правовое регулирование миграционных процессов обеспечивается, в первую очередь, конституцией Российской Федерации. Иностранцы пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами России.

«Долгое время вопросами миграции в РФ занимались недостаточно основательно» [6]. В двух концепциях миграционной политики Российской Федерации 2012 и 2018-го года прописаны тенденции ее развития. Концепция-2018 – логически выстроена, ясна по языку и не допускает двойных толкований. Однако её обедняет отсутствие критического анализа миграционной ситуации, а также ряда важнейших понятий, закрепленных ранее в Концепции-2012 (п. 5).

Рабочая группа по реализации Концепции-2018 совместно с Правительством РФ отметила ряд важных проблем в сфере миграционных вопросов: недостаточную ясность и унификацию миграционных правил; невысокий уровень применения информационных технологий; нелегальную трудовую миграцию и скрытую временную трудовую миграцию [7].

Также одним из факторов повышения конфликтогенности в обществе за последнее время стала незаконная миграция. Миграционная политика РФ безотлагательно требует выработки мер по регулированию трудовой миграции через сокращение миграционных квот; по усилению взаимодействия между органами государственной власти, местного самоуправления и национальных диаспор; по усилению контроля въезда и размещения мигрантов-беженцев из Украины; по разработке стратегических и оперативных мер

против информационных атак (фейков) в Интернете [8]. Дисгармония межнациональных отношений при миграционных процессах сильно влияет на экономический, культурный и социальный аспект. За последние десять лет происходящие инциденты в различных регионах страны можно классифицировать на несколько групп по сферам жизнедеятельности:

1. Социальные конфликты из-за бытовой напряжённости между мигрантами и местным населением.
2. Конфликты на рынке труда из-за возрастающей конкуренция среди мигрантов и местного населения и её влияние на региональную экономику.
3. Культурные конфликты из-за проблем ассимиляции, межэтнических и межкультурных различий.
4. Террористические акты и экстремистская деятельность различных мигрантских групп.

Повышение уровня правовой культуры работодателя, контроль за соблюдением трудового и миграционного законодательства, к примеру, ужесточение санкций за недобросовестное исполнение нормативно - правовых актов, создаст условия для невозможности формирования нелегальной миграции. Урегулированию конфликтов в сфере трудовой миграции может помочь улучшение адаптивных способностей мигрантов: через изучение русского языка, культуры, ценностей и норм принимающего общества, психологической адаптации в новое социальное окружение. Участие в урегулировании вопросов, связанных с трудовой миграцией и снижение конфликтного потенциала--одна из возможных областей применения специалиста-конфликтолога. Определенные мероприятия и программы могут послужить инструментом для минимизации деструктивных последствий конфликтов в сфере трудовой миграции.

Создание эффективной системы комплексного правового регулирования трудовой миграции с принципами и стандартами контроля, паспортно-визового и таможенного режима, введение в действие модельного Миграционного кодекса для стран СНГ с регулированием таких проблем, как налогообложение, льготы, социальное и медицинское обслуживание, защита прав и интересов мигрантов станет полноценным шагом на пути к новой миграционной реформе как средству решения угроз национальной безопасности страны.

Список литературы

1. Теракт в «Крокус Сити Холле»: хронология, пострадавшие, что известно на данный момент [Электронный ресурс]// 78.ru / URL:<https://78.ru/articles/2024-03-22/terakt-v-krokus-siti-holl-hronologiya-sobitii-postradavshie-i-napadavshie>. – (дата обращения: 06.10.2024)
2. Владимир Путин выступил на расширенном заседании коллегии МВД России [Электронный ресурс] // Телеканал Тольятти 24. – Режим доступа: <https://tvtogliatti24.ru/news/vladimir-putin-vystupil-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii/> (дата обращения: 05.10.2024)
3. Бобылев, В. В. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА (сущность, структурное строение, основные типы) / В. В. Бобылев // Власть. – 2009. – № 6. – 61 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 / О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Официальные сетевые ресурсы Президента России – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>. (дата обращения: 07.10.2024)
5. Монастырская Н. И. Концепт «конфликтогенность»: определение дефиниций // Science Time. 2014. № 11 (11). 236 с.

6. Волох В.А., Суворова В.А. Концепция государственной миграционной политики России - основа миграционной безопасности страны // Вопросы безопасности. 2013. № 3. С. 1-16.
7. Силантьева, В. А. Концепция государственной миграционной политики РФ: содержание и реализация / В. А. Силантьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 4. – С. 146-151.
8. Хямяляйнен, Т. И. Миграционная политика РФ в условиях проведения СВО / Т. И. Хямяляйнен, Е. Ю. Присяч // МИРОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ в ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЗГЛЯД в БУДУЩЕЕ: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 октября 2022 года. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Манускрипт", 2022. – С. 227-230.

УДК 316.662

Кириенко С.А.,

*студент, Институт философии, кафедра конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: St107196@student.spbu.ru*

Роль конфликтов в формировании индивидуальных качеств школьников.

Общеизвестна важность эффективного воспитания подрастающего поколения для обеспечения дальнейшего развития страны. В последнее время внимание исследователей к процессу образования стало более пристальным. Школа является основным агентом вторичной социализации, существующим в непростых условиях, которые влияют на личность школьника. В связи с этим мы считаем необходимым проанализировать как именно это происходит.

Среди различных подходов к изучению черт личности наиболее созвучными нашим представлениям стали функционально-динамический и гуманистический, основные положения которых заключаются в представлении личности как динамической структуры, которая развивается во взаимодействии с внешним миром. Важную роль также играет контекст ситуации, особенно во время первичного опыта взаимодействия со средой. Под индивидуальными качествами школьников понимается спектр психологических особенностей, черт характера и стратегий поведения, которые формируются под воздействием внешней среды. Среда наполнена факторами, влияющими на поведение, а значит, и на качества личности. А. Бандура разделяет факторы на две группы: ситуационные и диспозиционные. Среди них отмечают самоэффективность как убеждение человека в способности управлять своей жизнью; эмоциональный интеллект как умение выражать свои чувства и принимать их

у других и различные социальные среды, такие как семейная, среда субкультуры и др. Каждая из них по-своему влияет на индивида.

Процесс формирования личностных качеств происходит через научение – индивид наблюдает определенное поведение у какой-либо модели в своем окружении, считает положительное подкрепление со стороны других индивидов и подражает поведению этой авторитетной фигуры. Педагогический конфликт разворачивается на фоне конфликтного потенциала школьной среды. Школа, как основной агент вторичной социализации, обладает ощутимым влиянием в сфере воспитания, а деятельность ее направлена на «...развитие личности, формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения» [1]. При этом взаимодействие акторов осуществляется в рамках юридических норм, что создает определенный фрейм взаимодействия. В какой-то мере школа находится под прессом двойных ожиданий: с одной стороны, стремительно меняющиеся требования к вопросу воспитания, с другой – неактуальные притязания части родителей, воспринимающих образование как услугу, что не соответствует духовным потребностям общества в целом. Существует также ряд других факторов, таких как нехватка квалифицированных кадров, отсутствие должного психологического образования педагогов для работы с «трудными детьми» и др. Эти факторы создают мощный конфликтогенный фон, который способствует возникновению конфликтов на разных уровнях.

Согласно классификации Томаса – Килманна в процессе конфликтного взаимодействия школьники используют пять стратегий поведения: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление. Авторы классификации считают каждую стратегию

приемлемой, но акцентируют внимание на гибкости выбора в зависимости от контекста. В педагогическом конфликте стратегии приобретают свою специфику; так, соперничество может проявляться в форме школьных драк или словесных атак. Детерминируется подобное поведение такими характеристиками индивида как ресурсная недостаточность, наличие акцентуаций характера, отсутствие навыков мирного урегулирования конфликтов. Таким образом, используя данную стратегию, индивид компенсирует имеющиеся у него недостатки. Сотрудничество же строится на наличии эмпатии и готовности искать компромиссы. Исследователи отмечают, что доминирующие стратегии поведения со временем закрепляются и становятся детерминантами индивидуальных качеств школьников; таким образом, эти два элемента предстают во взаимовлиянии.

Итак, индивидуальные качества школьников формируются на основе психологических особенностей и черт характера, и видоизменяются под влиянием школьной среды. Использование стратегий поведения закрепляет определенные качества, которые будут использоваться в дальнейшем. Школа призвана направить индивидуальные качества школьников в нужное русло, развить и сформировать необходимые для жизни навыки.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2024)

УДК 316.48

Князьханов Б.Р.,

магистрант,

кафедр гражданского и предпринимательского права,

УВО «Университет управления «ТИСБИ»,

г. Казань, Россия

E-mail: kniazkhanov@bk.ru

Конфликтометрия в контексте современного теоретико-методологического осмысления этнических конфликтов.

Последствия трансформации в общественной жизни российского общества последних десятилетий затрагивают, в том числе, социально-демографическую и этнополитическую его сферы. Изменения требуют пристального мониторинга, предупреждения и поиска путей решения проблем, возникающих под воздействием таких преобразований. Происходящие видоизменения структуры миграционных процессов, меняют исторический социальный, этнокультурный облик населения государства - наряду с оттоком и естественной убылью коренного населения российских регионов, страна активно принимает трудовых мигрантов из стран бывшего СССР, что делает вопрос однородности этнического состава страны все более актуальным.

Теоретико-методологическое осмысление современных этнических конфликтов, их прогнозирование и мониторинг неизбежно привели к развитию исследовательских технологий в российской социологической науке. Избегая излишней теоретизации, преодолев полемику вокруг количественных и качественных методов, получившую название «Q/Q-дискуссии», аналитики развиваются в рамках методологической триангуляции и межпарадигмального синтеза при использовании всевозможных инструментов

современной науки с целью всестороннего рассмотрения объекта исследования.

Междисциплинарная природа конфликтологии как науки открывает широкие возможности специалистам в соответствующих исследованиях. Социально-психологическая по своей сути конфликтология использует обширный методологический аппарат социологии и психологии, так же заимствуя исследовательские методы смежных наук: экономики, политологии, истории. В то же время, решая одну из важнейших задач науки как поиск причинно-следственных связей конфликтного взаимодействия, актуальным представляется вопрос применения симбиоза качественно-количественных методов и средств математического анализа для достижения собственно конфликтологических задач в области раннего предупреждения и прогнозирования этнических конфликтов.

Вся совокупность средств анализа причин конфликтов может быть раскрыта в рамках конфликтометрического анализа, целью которого является поиск причинно-следственных связей и проверка корреляций исследуемых феноменов конфликтных взаимоотношений. Совокупность приёмов и техник смешанных методов и последующее использование схемы квантификации социальных явлений П.Ф. Лазарсфельда [1, С. 12] формируют основу современной конфликтометрии. Синтез прикладной математики и теоретических конфликтологических конструкций, как количественное выражение качественных закономерностей в рамках социологической теории выступают целью научного анализа этой области.

Одновременное использование количественного и качественного аналитических инструментариев, порождающее методологическую триангуляцию, позволяют рассматривать явления в рамках индуктивно-дедуктивного исследовательского континуума. Стратегия смешивания

методов является третьей методологической парадигмой в социологических исследованиях, позволяет применять различные комбинации методов, повышая достоверность полученных данных.

К методам конфликтометрии могут быть отнесены:

- проекты-агрегаторы статистических данных с целью их последующего анализа;

- лонгитюдные модели и временные ряды, показывающие динамику изменений таких показателей как мозаичность, этнолингвистическая фрагментированности, этническая поляризованность;

- индексный метод и социологические индексы всех уровней: социометрические, социетальные мезоуровневые и интегральные глобальные;

- метод шкалирования как один из способов моделирования реальности, при котором качественным характеристикам каждого явления придается числовое значение для анализа системы зависимостей или иных отношений этих явлений;

- методы математической статистики такие как двумерный и факторный анализ, метод исчисления коэффициента корреляции между переменными, вариационный статистический анализ, теорию цепей Маркова и другие;

- кросс-культурные исследования, социометрические таблицы и тесты, анализ кросстабуляций, методики измерения дистанцированности, культурных различий и ценностных ориентаций [1, С. 102-113].

Инструментарий исследователя при конфликтометрическом анализе выходит далеко за рамки описанных методов анализа, раскрывая возможности науки в области выявления закономерностей развития процессов, причинно-следственных оснований возникновения интересующих областей исследования. На сегодняшний день

социология и конфликтология обладают богатыми возможностями в определении проблемных зон межгруппового взаимодействия, сбора, классификации, трансформации информации, для глубокого объективного всестороннего научного анализа современными методами.

Симбиотические конфликтометрические научно-исследовательские стратегии в полном объеме удовлетворяют потребностям исследователя, наделяя его выводы одновременно систематичностью, эмпирической направленностью, специфичностью и индуктивностью с одной стороны, и объективностью, актуальностью и надежностью – с другой.

Список литературы

1. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. - М.: Прогресс. 1972. - С. 138-140.
2. Князьханов Б. Р. Конфликтометрия как инструмент измерения межэтнической напряженности и конфликтов (пример применения в условиях Республики Татарстан) // Научный Татарстан. - 2023. - №1. - С. 102-113.

УДК 303.01

Кольба А.А.,
доктор наук, профессор,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
E-mail: alivka2000@mail.ru

**Городские и сельские сообщества
в политике развития Краснодарского края:
концептуальные основания политико-
конфликтологического исследования*.**

Реализуемые на региональном уровне проекты развития часто сталкиваются с сопротивлением, возникающем на локальном уровне за счёт действий городских и сельских сообществ, воспринимающих те или иные предполагаемые результаты их реализации как угрозу среде собственного существования. В условиях развитых гражданско-политических коммуникаций и сетевых механизмов взаимодействия политических акторов данные сообщества обладают достаточными ресурсами, чтобы эффективно противодействовать изменениям, откладывать сроки их осуществления или блокировать их. Проблемы вовлечения ресурсов сообществ в развитие (а не в противодействие ему) пока что недостаточно осмыслены на теоретическом уровне, что препятствует разработке политико-управленческих практик их преодоления. В рамках данного исследования мы предлагаем свое видение концептуальных оснований анализа

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности», <https://rscf.ru/project/24-18-20079/>

указанной проблематики с позиций политико-конфликтологического и неинституционального подходов.

В рамках исследования политика развития рассматривается на основе концепта «ответственного развития», постулирующего участие в её формировании и реализации всех субъектов, чьи интересы так или иначе затрагиваются предполагаемыми изменениями. Данный подход предполагает вовлечение локальных сообществ в проектирование развития территории на стадии обсуждения идеи проекта и далее. Для крупных проектов, являющихся драйверами развития, это особенно актуально, т.к. их реализация требует обоснования и защиты в публичном пространстве, что дает возможность недовольным гражданам эффективно продвигать и защищать свои интересы.

Возможности участия (позитивного или негативного) локальных сообществ в реализации политики развития во многом зависят от уровня их солидарности по вопросам трансформации жизненной среды. Решение социально значимых задач осуществляется при кооперации с властью (вертикальное взаимодействие) и в пространстве повседневности (горизонтальное взаимодействие). Горизонтальное взаимодействие основано преимущественно на личном и репутационном доверии, тогда как вертикальное взаимодействие требует прежде всего институционального доверия. Недостаток последнего приводит к негативному восприятию предлагаемых органами власти изменений и обуславливает возникновение конфликтов между локальными сообществами и органами власти местного и регионального уровня, а также бизнес-структурами, участвующими в реализации проектов развития. Такие конфликты имеют деструктивный характер, т.к. изменения рассматриваются в категориях угроз, и мотивация действий сообществ связана с защитой от посягательств на свою территорию (концепт

«защищающихся сообществ»). Интересы сообществ не вписаны в политику развития.

Актуализация фактора внешних вызовов и угроз, сама по себе усиливающая солидарность локальных сообществ, приводит также к задействованию комплекса других факторов (мобилизационных, коммуникативных, институциональных, ценностных, идентитарных и др.), что приводит к формированию сплоченных сообществ, готовых к коллективным действиям по отстаиванию своих интересов (группосплачивающая функция конфликта). В этих условиях социальный капитал сообществ (основанный на доверии членстве и активном участии) работает против политики развития, что в корне противоречит принципам «ответственного развития».

Социальный капитал сообщества также используется для привлечения внешних ресурсов, к которым относятся ресурсы других сообществ, общественных и религиозных организаций, политических партий, депутатов, для создания сетевого структур сопротивления изменениям. Поскольку территориальная идентичность, отношение к сложившемуся укладу как к ценности в той или иной степени присущи многим субъектам, действующим на муниципальном уровне, даже «агенты изменений» в лице местных органов власти могут частично разделять позицию «защищающихся». Цифросетевая среда публичной политики позволяет также привлекать ресурсы за пределами локальной территории (экологические организации, гражданские движения, оппозиционные политики и др.). Таким образом, относительно небольшие территориальные сообщества могут корректировать или блокировать реализацию проектов.

Формируется конфронтационная модель политики развития, в рамках которой необходимость навязывать локальным сообществам изменения ложится преимущественно на региональные органы власти, что

приводит не только к снижению темпов развития, но и к имиджевому и репутационному ущербу. Данная модель может быть оценена как малоэффективная и требующая трансформации к нормативным показателям «ответственного развития».

УДК 378.147

Крюкова К.В.,
кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: k.krukova@spbu.ru

**Опыт проектирования и реализации курса
«Конфликтология международных отношений» на основе
принципов педагогического дизайна.**

Преподавание в дистанционном или гибридном* (смешанном) форматах с использованием различных образовательных платформ и сервисов связано с необходимостью решения преподавателем дополнительных задач по выстраиванию/сохранению/поддержанию коммуникации, синхронизации действий, равномерному вовлечению обучающихся в процесс и ряда других.

В данном ключе весьма интересным и продуктивным, хотя и трудоемким, представляется обращение к проектированию учебных занятий и/или учебного курса в рамках педагогического/образовательного дизайна. Существуют разнообразные подходы к пониманию и определению педагогического дизайна, общим будет признание его систематизированным подходом к проектированию образовательного продукта [1]. Принципы четырехкомпонентной (4C/ID) модели педагогического дизайна на основе проблемно-ориентированного подхода можно использовать для проектирования управляемого учебного занятия [2, С. 12]. Использование педагогического сценария в качестве некоего шаблона занятия/курса, выстроенного по правилам образовательного дизайна, при

---

*Подробнее см. Баранников К.А., Ананин Д.П., Стрикун Н.Г., Алканова О.Н., Байзаров А.Е. Гибридное обучение: российская и зарубежная практика // Вопросы образования. 2023. № 2. С. 33–69.

проектировании помогает максимально управлять процессом преподавания, контролировать его и способствует повышению уровня интерактивности. В педагогическом сценарии прописываются основные этапы занятия, а также методические и технические решения, которые нужно использовать преподавателю для достижения группой заложенных образовательных результатов [2, С. 7].

В рамках проекта Центра преподавательского мастерства в бизнес-образовании ВШМ СПбГУ проводились разработка и реализация интерактивных учебных занятий в гибридном формате дисциплины «Конфликтология международных отношений»^{**}, для проектирования занятий был предложен шаблон педагогического сценария. Дисциплина читается для обучающихся СПбГУ 3 курса, осваивающих основную образовательную программу «Конфликтология» по направлению подготовки «Конфликтология», имеет больше теоретическую направленность, ключевая цель – понимание сущности международных конфликтов, анализ международных конфликтов, определение основных параметров и возможных направлений работы с ними.

Для проектирования занятий были выбраны темы «Пути и формы мирного урегулирования международных конфликтов» и «Международно-правовые механизмы воздействия на международные конфликты»; данные темы традиционно вызывают интерес у студентов, а также позволяют интегрировать интерактивные элементы.

Во время работы над сценариями занятий основное внимание было сосредоточено на оптимальном комбинировании лекционных сюжетов и интерактивных

---

^{**}С одним из сценариев занятия можно ознакомиться на сайте Центра преподавательского мастерства в бизнес-образовании ВШМ СПбГУ, раздел «Интерактивное занятие»: <https://method.gsom.spbu.ru/interactive-lesson> (дата обращения: 10.10.2024).

методов с учетом гибридного формата, во-первых, для сохранения и поддержания вовлеченности студентов как в аудитории, так и онлайн, во-вторых, для лучшего усвоения материала. Важен корректный выбор механик с учетом целевой аудитории (далее – ЦА) и учебных задач.

Тестовые занятия прошли довольно успешно. В ходе рефлексии в конце занятий звучали в целом положительные отзывы студентов: отмечалось ощущение участия и вовлеченности, лучшее усвоение теоретического материала через различные активности, «практику»: опросы, групповые дискуссии, выполнение практических заданий; студенты, выступали в качестве экспертов; студенты разошлись в оценке достаточности/недостаточности/избытке интерактива.

В процессе тестирования занятий выявились сложности, связанные с балансом между таймингом и интерактивом, с балансом самого интерактива и с уровнем сложности практического задания. Важно также четко разграничивать шаги сценария, делать заключения, подводить итоги, чтобы у студентов возникло ощущение завершенности сюжета, было понимание перехода к следующему шагу. Повышению уровня интерактивности занятий будут способствовать: учет ключевых параметров/характеристик ЦА, ее готовность воспринимать и реагировать на происходящее, верное понимание реакций ЦА; установление и поддержание здоровой коммуникации; рациональный выбор механик и оптимизация контента с учетом ЦА, аутентичной и учебных задач занятий.

Проектирование может оказаться ценным для преподавателей, если они стремятся контролировать и осознавать, что именно происходит в рамках курса, а также насколько успешно достигаются заявленные цели и решаются поставленные задачи, каков результат (благодаря различным, но точным метрикам).

Список литературы

1. Что такое педагогический дизайн и кто такой педдизайнер / Редакция «Образование» Skillbox Media. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/chto-takoe-pedagogicheskii-dizayn-i-kto-takoy-peddizayner> (дата обращения: 10.10.2024). – Дата публикации: 28.04.2022.
2. Белая книга. Интерактивное занятие в цифровой среде: фреймворк разработки педагогического сценария / Центр преподавательского мастерства в бизнес-образовании Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. 2022 - URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/data/345/wp_interaktivnoe_zanyatie.pdf (дата обращения: 10.10.2024). – Дата публикации: 16.09.2022.

УДК 316.6

Лавров В.В.,

доктор биологических наук,

Центр научно-практической медиации «Согласие»,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vasilylavrov@yandex.ru

Лаврова Н.М.,

профессор РАЕ,

Психоаналитический Центр «Альянс»,

г. Санкт-Петербург, Россия

Лавров Н.В.,

Санкт-Петербургский государственный педиатрический

медицинский университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

Классификация межличностных разногласий.

Разногласия в межличностных отношениях характеризуются степенью напряжения и разделяются на две категории в зависимости от готовности противодействующих сторон вступать в переговоры. Первая категория спорных сторон направляет усилия на поиск приемлемого варианта урегулирования противоречий в результате совместного рассмотрения проблемных обстоятельств, в то время как вторая категория отвергает переговоры, предполагая безусловное наказание провокатора проблем. Причины и последствия разлада межличностных отношений исследуются для того, чтобы определить методы, способствующие преодолению разногласий с восстановлением благоприятной социальной среды. Принципы психологической помощи в преодолении разлада межличностных отношений исследуются в ходе семейного и организационного консультирования, а также в процессе медиации с привлечением независимого нейтрального посредника к урегулированию споров.

Цель данной работы заключалась в рассмотрении принципиальных особенностей межличностных разногласий, классифицируемых на основе данных относительно их свойств, выраженности и причин возникновения в ситуациях с установкой противодействующих сторон на урегулирование спора или подавление противника.

Рассматривая категории разлада межличностных отношений, во-первых, анализировали данные, полученные в процессе структурированного интервью членов более 2000 семей, обращавшихся с 2000 по 2024 год к специалистам Психоаналитического центра «Альянс», Центра научно-практической медиации «Согласие» и Центра системного консультирования и обучения «Synergia» за психологической помощью в поиске выхода из кризисных ситуаций. Структурированное интервью проводилось с предъявлением наводящих вопросов, содержащихся в тестах толерантности и функциональных стратегий поведения [1]. Во-вторых, исследуя дифференциацию межличностного разлада, учитывали сведения, которые сообщали 230 участников семинаров-тренингов по семейному и организационному психологическому консультированию. В состав участников входили профессиональные психологи, медиаторы, социальные работники, педагоги, руководители среднего и высшего звена.

Респонденты обозначали особенности внутрисемейных отношений в сложившейся кризисной ситуации и прослеживали динамику разногласий, предшествовавших кризису. При рассмотрении свойств и последствий проблемных ситуаций респондентам предлагалось подобрать определение, характеризующее ситуацию. Респонденты описывали провоцируемые разладом переживания, рассказывали об изменении коммуникации и вспоминали решения, принимаемые в проблемных ситуациях под влиянием негативных эмоций. Имелись в виду эмоции

огорчения, страха и агрессии в типологии позитивных, негативных и нейтральных эмоций [2,3].

Свойства межличностных разногласий были рассмотрены с использованием ранее разработанных методов, обеспечивающих измерение выраженности эмоционального разлада, оценку толерантности и выявление ведущих стратегий поведения членов семей в условиях кризиса. Прослежены особенности каналов коммуникации в проблемных ситуациях. Разногласия были классифицированы по двум категориям. Первая категория предусматривала проведение переговоров для урегулирования разногласий, вторая категория отвергала переговоры. В зависимости от выраженности разногласий и уровня конфронтации в первой категории выделены *коллизия, дискуссия, полемика и конфликт*, во второй обозначены *кринж, остракизм, месть*. Опрос членов кризисных семей показал, что выраженность эмоции агрессии являлась основным показателем межличностных разногласий. Уровень толерантности характеризовал психическую устойчивость и способность контролировать проявления агрессии. Поскольку прямой сознательный контроль эмоций не достигался, опосредованное сознательное руководство агрессией обеспечивалось актуализацией мотиваций, которые определяли толерантность и психическую устойчивость личности, влияя на эмоциональное состояние и стратегии поведения в проблемных ситуациях. Преодоление остракизма и мести облегчалось, когда разногласия переносились в зону конфликта и удавалось начать переговоры спорных сторон.

Список литературы

1. Лаврова Н.М., Лавров В.В., Лавров Н.В. Медиация: принятие ответственных решений. Москва: ОППЛ. 2013. 224 с.
2. Лаврова Н.М., Лавров Н.В., Лавров В.В. Эмоциональная платформа и эмоциональный потенциал личности в аспекте

образной психологии// Антология всемирной психотерапии. 2020. В8. С. 157-164.

3. Лаврова Н.М., Лавров Н.В., Лавров В.В. Влияние психической устойчивости участников конфликта на успех медиации в разрешении спорных проблем// Антология Всемирной психотерапии. 2023. В12. С. 153-158.

УДК 316.48 (075.8)

Лучшева Л.В.,
*кандидат социологических наук, доцент,
Казанский национально-исследовательский технологический
университет,
г. Казань, Россия
E-mail: LushevaLudm@mail.ru*

Национально-культурная автономия в Российской Федерации как субъект гражданского общества.

Общественная активность россиян продемонстрировала себя в том числе и формированием таких субъектов гражданского общества как национально-культурные автономии (НКА).

Следует напомнить, что принцип этой общественной организации, сформулированный еще в конце XIX века австрийскими марксистами О. Баурем и К. Реннером с самого начала своего представления, оказался в центре политических дискуссий, поскольку касался положения этнических меньшинств не только Австро-Венгрии, но и Российской Империи. Согласно теории НКА должна была стать добровольным объединением (общественной организацией) граждан определенной национальности, созданное с целью удовлетворения потребностей в общении с представителями своей этнической группы, сохранения своей культуры, родного языка и этнической самобытности.

После событий Октябрьской революции 1917 года идея и практика НКО подвергалась неоспоримой критике со стороны В.И. Ленина, а затем гонениям и преследованиям со стороны И.В. Сталина. В последующие годы советской власти она так же оценивалась с отрицательных позиций.

В начале 1990-х годов в стране актуализируются вопросы этнической самоидентификации, сохранения этнической самобытности, как среди народов, имеющих свои

национально-территориальные образования, так и среди тех, кто их не имел или проживал за пределами своих титульных республик. Практически каждый субъект РФ имел (до сегодняшнего дня сохраняет) сложный этнический состав населения с различными противоречиями и взаимными притязаниями. И в этих условиях российская политическая власть выдвигает идею НКА и закрепляет ее принятием в 1996 году федеральным законом «О национально-культурной автономии».

В начале 2000-х годов во всех субъектах РФ наблюдается активность по созданию НКА и ее нормативно-правовой базы. Вновь созданные объединения были не однородны по своему возрастному, численному и организационному составу, появляются межрегиональные, общероссийские (федеральные), региональные и местные НКА. Одной из первых была общероссийская НКА татар, созданная в 1998 году, которая объединяла более 40 региональных и местных организаций, с активным привлечением к участию в них политиков, деятелей науки и культуры.

Создание организаций с 2015 года сменяется их ликвидацией. Калашников К.Н. в своей публикации приводит следующую статистику: «Все три межрегиональные национально-культурные автономии, зарегистрированные за период действия закона об НКА, уже исключены из госреестра...Из 25 созданных общероссийских НКА 20 сохранили статус-кво, 5 были исключены (80% «выживаемости»). Прекратили работу как минимум 93 из 385 региональных НКА (24%), 596 – из 1451 местных (41%)» [1, С. 14]. Причины ликвидации НКА могут быть самыми разными, это и нарушения со стороны самих организаций, и разочарование ее активистов в своей работе.

Что касается диаспорных национально-культурных объединений, то их работа не только не прекращается, а

наоборот, становится все более активной. Это связано в первую очередь с тем, что федеральный центр и региональная власть все чаще стремятся привлечь НКА к мероприятиям по адаптации трудовых и учебных мигрантов, профилактике нарушений миграционного законодательства. И хотя в мигрантских коммуникациях НКА не играет главенствующей роли, тем не менее сегодня их не стоит недооценивать.

Осуществляя представительские, посреднические и коммуникативные функции активисты диаспорных НКА заработали себе статусное положение в региональных сообществах, превратились в «этнических предпринимателей» и «начальников диаспор» [2, С. 285]. Трудовая миграция под патронажем НКА получила этническое звучание, о чем сегодня все чаще заявляют в научной и политической сферах. Главные вопросы для обсуждения: чем являются мигранты для НКА – объектом волонтерской деятельности или инструментом формирования параллельного социального пространства? С какой целью общественные организации, призванные удовлетворять интересы самобытности и языка своей этнической группы включились в процессы адаптации мигрантов? [3, С. 136]

Таким образом НКА является достаточно противоречивой формой активности гражданского общества, что объясняется главным образом несовершенством и противоречиями нормативно-правовой базы, в рамках которой создаются и работают эти общественные организации. И проблема здесь кроется не в самой идее, которая оказалась перед новыми вызовами времени, а в характере ее непосредственной реализации. Сегодня можно говорить о самых разных проблемах – финансовых, организационных, технических и даже психологических которые, скорее всего, есть практически у каждой общественной организации, можно акцентировать внимание на важности государственной помощи и поддержке НКА, но идея ее создания именно в том

и заключается, что такая организация должна самостоятельно решать проблемы сохранения традиционных ценностей своего народа.

Список литературы

1. Калашников К.И. Национально-культурные автономии в современной России: проблемы представительства и эффективности // Вопросы территориального развития. 2020. Том 8. №3. С. 6-25.
2. Дятлов В.И., Нам И.В. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) // Идеи и идеалы. 2021. Том 13. №1. С. 283-304.
3. Инфраструктура трудовых мигрантов России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. 2015. №2. С.129-151.

УДК 327.5

Мансуров Т.З.,

кандидат политических наук, доцент,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Россия

E-mail: timur-man333@mail.ru

Роль России в политическом урегулировании армяно-азербайджанского конфликта.

На сегодняшний день Россия продолжает сохранять роль одного из важных посредников в политическом урегулировании армяно-азербайджанского конфликта и придерживаться плана «пяти принципов», выдвинутых Азербайджаном и позже поддержанных Арменией. Решение конфликта в рамках Минской группы ОБСЕ или в трехстороннем формате при посредничестве России вряд ли представляется возможным. Существование как минимум четырех переговорных площадок затрудняет процесс окончательного разрешения противоборства, продвигаемых различными международными игроками. Россия стремится реализовать «постсоветский (российский) формат» переговоров, возможно с какими-то модификациями, но с сохранением своего влияния в южнокавказском регионе.

Стоит отметить, что значимость посреднической роли России несколько лет придавал размещенный в регионе миротворческий контингент, в продлении полномочий которого после 2025 г. на пятилетний период были заинтересованы как Россия, так и Армения. Армения видела в миротворцах фактор защиты армян бывшей Нагорно-Карабахской республики и гарант безопасности от каких-либо военных действий и территориальных притязаний Азербайджана. Важность присутствия миротворцев в регионе объяснялась не только сохранением влияния России на

кавказские республики, но и падением доверия армянского общества к ОДКБ и, как следствие, к России.

Если позицию России и стран-челнов ОДКБ о невмешательстве в нагорно-карабахский конфликт 2020 г. в связи с непризнанным статусом республики можно поддержать, то достаточно пассивная реакция ОДКБ на вооруженные инциденты между двумя государствами и занятие Азербайджаном ряда приграничных территорий Армении, вызывает большие вопросы. Реакция европейских стран и США на подобные события остаются более жесткими (например, визиты высокопоставленных чиновников, обсуждение инцидентов на переговорах и др.), учитывая в том числе тот факт, что отношение Азербайджана к российским миротворцам являлось нейтральным. В данном контексте интересы Азербайджана и Запада совпадают. Если первый заинтересован в скорейшем заключении мирного договора, то последний – в «выдавливании» России из региона, нивелировании роли России как посредника и переориентации всего южнокавказского региона на евроатлантические структуры.

В связи с этим, США и ЕС будут добиваться политического урегулирования конфликта за счёт интересов армянской стороны и, при этом, как можно скорее. В этом контексте также нельзя не отметить, что заявления Президента Азербайджана И. Алиева о том, что отношения между Баку и Москвой вышли на новый уровень после подписания «Декларации о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой» от 22 февраля 2022 г., выглядят противоречивыми. Несмотря на реприоритизацию подходов России в регионе, что выражается в наращивании кооперационных связей Москвы с Баку и Анкарой, данная декларация, как и ряд других документов двустороннего взаимодействия, на мой взгляд, не смогут изменить отношения стратегического союзничества и

энергетического партнерства с Турцией и, соответственно, с НАТО и ЕС.

На взгляд автора работы, для России, которая стремится к принятию плана мирного урегулирования с учетом собственных интересов, и Армении, не желающей окончательно мириться с потерей Карабаха, не стоит принимать быстрых решений, которые могут нанести непоправимый урон национальным интересам двух стран. С другой стороны, Армения не станет подписывать в ближайшее время план политического урегулирования, предложенный Азербайджаном в силу ряда причин. Среди них важнейшей представляется следующая – такие действия будут способствовать активизации процессов (пере)утверждения национально-государственной и внешнеполитической идентичности, что может вызвать резко негативную реакцию в армянском обществе, так как такие процессы требуют переходного периода. Отказаться от Карабаха уже не на полях сражений, а на ниве конституционного реформаторства – дело заведомо более сложное. Фактически ценой мира с Азербайджаном станет переучреждение национальной государственности.

Переформатирование отношений с южнокавказскими странами для России должно обязательно предполагать сохранение и углубление отношений с армянским государством, несмотря на складывание новых геополитических реалий. Важными инструментами послужат компромиссы, уступки, политика «мягкой силы», усиление институциональных (выполнение взаимных обязательств) и общественных (доверие) механизмов межгосударственного взаимодействия с целью нивелирования ущерба, который был нанесен обоим государствам вооруженным противоборством Армении и Азербайджана.

УДК 327.2, 327.81, 327.83, 327.84, 327.88

Мусаев А.И.,

*кандидат политических наук, заведующий
лабораторией,*

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: rashidmuss@yandex.ru

Корниенко Е.Е.,

*аспирант по направлению «Политические науки и
регионоведение»,*

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: Greenlab.inc@mail.ru

Трясов Г.А.,

студент, Институт философии, кафедра конфликтологии,

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: georgy.tryasov@yandex.ru

Цветные революции и национальная безопасность.

Империалистическая сущность происходящих в мире глобальных социально-экономических и политических процессов получает свое непосредственное оформление в действительности, производя на свет различные феномены. Цветные революции относятся к такого рода порождениям и являются одной из «реинкарнаций» империализма. Они уже затронули жизни по крайней мере 300 миллионов человек на постсоветском пространстве, а также население арабских государств, на которых применялись технологии «цветных революций». Подобный угол зрения на природу данного феномена не является табуированной темой и подробно освещается во многих англоязычных статьях [1]; [2]; [3].

«Цветные революции» суть управленческие технологии международного финансового капитала, одним из признаков

которого является интерес в обеспечении наиболее благоприятных условий для приватизации и вывоза иностранного капитала. И совершенно неслучайно, что эти технологии рождаются в конкретный исторический период. Этот период характеризуется активным внедрением в повседневную жизнь новых продуктов научно-технической революции в информационно-коммуникативной сфере. У капитала как силы есть первое преимущество использования данных технологий в угоду своего частного интереса. И он пользуется им во всей полноте для достижения самого широкого спектра целей. С помощью сети некоммерческих организаций мировая финансовая буржуазия готовит в лице молодого, в основном, населения слепую армию для псевдодемократического политического протеста. Социальные сети и прочие интернет технологии могут придавать этим протестам как форму, так и наполнять их необходимым содержанием. Инициаторы этого явления создают тем самым рынок потребителей демократических продуктов для того, чтобы сделать из этих государств вечных должников и кредиторов.

Подобные манипуляторные технологии обладают способностью постоянно поддерживать степень конфликтности на определенном уровне тления, чтобы в любой момент перевести конфликт в активную фазу, высекая искру в нужный момент времени. Управляя событиями, таким образом, и владея информацией, финансовый капитал получает возможность точно знать «акции» какого государства будут возрастать или падать в цене, поскольку капитал сам создает и распределяет эти риски.

Все условное, так называемое, «демокраси промошн» или продвижение демократии (democrasy promotion) [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9], экспортируемое с Запада, особенно в постсоветские страны, является частью стратегии обеспечения сферы «жизненных национальных интересов» США, которая

охватывает страны и материки, никак не попадающие в оную, исходя из здравого смысла. Однако этого требует финансовый капитал, для которого не существует границ. Стратегия этой политики выстраивается так, чтобы «цветные революции» не приводили к коренному улучшению условий жизни и фундаментальному изменению жизненного уклада, а были нацелены на то, чтобы снизить социально-экономический уровень жизни и предложить им войну как единственное средство поддержания своего существования. Это красноречиво подтверждается примером «украинского цветного эксперимента» и его конечного результата [10, С. 280].

Все эти подкрашенные протесты с одной стороны не должны допустить перспективного общего рынка и новой экономической интеграции на постсоветском пространстве, которая в эпоху нового технологического уклада, может стать еще более тесной и крепкой, а с другой стороны, они призваны втянуть Россию в несуществующее противоборство, которое автоматически вешает на Россию ярлык авторитарного и антидемократического государства, поскольку Россия не соглашается признать легитимность цветных государственных переворотов. Разделение рынков стран постсоветского пространства и лишение их глобального преимущества экономического соседства осуществляется для того, чтобы облегчить доступ европейских и, конечно же, американских товаров на все рынки этих стран. Таким образом, подкрашенная демократизация преследует цель отнять у нарождающегося в постсоветских республиках национального богатства с соблюдением политического декорума и не нарушая принципов святости частной собственности, так как национальное богатство отдается сами же населением в обмен на псевдodemократическое миссионерство.

В этой связи «цветные революции» суть продолжение деструктивной деятельности, нацеленной на организацию

второй волны разделения все еще громадной и богатейшей на сырье российской территории, которая по-прежнему несет в себе элементы ядра советской цивилизации, возрождение которой на иных основаниях может положить конец колониальной системой 21 века. Для того, чтобы уничтожить многовековые экономические, культурные технологические связи для западного капитала недостаточно было просто уничтожить Советский Союз. Развал СССР составляет первый акт, следующим актом должно стать полное уничтожение и демонтаж, в первую очередь, экономических связей, которые при эффективном стратегическом планировании могут дать основу для еще более мощной экономической смычки и на чем настаивает сама природа капиталистических отношений. Бывшие советские республики располагают потенциалом стать частью громадного евразийского рынка от Владивостока до Лиссабона, а современные технологии последнего поколения, сами того не понимая, могут создать новое объединение, которое с высокой долей вероятности обратится в том числе к советскому опыту экономической и политической интеграции.

Все вышеперечисленные цели могут быть реализованы весьма экономичным для финансовой капиталократии способом «цветных революций». По всей видимости, в этом и заключается определенная сущность всей политики современной финансовой капиталократии, когда одно средство выполняет сразу несколько функций, а непосредственным техническим реализатором всей этой политики выступают спецслужбы и военно-политические блоки.

Список литературы

1. Van Zwanenberg R. Ukraine, World Power and Imperialism // International Critical Thought. 2023. №13 (1). P. 22-36.

2. Dunford M. Causes of the Crisis in Ukraine // *International Critical Thought*. 2023. №13 (1). P. 89-125.
3. Dzarasov R., Gritsenko V. Colours of a revolution. Post-communist society, global capitalism and the Ukraine crisis // *Third World Quarterly*. 2020. №41 (8). P. 1289-1305.
4. Ambrosio T. Insulating Russia from a Colour Revolution: How the Kremlin Resists Regional Democratic Trends // *Democratization*. 2007. №14 (2). P. 232-252.
5. Bērziņa I. Weaponization of “Colour Revolutions.” // *Journal of Political Marketing*. 2019. №18 (4). P. 330-343.
6. Finkel E., Brudny Y.M. Russia and the colour revolutions // *Democratization*. 2012. №19 (1). P. 15-36.
7. Gilbert L., Mohseni P. Disabling dissent: the colour revolutions, autocratic linkages, and civil society regulations in hybrid regimes // *Contemporary Politics*. 2018. №24 (4). P. 454-480.
8. Hall S.G.F. Preventing a Colour Revolution: the Belarusian example as an illustration for the Kremlin? // *East European Politics*. 2017. №33 (2). P. 162-183.
9. Stewart S. The interplay of domestic contexts and external democracy promotion: lessons from Eastern Europe and the South Caucasus // *Democratization*. 2009. №16 (4). P. 804-824.
10. Глазьев С.Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? М.: Книжный мир, 2015. С. 280.

УДК 32.019.5

Овруцкая Г.К.,
*кандидат политических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: gkovrutskaya@sfedu.ru*

Рекурсивная природа конфликта.

Конфликт представляет собой феномен, глубоко интегрированный в человеческий опыт и наблюдаемый во всех сферах социальной жизни. В конфликтологии есть разные подходы к анализу конфликта, в данной работе предпочтение отдается концептуальному подходу, разработанному Н. Луманом, который призван дополнить традиционные ресурсные модели. Последние интерпретируют конфликты как борьбу за ограниченные ресурсы, в то время как лумановская перспектива акцентирует внимание на социальных конструктах и языковых аспектах, формирующих сущность конфликта [1]. Характерной чертой конфликта является его рекурсивная природа. Конфликт проявляется в циклических процессах, которые затрудняют его разрешение.

Рекурсивность конфликта проявляется на различных уровнях анализа. На когнитивном уровне рекурсивность конфликта можно рассмотреть на примере когнитивных искажений. Индивидуальные когнитивные структуры, такие как убеждения, ценности и стереотипы, формируют восприятие конфликта. Это приводит к тому, что участники конфликта обращают внимание на информацию, подтверждающую их точку зрения, игнорируя альтернативные объяснения. При интерпретации действий противника, люди часто прибегают к атрибутивным ошибкам. Например, действия оппонента могут быть охарактеризованы как злонамеренные, в то время как свои собственные действия рассматриваются как реакция на негативные внешние

факторы. Рекурсивные аргументы могут завести в логические ловушки, где стороны оказываются в заложниках своих собственных идей. Например, в националистических конфликтах, идея национального превосходства может привести к рекурсивному убеждению в необходимости борьбы за доминирование. Самореферентность, как когнитивная ошибка, может создавать логические противоречия. В конфликтах, стороны часто используют самореферентные аргументы, где «правда» одной стороны противоречит «правде» другой.

На коммуникативном уровне выделяем два проявления – циклическую эскалацию, как повторение уже высказанных аргументов, неэффективные попытки доказать свою правоту и отсутствие конструктивного диалога, что приводит к увеличению дистанции между сторонами конфликта; и воспроизводство стереотипов о противоположной стороне конфликта, что усиливает негативное восприятие и усложняют поиск взаимопонимания. В целом, отметим, что развитие языка как вторичной знаковой системы предоставило человеку уникальные возможности абстрактного мышления, недоступные для других биологических видов, ограниченных первичными сигнальными системами. Однако наряду с этими преимуществами, язык и сопряженные с ним когнитивные процессы порождают ряд ограничений и дисфункциональных паттернов, которые приводят к конфликтам и деструктивному социальному поведению [2]. Большинство социальных конфликтов, таких как войны, насилие, дискриминация, вызываются или оправдываются идеологическими, религиозными или политическими концепциями, существующими в информационно-символической сфере, а не в материальной реальности. Важным этапом в эскалации конфликта является фаза вербального планирования, организации и нагнетания напряженности. Таким образом, язык выступает как когнитивный инструмент, который может

использоваться как для созидательных, так и для деструктивных целей в социальной сфере.

На социокультурном уровне выделим два вида проявления рекурсивности конфликта. Первый это культурные нормы и традиции. Многие исследователи, политики, общественные деятели говорят о том, что современная культура – это культура конфликта (в противовес которой была сформулирована культура мира, принятие Декларации о которой в 2024 году отмечает ООН), формирующая и воспроизводящая конфликтную социальную реальность. Как формулирует С.Н. Глазачев, за два тысячелетия была создана культура, отрицающая мир, гармонию, целостность, порядок — культура отчуждения, разобщения, борьбы, разрушения, культура войны [3].

Второе проявление – это идеологии, которые могут создавать рекурсивные системы мышления, поддерживающие конфликты и препятствующие их разрешению. Одной из таких идеологий является крайний национализм, который культивирует представление о неизменной, «чистой» национальной идентичности. Это создает замкнутые, самореферентные системы взглядов, где «мы» и «они» противопоставляются непримиримо. Любые попытки диалога и компромисса воспринимаются как предательство «своих». Такая рекурсивная логика ведет к эскалации конфликтов на этнической или религиозной почве. Другой пример - радикальный фундаментализм, будь то религиозный или идеологический. Он строится на абсолютизации определенной системы убеждений, которая объявляется единственно верной. Любые альтернативные взгляды отвергаются как ложные или еретические. Это создает жесткие, самозамкнутые мировоззренческие конструкции, не допускающие плюрализма и диалога. Общим для таких идеологий является стремление к созданию неизменных, самодостаточных систем, отгороженных от внешнего мира. Это порождает рекурсивные

циклы, когда конфликты воспроизводятся вновь и вновь, поскольку отсутствуют механизмы их продуктивного разрешения.

Понимание рекурсивной природы конфликта является ключевым фактором для его эффективного разрешения. С помощью целенаправленных усилий по изменению индивидуального восприятия, коммуникативного стиля и социальных норм можно преодолеть циклическую динамику конфликта.

Список литературы

1. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Санкт-Петербург. – Наука, 2007 - 644 с.
2. Якимова Е.В. Языковые вызовы XXI столетия: социально-психологические аспекты. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2021. – № 1. – С. 51–75.
3. Глазачев С.Н., Анисимов О.С., Глазачев О.С. Культура мира: взгляд из России // Вестник МАН РС. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-mira-vzglyad-iz-rossii> (дата обращения: 04.10.2024).

УДК 1 (091)

Осипов И.Д.,
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: IDOSIPOV@mail.ru

Аксиология русской культуры: конфликтологический аспект.

Аксиология русской культуры включает различные ценности. Важнейшими ценностями консерваторов были ценности государственности, соборности, православия, патриотизма, традиции. Эти ценности стали аксиологической предпосылкой концепций культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, славянофилов А.С. Хомякова и К.С. Аксакова, византизма К.Н. Леонтьева, монархизма Л.А. Тихомирова, национализма М.О. Меньшикова, евразийства и др.

В философии А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского была представлена идеология народничества, включающая ценности социальной справедливости, эгалитаризма, свободы, коллективизма, атеизма, революционаризма. На их основе были созданы концепции русского крестьянского социализма, анархизма и др.

Аксиология русского либерализма отражена в философии Б.Н. Чичерина, А.Д. Градовского, П.И. Новгородцева, К.Д. Кавелина, П.Б. Струве. Основными ценностями русских либералов выступали ценность свободной личности в единстве с её обязанностями перед обществом и государством, ценности права и собственности, ценность конституционализма и прогресса. Отечественными либералами были разработаны концепции правовой монархии Б.Н. Чичерина, народного самодержавия К.Д. Кавелина, «Великой России» П.Б. Струве и др.

Конфликт представленных ценностей во многом влиял на развитие общества и государства в России, отразился в противостоянии радикальной интеллигенции и верховной власти, что способствовало революционным событиям начала XX века.

Список литературы

1. Осипов И.Д. Философия политики и права. СПб., СПбГУ, 2014.
2. Философия русской революции. Колл. монография. Под ред. И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. СПб., Изд-во Политехн. ун-та 2017.
3. Камнев В.М., Осипов И.Д. Политическая философия русского консерватизма. СПб., «Владимир Даль». 2023.

УДК 248.14+27+316.47+316.48

Острогляд А.В.,
*православный психолог, медиатор,
Центр христианской практической психологии
Санкт-Петербургской Духовной Академии,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: alina_ostroglyad@mail.ru*

Христианское миротворчество: мир и меч міру.

Говоря о принципах российской конфликтологии, выделяют «Принцип борьбы со Злом в его конфликтах с Добром» (А.Я. Анцупов, С.Л. Прошанов). Данный принцип декларирует основное отличие отечественной конфликтологии от западной как отсутствие права на позицию безразличия в борьбе с социальным злом: отечественный конфликтолог призван, не щадя своих сил сражаться в батальоне Добра против армии Зла. Сражаться на стороне Ангела против Чёрта: «Пассивное, безоружное, неорганизованное Добро в нынешней конкретной ситуации - Зло» [1, С. 237].

Христианское миротворчество в полной мере, однако, по-своему, отвечает данному принципу. Оно основано на седьмой Заповеди Блаженств: «Блаженны миротворцы, ибо Сынами Божиими нарекутся» [2, Мф. 5:9]. Это одна из самых сложных для исполнения Заповедей, поскольку требует определенного уровня сформированности христианского мировоззрения и духовной зрелости. Христианское учение антиномично, поэтому также необходимо помнить слова Спасителя: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» [2, Мф. 10:34-38]. Трактовка меча - любовь к Богу, разделяющая верующих с препятствующими вере. Также речь идет о разделении двух миров, отраженных в церковной славянской культуре традицией двоякого написания: внешнего видимого міра

(падшего и враждующего) и внутреннего мира души (смиренного и укрощенного). «Мірѣ, отделивший себя от Бога, стал послушен отцу лжи, князю міра сего» [3, С. 169].

Необходимо подчеркнуть, что христианское миротворчество – отнюдь не спасение «міра, лежащего во зле» [2, 1 Ин. 5:19], оно реалистично и потому не содержит технологии, способной истребить зло и вооруженные конфликты на земле, поскольку причина одна: «отпадение людей от Бога и Божия закона» [4, С. 219]. Решение также одно: «Христос Своим Евангелием предложил и заповедал человеку воевать с самим собой, дабы тем самым устранить возникновение других войн; те, кто не ведет брань с самим собой, со своими страстями, пороками и грехами, неминуемо ведут ее с Богом и со своими ближними» [4, С. 218].

Христиане – духовные воины по призванию, поэтому важно отделить христианское миротворчество от того, чем оно не является: это не гуманизм, не философия непротivления злу насиліем, не пацифизм, не план по демилитаризации мира, не миростроительство.

Наиболее близкими к христианскому подходу разрешения конфликтов является медиативный подход Ц.А. Шамликашвили. Вместе с тем сравнительный анализ [5, С. 75-87] показывает, что христианский подход к разрешению конфликтов включает в себя медиативное мировоззрение, однако, он значительно шире и позволяет мирно разрешать конфликты, для которых нет миротворческих инструментов в секулярном міре: это односторонний путь жертвенной любви (агапе), когда одна из сторон не настроена сотрудничать.

Можно выделить два направления христианского миротворчества:

1. детально проработанные технологии служб примирения различных христианских деноминаций, распространенных по всему миру (меннонитов, анабаптистов и др.), основанные на библейских принципах разрешения

конфликтов и ставящих миротворческую миссию приоритетной задачей Церкви;

2. православное святоотеческое учение о первичности стяжания мира душевного для исполнения Заповеди о миротворцах. То есть вся борьба с конфликтом и его разрешение в православии — это труд по восстановлению в человеке образа Божия. Важно отметить, что мир душевный в описаниях святых отцов Церкви практически полностью совпадает с современным определением душевного здоровья, которое «характеризует личность в целом и находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа» [6, С. 28].

Импульсом к преобразованию внешнего міра является мирь души. Христианин-миротворец призван бороться с социальным злом по слову преподобного Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи».

Список литературы

1. Анцупов А.Я., Прошанов С.П. История отечественной конфликтологии. Указатель 1762 диссертаций. – Москва: Проспект, 2018. – 448 с.
2. Библия. – Российское Библейское общество. – М., 2002. – 1296 с.
3. Семенцов В.В. «ГлаголЪ». Корнесловный словарь-справочник. – Ярославль: Факел, 2020. – 364 с.: ил.
4. Святитель Николай Сербский (Велимирович) Творения: Библия и война / Пер. С.П. Фонова; общ. ред. И.М. Числова. – М.: «Омофор», «Паломник», 2016. – 432 с.
5. Острогляд А.В. Сравнение медиативного и христианского подхода к разрешению конфликтов // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы Всероссийской конференции. 2 октября 2020 г. / Под ред. Ю.М. Зенько. – СПб: Центр христианской психологии и антропологии, ООО «Контраст», 2020. – 128 с.

6. Попов В.В., Новикова И.А. Психологические основы здоровья человека: учебное пособие. – Санкт-Петербург: СпецЛит, 2017. – 303 с.

УДК 316.752.4

Павлова Е.В.,
аспирант, инженер-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: e.v.pavlova@spbu.ru

Трансформация ценностей в цифровую эпоху: конфликты и вызовы*.

Происходящие под влиянием цифровизации социокультурные изменения затрагивают как индивидуальную, так и общественную ценностную систему. Цифровая трансформация ценностей представляет собой глубокий сдвиг, обусловленный социально-экономическими явлениями, которые часто приводят к конфликтам между традиционными и формирующимися системами ценностей. В эпоху цифровизации значительные изменения влияют на то, как мы живем, взаимодействуем и воспринимаем окружающий мир, что имеет далеко идущие последствия для ценностей, формирующих нашу индивидуальную и коллективную идентичность.

Цифровизация, с одной стороны, расширяет возможности для индивидов, предоставляя доступ к информации и коммуникации на глобальном уровне. В то же время экономическая глобализация способствует возникновению космополитичной культуры, которая стандартизирует национальные культуры и может угрожать их уникальности. Этот процесс приводит к столкновениям традиционных и новых систем ценностей, создавая конфликты, которые ставят под угрозу развитие культурного

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00220, <https://rscf.ru/project/23-28-00220/>.

многообразия и наследия, национальной уникальности. Г.И Авцинова и Е.Ю Воронина выделяют влияние цифровизации на переосмысление ценностей и в особенности таких аспектов, как семейная жизнь и межличностные отношения, универсальность, демократия, толерантность, свобода, роль государства [1].

Стоит отметить, что процессы перехода к постиндустриальной фазе развития могут создавать условия, способствующие возникновению серьезных социокультурных конфликтов, особенно в обществах с традиционалистскими воззрениями. При этом подобные конфликты не имеют классового характера в том смысле, что столкновения интересов разных классов обусловлены их антагонистическими позициями; скорее, они указывают на ценностный разрыв между различными социальными слоями. В условиях, когда классы придерживаются различных и несовместимых подходов к системе ценностей, такие конфликты становятся особенно острыми.

В странах с высоким уровнем постиндустриального развития эти конфликты зачастую принимают скрытую форму и выходят на политическую арену. Отчужденные в рамках социальной структуры группы начинают искать поддержку у политических движений, которые выступают за подавление социальных изменений, защиту традиционных ценностей, ведение жесткой миграционной политики, приоритизацию национальных интересов [2].

Как показывает исследование Р. Инглхарта, наиболее активную поддержку таким политическим силам оказывают представители старшего поколения, менее образованные граждане, мужчины, верующие люди и члены этнического большинства — все те, кто является носителями традиционных культурных установок [3, С. 252]. Эта динамика подчеркивает необходимость глубокого анализа социокультурных изменений и изменений в системе

ценностей в свете постиндустриального развития, а также их влияние на стабильность социальных структур.

Однако изменения, как отмечает Р. Д. Раммелл в книге «Спираль конфликта», являются неотъемлемой частью современного общества и приводят к противопоставлению ценностей как между отдельными индивидами, так и индивидуальными ценностями, и ценностями общества. Основная причина межличностных конфликтов заключается в том, как люди понимают суть ценностей, что определяется различиями в образовании, поколении и культурных особенностях [4].

Трансформация ценностей в цифровую эпоху проявляется в нескольких ключевых тенденциях. Прежде всего, технологические изменения, такие как практически неограниченный доступ в Интернет, влияют на традиционные нормы и создают новые стандарты жизни. Экономические и политические изменения также оказывают непосредственное влияние на повседневную жизнь людей и на их ценности. В этой связи цифровая трансформация становится вопросом стратегической безопасности: она порождает новые вызовы и проблемы, связанные с идентичностью на глобальном уровне.

Конфликты, возникающие вследствие этих трансформаций, представляют собой сложные и многогранные процессы, включающие борьбу между коллективными и индивидуальными ценностями, «старыми» и «новыми» ценностями, а также глобальными и локальными ценностями.

Конфликт между устоявшимися культурно-исторически ценностями и новыми, сформированными цифровой эпохой, требует осмысленного подхода и диалога. Глобальные ценности, продвигаемые цифровыми платформами и транснациональными корпорациями, противостоят локальным традициям и культурным нормам. Балансирование этих интересов становится критически

важным для обеспечения социальной стабильности и идентичности.

Список литературы

1. Авцинова Г.И. и Е.Ю.Воронина. Трансформация ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации // PolitBook, 2023. № 1. С. 46—57.
2. Парцвания В.Р., Хупения Н.Р. Трансформация ценностей на пути к постиндустриальному обществу // Российский гуманитарный журнал. 2018. №4. С. 273-283
3. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
4. Rummel R.J. The conflict helix: principles and practices of interpersonal, social, and international conflict and cooperation. 1991, Transactions Publishers.

УДК 304.444

Петрова Н.В.,
*кандидат культурологии, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: n.petrova@spbu.ru*

Петрова А.А.,
*исследователь, преподаватель-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.a.petrova@spbu.ru*

Консолидация российского общества в рамках развития традиционных культурных ценностей.

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» институционализировал понятие традиционных ценностей. Принятие данного указа было вызвано угрозами, которые стояли к тому моменту во внешнеполитической и внутривнутриполитической обстановке государства: «Настоящие Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета» [1].

С точки зрения аксиологических аспектов культуры, данный Указ направлен на консолидацию общества. В актуальных условиях, стремительная глобализация, которая декларировалась как интегрирующая сила, а также способ преодолеть конфликты и разногласия, не способна остановить противоречия, и зачастую и выступает как обостряющий фактор, тем более, что главными акторами глобализационных

процессов являлись и являются страны, отнесенные к недружественным современной Российской Федерации.

Консолидация российского общества предполагает наличие единых моральных, культурных и социальных ценностей, которые объединяют людей. Это может включать в себя традиции, обычаи и идеалы, которые разделяются большинством членов общества. В рамках стремления к консолидации, которая сейчас является одним из приоритетных направлений в Российской Федерации, развитие традиционных культурных ценностей способствует:

- **Формированию гражданской идентичности.** Формирование общей социальной идентичности, которая помогает людям чувствовать себя частью одного сообщества. Это может быть связано с национальной, этнической или культурной идентичностью;

- **Коммуникации и диалогу:** Открытые каналы коммуникации между различными группами населения позволяют обсуждать проблемы и находить компромиссы, что также способствует консолидации.

- **Сохранению самобытности во всё ускоряющихся «условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов» [1].**

- **Выработке общих целей и интересов.** Наличие общих целей, таких как экономическое развитие, социальное благополучие или защита окружающей среды, может объединять людей и способствовать консолидации.

- **Развитию доверия и взаимопомощи:** Высокий уровень доверия между членами общества и готовность помогать друг другу укрепляют социальные связи. Это может проявляться в поддержке соседей, участии в местных инициативах и создании сообществ по интересам.

- Созданию институтов и организаций, позволяющих объединить российское общество. Существование сильных институтов (например, семейных, образовательных и религиозных) и организаций (профсоюзов, общественных объединений) способствует консолидации общества, обеспечивая платформы для взаимодействия и сотрудничества.

Все вышеперечисленное, исключает диалог о конфликтности традиционных культурных ценностей, а помогают создать более устойчивое и гармоничное общество, где люди чувствуют себя связанными друг с другом и готовы работать вместе для достижения общих целей.

Тем не менее, основной задачей, стоящей перед государством, становится воспитательная функция, так как изначально заложенный позитивный посыл, который содержит Указ, должен быть корректно донесен и воспроизводим.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»// URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 07.09.2024)

УДК 316.642

Попов П. П.,
*магистрант, кафедра прикладной конфликтологии и
медиации, Институт социологии и регионоведения, ФГАОУ
ВО «Южный федеральный университет»,
Московская обл., г. Балашиха
E-mail: fpb-2006@bk.ru*

Христианская психология и когнитивно-поведенческая психотерапия

С течением времени психология становится все более дифференцированной: развиваются отрасли, популяризируются профориентационные направления, все более изучаются различные течения, изучающие состояния сознания и религиозный опыт.

В условиях глобальных перемен во всех сферах общественной жизни, особый интерес для исследователей начинает представлять именно взаимосвязь мировоззренческих учений, концепций, альтернативных материалистическим. Так в России уже не одно десятилетие постепенно развивается христианская психология, представляющая собой симбиоз христианской антропологии и современных психологических научных знаний, в рамках которых реализуется целостный подход к человеку.

К настоящему времени в работах исследователей сформировалось несколько неоднозначных взглядов на взаимосвязь психологии и религии, и, как следствие, на христианскую психологию.

Сторонники исключительно научных парадигм полагают, что религия и психология в целом не имеют никакого отношения друг к другу, не взаимосвязаны и практически не имеют ничего общего. Советский психолог А.В. Петровский отмечал, что «психология, как и любая наука,

не может пересекаться с верой или с религией, потому что наука и религия существуют в параллельных, непересекающихся плоскостях».

Так же существует подход, в рамках которого исследователями взгляд на отношения между религией и психологией подразумевает, что религия либо попадает в сферу психологического знания, либо наоборот – психологические нормы учтены в религиозных положениях.

Существует и третье направление, которое на мой взгляд, наиболее правильное, в рамках которого взаимосвязь психологии и религии принимается и подтверждается как частичное пересечение областей знания, так как объектом исследования в обоих направлениях является человеческая душа.

Целью данной работы является анализ теоретических аспектов православной психологии и сравнение их с основами когнитивно-поведенческой психотерапии.

Для достижения вышеназванной цели были разработаны следующие задачи: охарактеризовать понятия православной психологии и когнитивной психотерапии, рассмотреть их предметы и основные положения; изучить общие векторы христианства и когнитивной психотерапии; рассмотреть их основные различия.

Православному психологу необходимо тесное сотрудничество со священником, взаимодополнение и разграничение психологической душевной работы в ведении верующего человека с учетом его состояния и индивидуальных особенностей. Важен и принцип духовно-нравственного роста самого психолога.

Ряд тем и подходов православной психологии имеют перспективы использования и внутри обычной психологии. В рамках истории психологии можно исследовать становление святоотеческого учения о душе, в рамках общей психологии пригодились бы святоотеческое учение о разных силах души,

душевных состояниях. Определенные христианские темы могли бы быть полезны и для других психологических направлений, в том числе и когнитивно-поведенческой.

В настоящее время мы проживаем в прекрасную эпоху, в которой история христианства насчитывает более двух тысячелетий: за столь огромный период нам есть что посмотреть, что почитать, есть возможность увидеть и проанализировать опыт тех людей, которые встали на путь христианства и прошли его достойно.

Для практики православной психологии особенно важна личность самого психолога, а не только психологические методы и методики, которые он использует в своей практике.

Православный психолог должен проходить свой внутренний путь к Богу, иметь собственный опыт религиозной жизни, быть проводником истины в той области, где он трудится, основывая на этом свой профессиональный путь.

Опираясь на имеющиеся стремления исследователей из числа психологов и представителей Православной церкви изучить применение психологии в православии, можем предположить, что со временем православная психология утвердится как наука со своими методами, теоретическими и экспериментальными задачами и практическим применением.

Сейчас, в процессе формирования православной психологии многие психологические методы еще проходят процесс ревизии на предмет возможности использования в православной психологии с учетом того, что основная практическая задача православной психологии – это оказание помощи в восстановлении отношений человека с Богом. И основное отличие православной психологии – опора на христианское мировоззрение, на взгляд на человека с точки зрения христианской антропологии. В настоящее же время православная психология формируется и существует как некое комплексное, междисциплинарное направление, в котором, с

одной стороны, происходит соединение теоретического и практического подходов, и с другой стороны, сравниваются и соотносятся идеи христианской антропологии и современной психологии. С этой точки зрения уже сегодня внутри православной психологии есть некая область, более ориентированная на научный подход, но, тем не менее, многие ее области далеки от собственно научного подхода и вполне вероятно, что это сохранится и в будущем. Но в любом случае, современная православная психология дает возможность приложения сил как психологам, стоящим на чисто научных позициях, так и психологам, которые подходят к ней в первую очередь с христианских позиций.

УДК 316.4

Радченко С.М.,

*студент, факультет управления и политики,
Московский Государственный Институт Международных
Отношений МИД России (Университет), г. Москва
E-mail: overjoyed.child6@mail.ru*

СМИ и информационное поле конфликтного пространства: методология анализа и управления.

К сожалению, все чаще и чаще в современном мире говорить о прекращении или хотя бы заморозке конфликтов уже не приходится. Согласно высказываниям многих политических аналитиков, политологов и социологов – практически всего научного сообщества, касаемого политики, (В.А. Ачкасова [1], Алан Турен) – общий уровень мировой напряженности в сфере глобальных общечеловеческих проблем заметно вырос и снижаться не планирует. Международные и межправительственные организации все чаще и чаще теряют свое влияние в урегулировании как локальных, так и региональных (вплоть до мировых) конфликтов, из-за чего на помощь таких организаций как ООН или НАТО рассчитывают все меньше.

Именно в таких условиях и граждане, и политики все чаще прибегают к средствам массовой информации, впрочем, никогда не обделенных вниманием, для влияния на конфликтное пространство. В условиях, когда СМИ действительно могут и становятся «четвертой ветвью» власти, не говорить об их значительном влиянии как на простую жизнь, так и на глобальную политическую ситуацию невозможно.

Средства массовой информации стали чуть ли не главным средством политической коммуникации. Выполняя свою основную информационную функцию, за последние десятилетия СМИ достигли больших успехов в формировании

общественного мнения и влияния на политическую социализацию. Журналистика все меньше представляет интересы и все больше говорит о мнениях, формирующих отношение общества к тем или иным событиям, явлениям, процессам и даже людям. В условиях конфликтного пространства СМИ играют ключевую роль в создании определенных рамок понимания конфликта. В западном политическом обществе данное явление часто называют «политическим фреймингом» (от англ. «frame» – рамка) [2].

Помимо прочего, некоторые политологи и социологи причисляют СМИ непосредственно к участникам конфликта именно из-за присущей им функции формирования и влияния общественного мнения.

Политический конфликт – это столкновение, противоборство различных социально-политических сил и субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и цели в сфере получения и контроля власти, ее перераспределения.

Информационное сопровождение конфликта, как считал М. Мельников, есть направленное или спонтанное освещение в прессе значимых событий внутри конфликтного пространства [3]. На мой взгляд, как и на взгляд критиков Мельникова, освещение конфликта в прессе не может быть спонтанным, это намеренное действие преследующее определенные иллюзии, в первую очередь – формирование общественного мнения. Политика журналиста здесь может быть, как и особо радикальная, так и подчеркнута нейтральная, при этом согласно общепризнанной мировой этике журнализма второй вариант является наиболее приоритетным [4].

Однако интересней посмотреть не только на конфликты, уже освещаемые СМИ, но и на конфликтные ситуации, начавшиеся или вновь разожжённые журналистической деятельностью. В июне 2024 года из

Британской тюрьмы под залог вышел Джулиан Ассанж, известный благодаря основанию WikiLeaks, некоммерческой организации, публикующей секретные материалы из различных источников.

Список литературы

1. Ачкасова В. А. Возможности СМИ в области лоббирования: медиа как фактор конфликтности и соглашения // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность. М.: РОССПЭН, 2007. С. 137–151.
2. Лопатин С. В. Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием // Дискурс-Пи: Научный журнал / учредитель Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Издатель: Издательский Дом "Дискурс-Пи". С. 68-76.
3. Прикладная конфликтология. М.: Права человека, 2006. 158 с.
4. Международные стандарты профессиональной этики журна- листов: учеб.-метод. пособие / сост. А. В. Байчик, Ю. В. Курышева, С. Б. Никонов. — СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Вышш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2012. — 102 с.
5. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея пресс, 2000. 208 с
6. Козырев Г. И. Политическая конфликтология. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. 432 с

УДК 172.15(470+571)

Савва Е.В.,

*кандидат философских наук, доцент,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
E-mail: ev.savva@yandex.ru*

Динамика российского патриотизма: как меняется базовая традиционная ценность.

Патриотизм как социальный феномен имеет сложную структуру и проявления. Как указывает А.В. Селезнева, патриотизм следует рассматривать как ценность [1, с. 204]. Исследования, проведенные автором доклада, дают возможность сформулировать идеи об эффективных методах изучения патриотизма как традиционной ценности и особенностях динамики российского патриотизма в нынешнем столетии.

Концепт патриотизма сложен и динамичен. Его содержание меняется в различные исторические периоды. По мнению автора доклада, для изучения содержания патриотизма, в том числе в динамике, необходимо применять качественные методы. Исследователи могут делать выводы о восприятии патриотизма обществом на основе анализа текстов: научных, публицистических, художественных и мемуарных. Объект изучения (текст) диктует систему методов, которые целесообразно использовать. Научная практика позволяет выделить композиционно-содержательный анализ как относительно несложный и в то же время достаточный для решения названной выше исследовательской задачи метод.

Для измерения динамики патриотизма, по мнению автора, целесообразно применять количественные методы. Среди них апробирован автором вторичный сравнительный анализ простых процентных распределений. Для

использования данного метода есть эмпирическая база. Социологические исследования патриотизма в России регулярно проводятся без перерывов около двух десятилетий. Результаты ранее проведенных опросов общественного мнения могут использоваться для сравнения, служить «точками отсчета». В случае изучения динамики патриотизма объектом вторичного анализа выступают результаты панельных опросов общественного мнения Фонда «Общественное мнение» (ФОМ). Полученные ФОМ процентные распределения дают возможность изучать динамику представлений россиян о патриотизме на протяжении длительного периода времени [2]. По мнению автора, двадцатилетний период проведения панельных опросов можно рассматривать как достаточный, поскольку он дает возможность для сравнительного анализа средних значений простых процентных распределений. Причина в том, что период в двадцать лет можно разделить на несколько меньших по длительности примерно одинаковых интервалов. Каждый из этих интервалов, в свою очередь, будет достаточным для сравнения и интерпретации средних показателей.

Автор разделил интервал наблюдений ФОМ с 2006 по 2023 гг. на три примерно равных отрезка времени: с 2006 по 2012, с 2012 по 2018, с 2018 по 2023, и определил среднегодовые возрастания доли россиян, которые рассматривали себя в качестве патриотов. В течение первого периода среднегодовое значение составило 1,17 %, второго – 2,17 %, третьего – 1,4 %. Очевидно превышение исследуемого показателя во втором периоде по сравнению с первым и третьим, которое можно интерпретировать.

Два последних десятилетия ценность патриотизма в России увеличивалась темпами, которые можно интерпретировать как очень быстрые. Наибольшие темпы повышения значимости патриотизма были характерны для

временного интервала 2012 – 2018 гг., что может быть связано с внешнеполитической активностью РФ и результатами этой активности. В то же время, можно сделать следующее предположение: высокая скорость усиления значимости патриотизма препятствовала формированию и закреплению в общественном сознании единого понимания данного феномена. Содержание патриотизма для представителей различных социальных групп может быть разным. В связи с этим, по мнению автора, актуальными являются исследования восприятия патриотизма в современной России.

Динамика патриотизма как объект научного анализа имеет ряд особенностей. Такую динамику необходимо рассматривать в двух основных аспектах. Первый – изменение восприятия патриотизма обществом в ходе социально-политического развития. Это восприятие со временем может существенно изменяться. Второй аспект динамики патриотизма характеризует восприятие патриотизма членами различных социальных групп на протяжении относительно небольших временных интервалах, которые можно измерить годами. Подобную динамику можно зафиксировать социологическими исследованиями, в том числе массовыми опросами общественного мнения.

Список литературы

1. Селезнева А.В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ//Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200 – 208.
2. Патриотизм и патриоты. Должен ли каждый быть патриотом? 9 июня 2023//Фонд Общественное мнение. <https://fom.ru/TSennosti/14882> (дата обращения: 20.08.2024).

УДК 327

Сирота Н.М.,
*доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: sirotanm@mail.ru*

Глобальная конфликтность и перспективы миропорядка.

Завершение холодной войны привело к возникновению постбиполярного миропорядка, отличительной особенностью которого является резко возросший уровень глобальной конфликтности. Усиливаются конфронтационные и анархические тенденции, международное право перестает быть эффективным сдерживающим фактором в вопросах применения силы.

Стержень глобальной конфликтности - разлом мира на две составные части: с одной стороны, Запад и Украина, с другой - Китай и Россия. Противостояние по линии Россия - Запад, по сути, проистекает из хаотичности и незавершенности процесса распада биполярной системы, создавшего ситуацию «отложенного конфликта» в российско- украинских отношениях. Столкновение предстает одновременное как геополитическое, вызванное преимущественно территориальными аспектами национальной самоидентификации, и ценностное, сопровождающееся демонизацией противоположной стороны.

Заслуживает внимания интерпретация содержания и природы военной конфронтации между Россией и Западом политологом А.П. Цыганковым. Российское решение о проведении СВО возникло как ответ на стремление Запада закрепить доминирование в Европе и Евразии и стало результатом неудачных попыток предложить альтернативу

западному глобализму. С другой стороны, правящая элита Украины ведет войну мобилизованного национализмом современного общества, провоцируя к эскалации и Запад, и Россию. В определенном смысле российско-западное противостояние и его эскалация явились результатом провала не только политико-дипломатических усилий, но и теоретической мысли, приоритетом которой должна стать опора на равный цивилизационный диалог [1].

Соперничество между США и Китаем приобретает характер одного из мегатрендов мировой политики и носит порядкообразующий характер. Возможное обострение этого соперничества известными экспертами интерпретируется в логике метафоры «ловушка Фукидида» - как повод для войны между наиболее могущественной державой – США и «восходящей» - Китаем [2, Р.11].

Новой тенденцией международных конфликтов стала гибридность, проявляющаяся в охвате противоборством всех сфер жизни; сочетании обычных и нетрадиционных стратегий, методов и приёмов; отсутствии четкой разграничительной линии между войной и миром. Гибридный характер носят конфликт между Россией и Западом, нарастающее соперничество между США и Китаем. В условиях глобализованного мира, экономической взаимозависимости и единого информационного пространства ключевая практическая проблема гибридных конфликтов состоит в сложности контроля над их развертыванием традиционными средствами дипломатии и достижения мира.

Прогнозируемо возникновение конфликтов нового типа - между ведущими странами мира из-за частично освоенных и практически ничейных сфер деятельности - акваторий Мирового океана, космоса, виртуальной среды интернета. В упомянутых сферах отсутствуют очевидные собственники и четкие юридические нормы владения. Поэтому стремление к их присвоению усилит напряженность

в международных отношениях и особенно между великими державами.

Резкое усиление глобальной конфликтности и снижение её порога хаотизирует международную среду, создает ситуацию «мирового беспорядка», Конфликтностью охвачено пространство Евразии, Северной и Экваториальной Африки. Военная сила играет существенную роль в далеко не завершённом переделе геополитического пространства бывшего СССР. Обострились социальные размежевания внутри государств, в том числе и на почве политизации этничности. Это характерно не только для традиционно нестабильного Юга, но и для относительно благополучных государств Севера (Каталония, Шотландия, Квебек).

Вышеизложенное позволяет утверждать, что современный мир становится всё менее управляемым и погружается в пучину хаоса и мирового беспорядка. Осмысление структурных пределов эскалации глобального конфликта позднего модерна – между Россией и Западом может способствовать выявлению путей снижения напряженности и его урегулированию. Упорядочение международной среды, создание институтов и практик для формирования нового, сравнительно мирного миропорядка становится экзистенциальной проблемой человечества.

С нашей точки зрения, наибольшие шансы для реализации имеет сценарий трансформации ныне функционирующего неустойчивого мироустройства в быстро меняющийся плюралистический миропорядок с элементами биполярности (США-Китай). Процесс формирования нового мирового порядка будет носить пульсирующий, конфликтный и долговременный характер. Наиболее благоприятным для России представляется мировой порядок, основывающийся на принципах гибкого международного сотрудничества без жесткого деления на сферы военно-политического контроля.

Список литературы

1. Цыганков А.П. Глобальный конфликт позднего модерна: логика и пределы эскалации // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 6. С.10-21. 01.11.2022 <https://globalaffairs.ru/articles/konflikt-pozdnego-moderna/> (дата обращения: 14. 06. 2024).
2. Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.

УДК 316.48

Скалабан И.А.,

*доктор социологических наук, доцент,
Новосибирский государственный технический
университет,*

г. Новосибирск, Россия

E-mail: skalaban_i@mail.ru

Лобанов Ю.С.,

*кандидат философских наук,
Новосибирский государственный технический
университет,*

г. Новосибирск, Россия

E-mail: lobanov-y@mail.ru

Сложный городской конфликт: связанность и устойчивость* .

Высокая частота конфликтов в крупных городах последних десятилетий переводит их из точечных, эпизодических и кратковременных в длительно существующие явления с воспроизводимыми проблемами, устойчивыми сообществами, масштабируемыми механизмами конфликтования. Такие конфликты приобретают все большую институциональную устойчивость как инструменты системной власти и публичной политики.

Однако целостного понимания сущностных характеристик городских конфликтов и конфликтных процессов достичь не удастся. Популярные теоретические подходы либо вписывают конфликт в более широкие социальные, политические процессы (теории права на город А. Лефевра, Д.Харви, городских режимов К. Стоуна, арен Б. Ферман, Дж. Джаспера, публичных арен С. Хилгартнера, Ч.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01352, <https://rscf.ru/project/24-28-01352/>.

Боска), либо фокусируются на акторах и конфликтных проявлениях, оставляя за скобками уникальность городской среды (теории коллективного действия Ч. Тилли, просоциального неповиновения Д. Морзелли и С. Пассини). Кроме того, интересы современных исследователей носят скорее «урбанистический» характер, концентрируясь на сферах градостроительства, землеустройства, городского планирования, экологии. Это важно, но за границами предметной области остаются связи между конфликтами, выходящими за обозначенные рамки, например, инвестиционными и символическими, конфликтами благоустройства и этническими конфликтами. Это мешает понять логику перехода акторов из одного конфликта в другой, феномен формирования локальных и городских конфликтных сетей. Избирательность отбора кейсов конфликтов по крупным городам помогает зафиксировать много важных типов и сценариев, но не позволяет выделить многообразные связи и зависимости между случаями и эпизодами конфликтов внутри городских отношений, что влияет на устойчивость конфликтности как таковой.

Поэтому в настоящее время важен поиск методологических подходов способных преодолеть противоречие между ростом качественного многообразия городских конфликтов и необходимостью их теоретического и эмпирического осмысления как целостных городских процессов, способных оказывать влияние на городскую среду и практики управления городом, а также осмыслить отдельные признаки из сложности.

Авторы предлагают и делают шаги по эмпирическому обоснованию концепции сложного городского конфликта, тичной совокупности его свойств:

- множественность: многосубъектность акторов, носителей множественных справедливостей; множественная предметность заявляемых повесток;

- связанность: установление многообразных зависимостей, связей, сетей, как между элементами конфликта с усугублением внутренней сложности, так и между конфликтами, их акторами, формирование союзов и коалиций, выстраивание сложных властных отношений;
- устойчивость и онтологическая самостоятельность элементов конфликта вне его протекания в случае его завершения или перехода в спящий режим;
- структурная подвижность: взаимовлияние и подвижность элементов внутри конфликта, подвижность связей и границ;
- динамичность разворачивания, изменения симметрии/ассиметрии конфликта, дихотомичность функционального потенциала осуществляемых действий: обострения и ослабления конфликта.

Интерес к таким параметрам как связанность и устойчивость, являются важными показателями сложных конфликтов, поскольку позволяют осмыслить характер сетевых отношений акторов, выявить новые конфликтные механизмы общественного участия на уровне города и его отдельных территорий.

Массив данных для эмпирического анализа представлен в уникальной для российской исследовательской практики Геоинформационной базой данных конфликтов Новосибирской агломерации (<https://conflictsnsk.ru>), разработанной коллективом авторов в 2021 году (Св. о рег. 2021622760, 02.12.2021) и пополняемой и в настоящее время. На момент подготовки публикации она содержала 611 кейсов конфликтов, структурированных по более чем 30 показателям.

Сравнение двух групп конфликтов (имевших/не имевших признаки сложного конфликта) позволил увидеть, большую длительность и интенсивность сложных конфликтов (3,6 года/9,25 событий), которая более чем в два раза превышает длительность сопоставимых с ними по ряду параметров «простых» конфликтов (1,75 года/3,3 события).

Почти в два раза чаще их участники упоминаются в медиа (сложные 9 чел. / «простые» 4,6 чел.). В три раза чаще гражданские персоны, многократно участвовавшие в городских конфликтах (сложные 5,6/ «простые» 1,75), принимают участие в сложных конфликтах, что свидетельствует об их значимости и ресурсности для городского развития.

УДК 323.1

Скороходова В.П.,

кандидат политических наук, доцент,

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: vaskoro@sfedu.ru

Оценка региональной конфликтогенности в условиях современных вызовов на примере отдельных субъектов Юга России.

Постановка проблемы. Нарастание проблем современного общества следует искать, преимущественно, в плоскости системной, сложной и противоречивой глобализации, непростых транснациональных отношений, дополнительную остроту которым придает соперничество великих держав. В текущий период истории необратимые перемены на мировой арене продемонстрировали построение нового, многополярного мира, который, однако, не стал бесконфликтным. Многие региональные конфликты поныне остаются неурегулированными, сохраняется вероятность возникновения новых «горячих точек», имеет место расширение очагов конфликтов постбиполярной эпохи.

В посткоммунистический период трудности трансформационных процессов на постсоветском пространстве способствовали росту этнической конфликтности, проявлению этнизации (подчеркиванию своей этнорелигиозной идентичности, культуры и самобытности), что имело выход в деструктивных вариантах развития событий на региональном уровне. В этой связи целесообразно обратиться к опыту видных экспертов в этой области, которые под социально-конфликтогенным пространством региона подразумевают «наличие конфликтогенных факторов, продуцируемых территориально-организованными социальными общностями и организациями — исторически

сложившимися конфликтными отношениями между этническими общностями, положением региона в системе этнофедеральных отношений, несовершенством административного устройства региона, неравномерностью развития субрегиональных единиц и другими факторами, продуцирующими социальные напряжения и конфликты» [1, С. 70]. К ним относится целый комплекс политических, социальных, экономических национальных, демографических, экологических, культурных, миграционных и др., факторов развития. Отметим, культурная, языковая конфессиональная мозаичность - отличительная черта современного российского общества [2, С. 8].

Во время глубоких кризисов внутри многонационального государства этнополитическая проблематика, на наш взгляд, может уступать место другим факторам региональной конфликтогенности. Так, усложнение международной ситуации в текущий момент характеризуется все большим нарастанием нестабильности. Такая ситуация может снижать устойчивость российских субъектов, в особенности на Юге России (политическое пространство которого представлено Южным и Северо-Кавказским федеральными округами), расположенных вблизи границ военных действий, противостоять совокупности вызовов и угроз, в том числе воздействию западных санкций.

Результаты. Применение принудительных мер способно создавать препятствия для развития национальной экономики, в определенной мере «влиять на жизнь населения в этих регионах, отражаться на социально-политической обстановке, носить как конструктивный, так и деструктивный характер» [3, С. 204]. Очевидно, что такая политика причиняет урон наиболее незащищенным, преимущественно бедным группам населения, понижает их уровень жизни, способствует росту уровня социальных проблем. Подобные тенденции способны расширять прежние и содействовать появлению

новых очагов напряженности. Проблема защиты безопасности на региональном уровне сегодня стоит не менее остро, чем обеспечение национальной безопасности. Это вкпе требует усилий по решению важной задачи по глубинному осмыслению всех кризисных причин и явлений, несущих в себе опыт как негативного, так и позитивного регионального развития. Например, несложно понять тревожность среди граждан Ростовской области и Краснодарского края, испытывающих дискомфорт от близости военных действий буквально в сотнях километров от них. Миграция через границы этих субъектов большого количество беженцев накладывает определенную нагрузку на эти территории. В Ростовской области и Краснодарском крае была проведена оценка динамики некоторых социально-экономических показателей уровня жизни населения. Выявлен их рост, при этом небольшая величина данного роста показала определенную уязвимость населения.

Показано, что политика противодействия должна основываться преимущественно на внутренних ресурсах развития территорий, нацеленной на переход к суверенной экономике, быть социально ориентированной. Слаженная работа органов государственной власти и граждан будет способствовать консолидации российского общества в условиях текущих вызовов и угроз, формировать прочную систему безопасности многонациональных территорий.

Список литературы

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М.: Альфа-М, 2008.
2. Гуриева С.Д. Психология этнического конфликта. СПб.: Изд-во С. - Петерб. ун-та, 2021.

3. Скороходова В.П. Влияние западных санкций на социально-экономическое положение России и ее отдельных регионов // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. N 4. С. 200-214.

УДК 291.7

Стецкевич М.С.,

*кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: m.steckevich@spbu.ru*

Стецкевич Е. С.,

*кандидат исторических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: stetskevich-es@ranepa.ru*

К определению понятия «религиозный конфликт».

В настоящее время только в отечественной научной литературе насчитывается около двадцати определений понятия «религиозный конфликт». Например, по мнению В.С. Глаголева под религиозным конфликтом следует понимать, во-первых, конфронтацию «групп верующих и клира на основе религиозных мотивов в рамках одной церкви или религиозного объединения», конфликт различных религиозных групп, «идеологически мотивируемый религиозными соображениями ... противостоящих сторон». Г.Х. Юнусова подчеркивает: объектом религиозного конфликта «являются ценности, убеждения, вера, а субъектами – верующие». Л.В. Лучшева убеждена в том, что для отнесения конфликта к числу религиозных «все его структурные составляющие (объект, стороны или их побудительные силы, мотивы, интересы, цели и ценности)» должны иметь «религиозную основу». Религиозный конфликт она понимает, как «противостояние представителей различных вероисповеданий или противоборство внутри одной религии, в основе которого лежит нетерпимость к инакомыслию». Аналогичным образом И.Р. Аминов рассматривает религиозный конфликт как столкновение

мировоззренческих установок, идей и концепций двух или более религиозных конфессий. М.М. Волобуева определяет религиозный конфликт как «столкновение интересов, разногласия и противоборство субъектов, мотивом и предметом споров которых являются модусы религиозной сферы».

На наш взгляд, главным недостатком этих определений является неоправданное сужение понятия «религиозный конфликт». Вышеперечисленные авторы с большей или меньшей настойчивостью предлагают рассматривать в качестве такового конфликт, в котором в виде обязательного компонента или даже основы присутствует религиозная мотивация, религиозное обоснование позиций противоборствующих сторон. Получается, что религиозный конфликт – это обязательно некий спор по поводу религии, а его субъекты – верующие и/или религиозные организации. Однако к числу религиозных, несомненно, можно отнести конфликты между верующими и неверующими, клерикалами и антиклерикалами, где одна из сторон имеет как раз не религиозную, а антирелигиозную или антицерковную мотивацию. Кроме того, идеологическая мотивация религиозными соображениями по крайней мере у одной из сторон может быть выраженной в ослабленной форме (католики – ирландцы в североирландском конфликте). Как справедливо отмечает К.Н. Самошонков, религиозные конфликты могут существовать в двух видах: собственно религиозные (или внутрирелигиозные) и социетальные. К первому виду относятся конфликты на почве доктринальных расхождений, ко второму – конфликты больших социальных групп, идентифицирующих себя с той или иной религией. Именно социетальные религиозные конфликты тесно переплетены с политическими, этническими, социально – экономическими проблемами. Поэтому введение категории «религиозный конфликт», на наш взгляд, не должно

преследовать цели их жесткого отделения от иных общественных конфликтов, как это получается в том случае, если во главу угла ставится противостояние вероучений и использование противоборствующими сторонами религиозной аргументации.

Мы исходим из того, что понятие «религиозный конфликт» – весьма широкое, объемлющее все случаи конфликтных ситуаций, в которых религия является *значимым разделяющим фактором*. Рассмотрение того или иного конфликта как религиозного (естественно, там, где для этого есть основания) позволяет более полно представить его специфику, а значит, способствует и более адекватному его пониманию. З.В. Силаева справедливо замечает, что религиозность становится определяющим фактором для природы и динамики конфликта в тех случаях, когда религия используется осознанно или неосознанно для отличия противостоящих друг другу субъектов конфликтной ситуации. Таким образом, масштабное и очевидное разделение субъектов конфликта по религиозному признаку является важнейшим основанием для отнесения конфликта к числу религиозных, что не мешает рассмотрению его в качестве, например, политического и/или этнического. Масштабное и очевидное разделение (хотя и далеко не абсолютное) имело место в таком конфликте, как религиозные войны в Западной Европе XVI – XVII вв. С другой стороны, в период борьбы за первую парламентскую реформу в Англии начала 1830-х гг. подавляющее большинство радикальных протестантов было её сторонниками, тогда как в англиканской среде мнения, хотя и не в одинаковой степени, разделились. В подобных случаях, вероятно следует говорить о наличии определенного *религиозного измерения* у политического конфликта. Можно предложить такое рабочее определение: *религиозный конфликт* – это конфликт, в процессе генезиса и развития которого присутствует религиозный фактор, а субъекты

конфликта придерживаются различной религиозной ориентации, или стремятся к утверждению религиозного или нерелигиозного мировоззрения в качестве абсолютно доминирующего, прибегая к подавлению, ограничению прав (юридическому или фактическому) противоположной стороны.

УДК 355.01

Стребков А.И.,

*доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.strebkov@spbu.ru*

Газимагомедов Г.Г.,

*доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: g.gazimagomedov@spbu.ru*

Конфликт как способ предупреждения агрессии и поддержания безопасности.

Конфликт есть способ избавления от опасностей и угроз, есть способ защиты или обороны. Что и случилось 24 февраля 2022 года, когда президентом В.В. Путиным, как Верховным главнокомандующим, было принято решение о специальной вооруженной операции (СВО), направленной на купирование опасностей агрессивного внешнеполитического курса Украины, нацеленного на полное уничтожение двух республик – Донецкой народной и Луганской народной республик (ДНР и ЛНР). Вместе с этим решалась и другая не менее важная задача обезопасить страну от продвижения на восток, вплотную к границам России, войск НАТО. В этом определении конфликта как средства защиты и обороны мало кто конфликт рассматривал. А не рассматривая его в этом качестве, в положительном для безопасности качестве, живая западная демократия, всякое нападение предвещающее готовящееся насилие, не признает за справедливое и не агрессивное вооруженное действие, не признает принуждение к миру за действия оборонительные. Враждебный Запад мнит Россию агрессором в отношении Украины, тогда как в действительности, НАТО и Украина, США, ЕС и Украина,

подпадают под определение агрессора, в силу только того, что осуществляют вооруженные попытки захватить, что им уже не принадлежало и уже не будет принадлежать.

Агрессия отождествляется с вооруженным захватом территорий, ресурсов, т.е. с захватом того, что по праву принадлежит другим. ДНР и ЛНР 8 лет до начала СВО де-факто уже не принадлежали Украине, а тем более США и ЕС. Эти республики, определив себя суверенными, должны были быть уничтожены по агрессивным замыслам украинского фашистского режима и его наставников. И в этом проявляла себя, концентрируясь ежечасно агрессивная природа укрофашистского режима. От запланированного, как уже доказано, вооруженного нашествия укрофашистов на суверенные территории, а также, на территорию РФ, и инициированного российским руководством конфликта, морально оправданного в отношении сбережения жизней людей и всеобъемлющей безопасности страны, отделяли всего лишь несколько дней. Превентивный конфликт со стороны России не только начат вовремя, но и без претензий на территорию, на суверенитет, что вне агрессии, вне варварства, вне злобы, вне бесчеловечности.

Чем в большей степени используются в конфликте политические средства принуждения, тем в большей степени безопасность начинает приобретать политический характер. Больше экономических средств, конфликт начинает носить экономических характер. И в тоже время конфликт может быть по своему содержанию или природе экономическим конфликтом, но по своему характеру может быть политическим или национальным. Стоит заметить, что в современном укладе конфликты по природе своей экономические, а по характеру различаются на виды в зависимости от сферы протекания конфликта, и от характера инструментария, которым пользуется обороняющаяся и нападающая стороны. Однако при этом инструментарий

урегулирования конфликта, в какой сфере он не протекает, всегда один и связан с материальной и насильственной составляющими, с деньгами и принуждением. Эти стародавние средства урегулирования конфликта не попадают в поле зрения исследователей, по-видимому, в силу их кажущейся примитивности и не утонченности. Тогда как в действительности все средства, выходящие за пределы этих кондовых, но проверенных историей средств, есть продукт фантазии и иллюзий, не имеющих под собой никаких ни материальных, ни духовных оснований.

Откупиться от Запада, жаждущего от России всего и бесплатно, руководству страны не удалось. Денежные инъекции в гособлигации США, дешевый газ и нефть не сыграли роли демпфера алчных запросов американской и европейской буржуазии. Не удержали ее в обещаниях не продвигать НАТО на восток, к границам России. Международное право оказалось бессильно, находясь под присмотром Госдепа США, а хваленая западная демократия превратилось в голодного волка, для которого Россия виновата во всем лишь потому, что ей хочется кушать. Международное право и демократия стали фиговым листом фашиствующих наклонностей западной буржуазии и их правительств. И только сила оружия могла удержать рвущуюся наружу русофобию, удержать от повторения зверств, сопровождаемых фашистскими режимами.

В использовании конфликта, приостанавливающего укро-американо-европейскую агрессию, заложен величайший механизм обеспечения национальной безопасности. Конфликт, упреждающий более опасный для государства и граждан конфликт, есть конфликт справедливый и оборонительный, сдерживающий агрессивные действия режимов, фашистская природа которых не только заметна обывателю, но она и не скрывается господствующим классом и правительствами этих стран. И в этом своем качестве

предотвращения грядущего конфликта, конфликт его предваряющий, принимает форму средства его разрешения, цивилизованную форму в рамках международного права и морали, с ограниченными, не покушающимися на суверенитет, целями и решаемыми задачами.

УДК 17.01

Сунами А.Н.,
*кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.sunami@spbu.ru*

Конфликтные аспекты развития технологий искусственного интеллекта*

Стремительное развитие цифровых сервисов, которое мы сейчас переживаем, безусловно, как и всякий другой процесс, развертывающийся, как это хлестко сформулировала Яна Мишич, в логике «менталитета Кремниевой долины “двигайся быстро и ломай все”» [1, с. 175], не может не нести с собой риски конфликтов. При этом скорость потока, когда вчерашняя новинка, сегодня настолько укореняется в социальной практике, что становится критической технологией, не позволяет предварительно или в моменте еще не полной имплементации технологии проанализировать всю тяжесть «сопутствующего вреда», что приводит к регулярному запаздыванию реакции и необходимости управлять конфликтами, связанными с уже внедренным алгоритмом.

Тем не менее, несмотря на всю драматичность ситуации, с конфликтологической точки зрения, есть ряд параметров, которые позволяют склоняться скорее к балансной перспективе цифровизации, нежели чем прогнозировать какие-то антагонистические противоречия. Этому способствуют базовые характеристики цифровой реальности. Мануэль Кастельс, автор монументального труда об информационной эпохе пишет, что с сетевой логикой

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00220, <https://rscf.ru/project/23-28-00220/>.

связана гибкость новой «информационно-технологической парадигмы», которая заключается в «ее способности к реконфигурации – решающей черте в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть» [2, с. 77]. Таким образом, гибкость цифрового общества кардинально меняет тактику сохранения резистентности, когда существующий порядок уже не отражает брошенные ему вызовы, а оперативно пересобирает их, доводя до степени полного соответствия себе, прежде чем кто-либо успеет заметить выкристаллизовавшуюся несовместимость [3].

Тем не менее, проблема искусственного интеллекта здесь видится некоторым исключением, в силу того, что конфликты, ассоциированные с данной технологией, носят не совсем цифровой характер. Дело в том, что, обучаясь на массивах данных, искусственный интеллект вбирает в себя весь оцифрованный человеческий опыт, становясь «цифровым наследником» отнюдь не виртуальных социальных отношений. Этот опыт включает в себя всевозможные противоречия, практики дискриминации, властные дискурсы и др. Целый ряд скандалов, связанных с тем, что тот или иной продукт выдавал явно дискриминационные суждения, привели к тому, что крупные разработчики вынуждены были завести в штате специалистов по «анализу этических последствий». Но здесь мы вынуждены обозначить еще один немаловажный аспект. Дело в том, процедура признания предвзятости, имеет в качестве имманентной, стадию получения той или иной группой статуса дискриминируемой. Мы отталкиваемся от того, что проблема предвзятости описывается не в универсальных и абстрактных терминах, а касается вполне конкретных общностей, дискриминация которых в прошлом была осуждена и должна быть реститутивным образом компенсирована. Мы полагаем, что включение/не включение в пул проблем предвзятости может быть описано как результат

конфликта за статус дискриминируемой общности. Ведь именно борьба за гражданские права, в конечном счете, привела к признанию целого ряда расовых, гендерных и иных общностей, как нуждающихся в особом внимании.

Можно сделать вывод, что рефлексия относительно конфликтных аспектов технологий искусственного интеллекта связывает цифровую и реальную борьбу в единый комплекс и требует подхода отличного от обычной оптики рефлексии цифровизации.

Список литературы

1. Mišić J. Ethics and governance in the digital age// *European View*. 2021. 20 (2), pp. 175–181.
2. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура, М.: Высшая школа экономики. 2020.
3. Сунами А.Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2021. Т. 39. Вып. 3. С. 544–556. DOI: 10.21638/spbu17.2023.311

УДК 323.1

Сунчугашева А. А.,
*студент, Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ,
г. Москва, Россия*
E-mail: anna.slik@bk.ru

**Конфликтогенность полиэтнического общества и
проблемы его гармонизации: Синьцзян-Уйгурский
автономный район.**

В каждом государстве действуют центробежные и центростремительные силы, одновременно проходит процесс гомогенизации и дифференциации общества, одним из результатов действия указанных процессов становится явление регионализма, в котором заложен конфликтогенный потенциал [1, С. 102]. “Регионализм - взаимосвязанная политико-экономическая система, обеспечивающая особый статус региональных образований в политической системе государства, участие регионов в реализации государственной власти, их относительную экономическую и фискальную самостоятельность по отношению к государству” [2, С. 671]. Выделяют три основных причины регионализма:

А. этнокультурная: общество разделяется в связи с этническими, культурными, конфессиональными факторами;

В. экономическая: регион обладает достаточными ресурсами для того, чтобы проводить самостоятельную политику, но сотрудничество центра и региона выгодно для обеих сторон;

С. географическая: на территории государства существует явная физическая граница, которая оказывает влияние на коммуникацию внутри страны, развитие, образ жизни, обычно физическая граница подчеркивает и усиливает ментальные границы;

Д. регионализм может быть выбран центром государства как способ вовлечения регионов с невысокими экономическими показателями, на территории которых проживают этнические меньшинства, в политическую жизнь страны [2, С. 672].

Рассмотрим конфликтогенность полиэтнического социального пространства, вместе с тем и регионализм, на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, в котором проживают уйгуры, ханьцы, казахи и маньчжуры. Среди основных причин дифференциации СУАР выделяются следующие:

1) На протяжении всей истории регион, как маятник, качался от самостоятельности к зависимости от соседнего государства, что создало такой прецедент исторической государственности, который можно, с одной стороны, подтверждать, чем занимается Всемирный уйгурский конгресс, с другой стороны, можно опровергать, чем занимается КНР [3].

2) Религиозная основа активно сплачивает этнические группы, проживающие на территории региона. Ислам выступает отличительным признаком региона, способствуя гомогенизации пространства на ментальном уровне. Более того, радикальное движение ислама подталкивает общество к террористической борьбе с неверными, так проводится еще более жирная черта между мусульманами, коими является почти все население региона, и остальным Китаем [4].

3) Горы, окружающие пустынную территорию автономного района, выступают естественными границами, которые помогают зафиксировать политическую идентичность, конкретизировать границы Восточного Туркестана, идеи создания которого не раз высказывались уйгурами [5, С. 183].

Для того, чтобы снизить конфликтогенный потенциал этнических меньшинств, правительством КНР, начиная с отцов-основателей, были разработаны методы национальной политики, которые способствовали бы консолидации полиэтнического общества. Так, в СУАР действует Собрание народных представителей, председатель СНП - уйгур, среди его заместителей 2 уйгура, 1 маньчжурка, 5 ханьцев [6]. Описанная структура призвана обеспечить должное представительство народов, проживающих на территории СУАР, однако, зачастую уйгуры, получающие должности в СНП являются выпускниками учебных заведений, которые готовят национальные кадры, что предполагает их полное соответствие политических взглядов с государственной национальной повесткой. Кроме того, для развития диалога между ханьцами и уйгурами проходит переселение ханьцев в СУАР, так что численность населения уйгуров и ханьцев в регионе достигает почти одинаковых значений, но и здесь происходит разделение: ханьцы проживают в более развитых экономических районах. Вместе с тем, с начала 2000-х в рамках программы экономического развития западных районов центр КНР активно направляет инвестиции в СУАР для развития сельского хозяйства, промышленности, что оказало влияние на регион: например, уровень безработицы за период 2005 - 2023 гг. снизилась почти в два раза (2005 - 3,9%, 2023 - 2%) [7]. ВРП на душу населения за период 2000 - 2023 гг. увеличилось почти в 10 раз (6470 юань и 68552 юань соответственно) [7]. При этом автономный район сохранил прежние позиции в экономическом разрезе относительно других регионов. О все еще не искоренившихся основах конфликтогенности свидетельствуют вполне радикальные меры Пекина в национальной политике. В связи с развитием экстремизма в 1980-1990-х гг. в СУАР были учреждены "центры профессиональной и образовательной подготовки", в которых способы воспитания достаточно жесткие, кроме того,

была создана система видеонаблюдения с базой биометрических данных [8].

Таким образом, кейс Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР показывает сложность гармонизации межэтнических отношений, что выражается в двойственности результатов методов национальной политики, жестких мерах пресечения любого выражения сепаратизма и экстремизма.

Список литературы

1. Панов П. В. Многоликий регионализм / П. В. Панов. DOI 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115. Текст: электронный // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 1. С. 102-115. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42656833_58192574.pdf (дата обращения: 16.04.2024).
2. Сардарян Г. Т. Регионализация и федерализация в контексте трансформации форм политико-территориального устройства государств / Г. Т. Сардарян. — Текст: электронный // Политика и общество. 2014. № 6(114). С. 668-674. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/331/3317c55dce7775665dda0e81c521ea6c.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).
3. Бармин В. А. Синьцзян: очерк истории региона / В. А. Бармин, С. В. Дмитриев, В. Г. Шматов. Текст: электронный // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46, № 2. С. 209-244. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintzyan-ocherk-istorii-regiona/viewer> (дата обращения: 10.09.2024).
4. Measuring Religion in China / Pew Research Center: официальный сайт. Washington, 2004. Текст: электронный. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2023/08/30/measuring-religion-in-china/> (дата обращения: 21.09.2024).
5. Петухов В. Б. География Китая / В. Б. Петухов. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет,

2021. 236 с. ISBN 978-5-9795-2118-3. Текст: электронный. URL: <http://lib.ulstu.ru/venec/disk/2021/53.pdf> (дата обращения: 21.09.2024).
6. The State Council of The People's Republic of China: официальный сайт. Beijing. URL: Текст: электронный. https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/21/content_WS5d33fed5c6d00d362f668a0a.html (дата обращения: 25.09.2024).
7. National Bureau of Statistics of China: официальный сайт. Beijing. Текст: электронный. URL: <https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearbook/> (дата обращения: 05.10.2024).
8. Нахимова Д. Д. Антитеррористическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе - повод для международного вмешательства во внутреннюю политику Китая? / Д. Д. Нахимова, В. А. Вавилова. DOI 10.48612/rg/RGW.4.3. Текст: электронный // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26, № 4. С. 44-63. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_59940745_17533547.pdf (дата обращения: 05.10.2024).

УДК 323.15

Суслов Е.В.,
*кандидат политических наук, доцент,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия
E-mail: esuslov@mail.ru*

Множественная идентичность как фактор порождения конфликта V консенсуса в этнополитической сфере.

Порождающим фактором конфликтов в целом и этнополитических – в частности является процесс идентификации: свой – чужой, друг – враг, наш – не наш. Политическая сфера, как никакая другая, изобилует конфликтами, поскольку призом для победителя является власть. Более того «идея власти существовала всегда и имеет сверхъестественное происхождение. Власть есть надиндивидуальное, надэмпирическое, абсолютное явление» [1, С. 6].

Наследием современной этнополитической сферы стали заметное увеличение в XX веке числа этнополитических конфликтов, в основе которых лежала та же пресловутая борьба за власть, но уже без правил. Тот век породил две мировые войны, крайние формы националистических идеологий (фашизм и нацизм), насилие по отношению к национальным меньшинствам. Если до распада СССР насильственные конфликты в мире имели симметричный характер, т.е. это были войны между государствами или региональные конфликты, за которыми в тени находились две сверхдержавы, то в последующем вооруженные конфликты стали асимметричными, в пучину которых были вовлечены, как государства, так и мятежные полувоенные группировки «политизированных идентичностных групп населения» [2, С. 31].

В этих условиях этнической мобилизации усилились процессы этнической идентификации, поскольку в подобной ситуации «национальность воспринимается как последняя надежда, наиболее доступная форма идентификации для больших масс людей» [3, С. 633]. Сегодня по принципу «этнополитического маятника», сформулированного Э.А.Паиным*, опасность этнической идентификации вновь усиливается, поэтому одним из факторов консенсуса может выступить феномен множественной идентичности, который, конечно, не следует рассматривать как панацею от всех бед.

В рамках предлагаемой статьи понятие «множественной идентичности» понимается как совокупность прежних и приобретенных идентичностей, пребывающих в тесном взаимодействии и способствующих аккумуляции знаний, опыт прожитой жизни и приобретенный опыт в условиях новой коллективной реальности. Как видим, множественная идентичность открывает новые возможности для проявления, как своей индивидуальности, так и толерантного отношения к другому человеку в соответствии с новоприобретенной идентичностью. Все идентичности можно сравнивать с социальными ролями, которые индивид приобретает в процессе социализации. Как отмечает А.Н. Кимберг, люди «автоматически верифицируют свою идентичность во всех значимых ситуациях и реагируют на несоответствие изменением активности или (при длительном неуспехе) коррекцией идентичности» [4, С. 269].

В многонациональной стране индивид вынужден адаптироваться к динамически меняющемуся миру и нередко идентичность приобретает сложный ситуативный, конфликтно-консенсусный характер. В этой коэволюционной паре понятий особый интерес вызывает консенсус, который «

---

* Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России /Э.А. Паин; Институт социологии РАН. – М., 2004. – 328 с.

понимается, во-первых, *как один из возможных результатов завершения конфликта* (достижение согласия сторонами), во-вторых, консенсус – это определенное состояние общества или отдельной его части (института, организации, группы), *противоположное конфликтному*, в-третьих, *принцип консенсуса означает добровольное согласие всех участников в ходе немалосторонних переговоров* или принятия решения международными организациями [5].

Выделенные курсивом фрагменты отражают большую сложность достижения согласия, поскольку вариантов завершения конфликта немало и не всегда они сводятся к мирному результату, устраивающему обоих субъектов конфликта. Зыбкость сохранения консенсуса так же очевидна, поскольку достаточно возражения одной из сторон, чтобы консенсус перестал действовать.

При рассмотрении процесса перехода от состояния конфликта к состоянию консенсуса результативным может быть оперирование понятием «эмерджентность», которое является одним из свойств сложных систем. Согласно утверждению Ю. Курносова, эмерджентность – это *новоприобретенное свойство системы, возникновение которого не может рассматриваться как итог примитивного суммирования показателей ее элементов*, а является результатом возникновения системных связей и адаптивного перераспределения функций между элементами [6; 125]. Представляется, что достижение консенсуса обеспечивается именно наличием свойства эмерджентности, которое приводит к множественной идентичности.

Список литературы

1. Конфисахор А.Г. Психология власти. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2004. – 235 с.
2. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. – М.: Дело, 2005. – 472 с.

3. Крысько В.Г. Социальная психология: словарь – справочник. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 686 с.
4. Идентичность: личность, общество. Политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С.Семененко / ИМЭМО РАН. – Москва: Издательство «Весь мир», 2023. – 512 с.
5. Консенус // Режим доступа: <http://azps.ru/handbook/k/kons432.html> (дата обращения 11.10.2024).
6. Курносов Ю.В. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы / Ю.В. Курносов, П.Ю.Конотопова. – М.: РУСАКИ, 2004. – 512 с.

УДК 32

Тимофеева Л.Н.,
*доктор политических наук. Профессор,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Россия
E-mail: timofeeva2004@rambler.ru*

Конфликтно-дискурсный метод анализа.

Один из известных социологов Л. Козер в свое время утверждал, что конфликт – это своеобразный страховочный клапан системы, позволяющий через последующие реформы и интегративные усилия на новом уровне приводить социальный организм в соответствие с изменившимися условиями. Конфликты безболезненно протекают в плюральных, открытых обществах и опасно – в ригидных, закрытых политических системах. По его словам: «эластичное общество извлекает пользу из конфликтов, поскольку такие процессы помогают модифицировать и создавать нормы, которые обеспечивают его продолжение в изменившихся условиях».* Изучая позитивные функции конфликта в стабилизации общества в 50-е годы XX века он сделал ряд важных для нас выводов: конфликт созидает группы, поддерживает групповую идентичность; сплочение одной группы против другой способствует укреплению целостности всей системы, устанавливая равновесие между составляющими ее частями; в обществе, где восходящая

---

* Помимо Л. Козера, Р. Дарендорфа наиболее важные концептуальные положения в области конфликтологии разработаны в трудах таких видных ученых современности, как М. Амстутс, К. Боулдинг, Й. Галтунг, Л.Крисберг и др. Но Козер стал одним из первых, кто поставил вопрос о положительных функциях конфликтов, о необходимости управления ими в интересах общества.

мобильность институционализована и преобладает не приписанный, а достижительный статус, враждебность между стратами смешивается с сильным позитивным влечением к тем, кто стоит выше в социальной иерархии и задает модели поведения.

Из этих рассуждений можно сделать вывод, что конфликты двух главных групп интересов, коими предстают властвующие и оппозиционные образования, не разрушают общества, *если они не системны* т.е. не касаются базовых ценностей, если они происходят в открытом, плюралистическом обществе, если они институциализированы. В этом случае политическая оппозиция удерживает власть от опрометчивых шагов, так же как власть - оппозицию.

Моя позиция заключается в преодолении встречающегося жесткого редукционизма к релятивизму и идеализму в социально-конструкционистской теории дискурса и в комбинировании диалектического (конфликтного) и дискурсного анализов или деятельностного и лингвистического подходов, что позволяет анализировать и политическую практику, прежде всего социальные, экономические и политические интересы субъектов политики, и производство ими политических знаков и символов. С помощью этого подхода можно сравнивать слово и дело политических субъектов и определить в каком направлении развивается политическая система России.

Предложенный мной конфликтно-дискурсный метод анализа позволяет наиболее аутентично исследовать отношения власти и оппозиции. В нем объединена конфликтологическая парадигма исследования с дискурсивной.

Техника этого анализа такова: на конфликтологический анализ накладывается анализ дискурсов власти и оппозиции и в результате сопоставлений реальных действий и текстов

определяется тип конфликта, возникающий между ними, динамика конфликтности в обществе, намечается стратегия и тактика ее урегулирования.

Проведенный мной конфликтно-дискурсный анализ отношений власти и оппозиции в России с конца XX века дал интересный результат. Ниже представлены примеры, позволяющие понять суть конфликтно-дискурсного анализа на примере правления М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, Д.А. Медведева и вновь В.В. Путина.

Дискурс М.С. Горбачева в 1985-1991 гг.: больше социализма, больше демократии. Реальная политика: снижение уровня жизни на фоне общей либерализации отношений. Распад СССР и мировой системы социализма. Дискурс оппозиции: предательство интересов социализма, медлительность и непоследовательность в проведении реформ, предательство интересов русского народа. Типы конфликтов: конфликт ценностей, конфликт самоидентификации, социально-экономический конфликт.

Дискурс Б.Н. Ельцина после 1993 г.: «Общественный мир и согласие». Реальная политика: разделение страны во время выборов 1996 г на старшее поколение с «темным коммунистическим прошлым» (особая роль принадлежала газете под названием «Не дай Бог», развенчивающей социалистическое прошлое) и молодое – со «светлым капиталистическим будущим». Снижение уровня жизни и безопасности жизни, увеличение разницы между богатыми и бедными. Дискурс оппозиции: олигархизация власти, разворовывание народной собственности, геноцид русского народа. Типы конфликтов: социально-экономический конфликт, конфликт самоидентификации, конфликт ценностей.

Дискурс В.В. Путина 2000-2008 гг.: сильное и ответственное государство. Реальная политика: усиление вертикали власти и одновременно снятие нагрузки с

государства (монетизация льгот, заменившая реальные услуги льготникам в большинстве случаев несоизмеримо меньшими денежными компенсациями и не учитывали инфляцию, монетизация вызвала кризис доверия к власти и массовые протесты среди населения страны, прежде всего в Санкт-Петербурге и Москве; реформа ЖКХ, которая не достигла всех своих целей, реформы образования и медицинского обслуживания, что ныне критикуются и пересматриваются; разрыв между ценами и реальными зарплатами). Дискурс оппозиции: антисоциальное государство, полицейское государство, сырьевой придаток США. Типы конфликтов: социально-экономический, конфликт ценностей, конфликт самоидентификации.

Дискурс Д.А. Медведева 2008-2012 гг.: модернизация экономики и реформа политсистемы России; борьба с коррупцией; замена милиции на полицию; реформа вооруженных сил; новый договор о СНВ, призванный сократить суммарное количество боезарядов на треть; изменение часовых поясов и т.д. Реальная политика: сохранение у власти тандема Путин-Медведев и предварительное до выборов объявление об этом в сентябре 2011 г. на съезде «ЕР»; формальные перемены в системе охраны порядка в стране; возврат к старому измерению часовых поясов; сокращение А.Э. Сердюковым армии и военных учебных заведений что создало острый дефицит военных специалистов в войсках и на флоте; разрушение системы военной медицины, провал оборонного заказа, несвоевременное, с опозданием заключение контрактов с предприятиями военно-промышленного комплекса, из-за чего изделия с долгим технологическим циклом производства не успевали выпустить и т.д. Дискурс оппозиции: за честные и чистые выборы; уступки Западу; ошибки равные предательству интересам и безопасности России. Типы конфликтов: политический конфликт; конфликт ценностей,

конфликт самоидентификации. Встреча Д.А. Медведева на финише своего правления с лидерами массовых оппозиционных выступлений, включая Бориса Немцова, Владимира Рыжкова, Сергея Удальцова позволила в дальнейшем изменить законы о выборах и о политических партиях, сократив в 100 раз количество членов при регистрации партии до 500 человек и снизив порог избирательного барьера для партий с 7% до 5%.

В.В. Путин, переизбранный на пост президента на новый срок, вначале сражался в словесной риторике с оппозицией, выступавшей против него, однако дальше изменял свою тактику в зависимости от сложности решения политических задач и необходимости сохранения политической стабильности.

Начиная с массового политического протеста оппозиции 2011-2012 гг., породившего политический конфликт и обострившего конфликт ценностей, конфликт самоидентификации заставили В.В. Путина в последующие годы своего правления пересмотреть свои позиции. Не обещать того, чего не сможешь сделать (см. обещания не менять Конституцию, которые были даны в 2003, 2005 и 2007 годах, не повышать возраст выхода на пенсию; сдерживать рост тарифов ЖКХ и т.д.); прислушиваться к здравой стороне критики той оппозиции, которая не разрушает основы российской государственности; повернуться лицом исключительно к интересам России на международной арене; попытаться объединить российское общество на основе традиционных национальных ценностей. Ему удалось достичь двух консенсусов: вокруг возвращения Крыма в состав России и Специальной военной операции на Украине, позволившей вернуть четыре региона - ДНР, ЛНР, Запорожскую и Херсонскую области. Обращаясь к своему штабу после выборов в марте 2024 года Путин, сказал: "Я для себя когда-то решил, что ничего не буду обещать того, что невозможно

сделать, нужно всегда быть предельно честными с людьми, не заниматься словоблудием и не обманывать людей в своих ожиданиях". Ранее глава государства заявил о росте реальных зарплат на 8%. Уровень безработицы в России сейчас составляет 2,9% - это рекорд для нашей страны.

Список литературы

1. Coser L. The Function of Social Conflict. London. 1978. P.141.
2. Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсный анализ (теория, история, методология. Диссертация на соиск. доктора полит. наук. М: ПАГС, 2005 URL: //https://www.dissercat.com/content/vlast-i-oppozitsiya-konfliktno-diskursnyi-analiz-teoriya-istoriya-metodologiya
3. Риа Новости. Выборы Президента России 2024. URL: https://ria.ru/20240318/reshenie-1933857417.html (дата обращения: 30.03.2024).

УДК 323.3

Шентякова А.В.,

*кандидат политических наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: anna_pedagog@mail.ru*

**Снижение экономической устойчивости как
конфликтогенный фактор сплоченности властных групп
(по материалам глубинных интервью).**

Одной из важных составляющих в кризисные периоды исследователи выделяют коалиционные взаимодействия между различными сегментами элиты и готовность к консолидации наиболее влиятельных акторов в процессе выработки политического (экономического) курса в меняющихся условиях «для политической системы самым главным является поддержание необходимого уровня и качества управляемости» [1, С. 140].

С одной стороны, можно согласиться с позицией многих исследователей, которые предлагают рассматривать кризис как «серьезную угрозу основным структурам или базовым ценностям, или нормам (общественной) системы, которая вынуждает принять кардинальное решение в условиях ограниченного времени и значительной неопределенности» [2, С. 40]. С другой стороны, исследователи кризисов всегда отмечали и подчеркивали важность субъективного восприятия событий как кризисных. «Кризисы возникают тогда, когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели необходимо для самой системы», но «лишь тогда, когда члены общества переживают структурные изменения как критические по отношению к состоянию системы и ощущают угрозу своей социальной идентичности, мы можем говорить о кризисе» [3, С. 19]. В новых условиях, когда одна волна кризисных явлений

сменяется следующей почти сразу, очень многое зависит от способности властной элиты сохранить институциональный порядок, баланс сил и интересов как внутри элиты, так и в обществе в целом.

Но эти параметры выступают на первое место только при условии, что и ключевые субъекты во власти, и общество, воспринимают ситуацию и оценивают положение как кризисное.

В условиях возникновения кризисных явлений в сфере экономики под влиянием внешних неблагоприятных факторов важным показателем является способность экономической и политической системы сохранять устойчивость. Устойчивость в экономике — сложное и многостороннее понятие, которое характеризует способность экономической системы государства/компании не только выдерживать и адаптироваться, но и восстанавливаться после внешних негативных воздействий. Она проявляется и измеряется под влиянием внешних и внутренних факторов. К внешним факторам исследователи относят внешнюю торговлю, иностранные инвестиции и кредиты. Внутренние факторы, которые также оказывают влияние на устойчивость, формируются в социально-демографической, финансово-производственной, политико-правовой и инфраструктурной средах. Политическая устойчивость в значительной мере зависит от политической устойчивости «С.О. Ханссон и Г. Хелгессон выделяют надежность и устойчивость, отмечая, что надежность — способность выдержать воздействие неблагоприятных внешних обстоятельств, а устойчивость — способность возвращаться к равновесному состоянию под воздействием данных обстоятельств» [4, С. 61]. Для преодоления кризисных явлений необходим высокий уровень консолидации усилий со стороны как представителей политической элиты, бизнеса, так и со стороны общества.

В рамках проводимого инициативного исследовательского проекта одной из задач были выявление и оценка признаков политического, управленческого и экономического кризисов в сознании представителей политико-административных и экономических региональных элит. Степень согласованности или дифференциации оценок ситуации в регионе\районе представителей этих властных групп выступает конфликтогенным фактором региональной политики. В рамках проекта были проведены серии глубинных интервью с представителями бизнеса и управленческой элиты регионов СЗФО. В выборку вошли 8 из 11 субъектов Северо-Западного Федерального округа (Ленинградская, Новгородская, Вологодская, Мурманская, Архангельская, Псковская области, республика Карелия и город федерального значения Санкт-Петербург). Методом «снежного кома» в каждом субъекте отбирались 20 респондентов, по 10 человек из каждой субэлитной группы. Объем выборочной совокупности составил 160 интервью.

Анализ собранной информации позволил выявить ряд отличий в восприятии и оценке устойчивости в регионах у представителей разных возрастных когорт. Нашла подтверждение гипотеза о различиях между бизнесом и политико-административной элитой в оценках кризисности экономической ситуации по регионам.

Список литературы

1. Окунев И.Ю. Стэнфордская модель развития кризиса. // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 136-144.
2. Цит. по Акимов В.А., Порфирьев Б.Н. Кризисы и риск: к вопросу взаимосвязи категорий // Проблемы анализа риска. 2004. Том 1. № 1. С. 38-49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisy-i-risk-k-voprosu-vzaimosvyazi-kategoriy> (дата обращения: 12.10.2023).

3. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практикс. 2010. 264 с.
4. Телин К.О. Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. № 4. С. 55–74.

УДК 316.624

Шибанова Н.А.,

*кандидат философских наук, доцент,
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Россия*

E-mail: nashibanova@kpfu.ru

Махмутова Р.Г.,

*кандидат исторических наук, доцент,
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Россия*

E-mail: garezeda@yandex.ru

Конфликтологический анализ природы экстремизма.

Современное информационное общество, предоставляя широкие возможности цифровой коммуникации, с одной стороны, и провоцируя социальное одиночество, с другой стороны, внесло определенные коррективы в деятельность экстремистских организаций, в том числе на этапе вербовки. Отметим, что деятельность вербовщиков, как правило, имеет манипуляционный характер и происходит незаметно, используя различные каналы коммуникаций политических, религиозных, общественных организаций и сообществ [1].

Конфликтологический анализ процесса вовлечения в экстремистскую деятельность позволяет более полно раскрыть причины вовлечения, механизмы вовлечения, а, следовательно, способствует разработке эффективного инструментария противодействия данному негативному явлению, формированию адекватной разумной толерантности, созвучной традиционным ценностям и гражданской идентичности в Российской Федерации.

Известно, что экстремизм многогранное явление, имеющее множество характеристик и привлекающее внимание специалистов различных областей. Философская

наука рассматривает экстремизм, прежде всего, в рамках аксиологии и онтологии. Чрезвычайно важным понятием для понимания природы экстремизма выступает дихотомия Свой-Чужой. Экстремальное следование данному разделению приводит к формированию экстремизма как радикального типа мировоззрения [2, С. 124]. К радикальному типу мировоззрения также приводят отсутствие социальных и экономических якорей, отчуждение от общепринятых установок [3, С. 79; 4]. Отметим, что данные категории чрезвычайно важны для понимания природы большинства конфликтов, зачастую и не связанных с экстремистской деятельностью. Концентрация на достоинствах Своих, отрицание ценности и права на существование Чужих – обычный механизм конфликтов, отмечаемый классиками конфликтологии – Г.Зиммелем, Л.Козером, Р.Дарендофом, Ф.Глазлом и др.

На социологическую трактовку феномена экстремизма значительное влияние оказало учение Э.Дюркгейма о девиантном поведении. Современные исследователи понимают экстремизм как деструктивное поведение индивидов и группы. В основе данного поведения лежит преданность крайним взглядам и методам их достижения, порожденное социальными, экономическими, политическими и психологическими проблемами, характеризующееся скрытыми действиями акторов, использованием пропаганды с целью изменения существующего социально-политического строя и оказывающее негативное влияние на развитие общества [5, С. 36-37; 6, С. 90-91]. Для конфликтологического подхода также свойственно понимание множественности причин конфликтов, т.ч. приводящих к экстремистской деятельности, и предвидение негативных последствий, как для человека, так и для общества при отсутствии процесса управления данными конфликтами.

Для политологических работ характерно понимание экстремизма как радикальной политической идеологии и основанной на ней политической практика. Авторы подчеркивают разрушительный характер экстремистской деятельности, использование разнообразного насилия с целью получения власти [7, С. 80]. Увеличение роста насилия по мере эскалации конфликта – традиционная составляющая конфликтологического подхода.

Для психологов экстремизм есть проявление интолерантности, как правило, с участием в процессе авторитарной личности и сопровождающееся агрессией и насилием [8, С. 112; 9 С.30]. В рамках юриспруденции экстремизм есть общественно-опасное насильственное или противозаконное деяние с использованием противозаконных методов, направленных против общественной безопасности и конституционного строя [10; 11].

Таким образом, конфликтологической подход к пониманию природы экстремизма объединяет в себе взгляды на рассматриваемый феномен философии, социологии, политологии, психологии и юриспруденции. Обладая междисциплинарным характером, конфликтологический подход трактует экстремистскую детальность как результат конфликта (как деструктивный способ разрешения конфликта) и как причину новых конфликтов. Для экстремистской деятельности, как и в целом для конфликта, характерно применение насилия, обесценивание Других, снижение уровня критического мышления, категоричность мышления. Понимание причин конфликтов, приведших к экстремистской деятельности позволяет разработать инструментарий по профилактике и конструктивному разрешению подобных конфликтов, при этом, не упуская фактор ситуативности и субъективности каждого случая.

Список литературы

1. Кондратенко Е.Н., Григорян Д.К., Делов Н.С. Формирование теоретических подходов к анализу экстремизма и терроризма в киберпространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. №1. С.187-193.
2. Дединкин А.Л. Способы вербализации понятия «экстремизм» в гуманитарных науках: интегративный подход // Политическая лингвистика. 2022. №4 (94). С. 122-130.
3. Чимаров С.Ю., Алексеев А.А. Онлайн-радикализация как социальное явление чрезвычайной ситуации криминального характера и некоторые пути борьбы с экстремизмом // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №4. С.78-82.
4. Энгель В.В. Радикализация и дерадикализация как социально-психологический конфликт // Обзор.НЦПТИ. 2024. №2 (37). С.33-40.
5. Парма Р.В. Факторы проявления и меры упреждения экстремизма среди российской молодежи // Власть. 2024. №1. С.35-41.
6. Юлдашев А.Ю. Терроризм и экстремизм как форма социальной девиации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №4. С.89-91.
7. Веруш А.И. Дать отпор экстремизму // Беларуская Думка. 2017. № 3. С. 88—94.
8. Гайворонская А.А. Полифоничность феномена «экстремизм» в социально-психологических исследованиях // Психология и психотехника. 2012. № 1. С. 109—137.
9. Дзялошинский, И. М. Толерантность как исследовательская проблема // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. Чебоксары, 2019. С. 23—40.
10. Тряева Е.О. Совершенствование системы профилактики экстремизма: обобщение опыта российской

правоохранительной системы // Юридическая наука. 2024. №1. С.221-225.

11. Гасанова А.Э., Кудрявцева Н.А. Статья 148 УК РФ как уголовно-правовой механизм борьбы с экстремизмом: проблемы правоприменения // Вестник науки. 2024. №4 (73). С.166-171.

УДК 331.08

Юрченко В.М.,

*доктор философских наук, профессор,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
E-mail: ivuurchenko@mail.ru*

Юрченко И.В.,

*доктор политических наук, профессор,
ФИЦ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
E-mail: ivuurchenko@mail.ru*

Конфликтологический анализ региональной ситуации на Юге России в условиях роста геополитической напряженности: теоретико-методологические аспекты исследования*.

Осуществление конфликтологического анализа угроз и рисков безопасности на Юге России обусловлено рассмотрением данной территории как региона со сложной этнической и конфессиональной структурой населения. Также мы учитываем дополнительную сложность, связанную с факторами разделенных этносов и политизацией этничности. Особенно рискогенным фактором, в результате распада Советского Союза, явилось разделение русского этноса, социокультурные разломы в геополитическом пространстве, и смещение границ [1, С. 472–476]. Изучение геополитических трансформаций с учетом особенностей этноконфессиональных, социокультурных и политико-экономических отношений в пространстве Южно-российского региона, предполагает опору на принципы

---

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания ФИЦ ЮНЦ РАН № гос. регистрации 122020100306-9

междисциплинарного подхода и, в частности, обращение к геополитическим методам теорий «месторазвития», а также к теориям дискурса [2]. Важно отметить, что современное Причерноморье во многих исследованиях характеризуется как зона геополитических разломов. «Черное море с прилегающими к нему сухопутными территориями — место, где переплетаются весьма противоречивые интересы целого ряда стран, что привело в настоящее время к обострению политической ситуации в данном регионе» [3, С. 478]. Данная территория представлена как центр противостояния различных государств, придерживающихся альтернативных позиций в вопросе о том, как будет строиться новый миропорядок (как однополярный или многоцентричный). Такие государства как Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР и др., выступают за формирование полицентричного миропорядка на основе равноправных, справедливых, взаимовыгодных отношений между всеми странами. Непосредственный выход к Черному морю имеют всего семь государств: Россия, Турция, Украина, Грузия, Болгария, Румыния и Молдова [4, С. 498]. «Но если Россию и Турцию можно рассматривать в качестве государств, реализующих самостоятельную внешнюю политику, то остальные пять стран являются проводниками не только своих, но и чужих интересов» [3, С. 476]. В процессе проведения ивент-анализа материалов СМИ можно прийти к выводу о том, что большинство угроз и рисков региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI в. проявляются в результате обострения геополитических факторов, что стало одним из главных определяющих трендов этнополитической ситуации в южном макрорегионе. Концепт геополитической революции при этом рассматривается, как процесс радикальных и непредсказуемых трансформаций системы международных отношений, ценностных рассогласований в отношениях между странами и коалициями,

резких потрясений в этнополитической сфере и обострение религиозных конфликтов. В этих условиях для региона особенно важно решать кадровые проблемы подготовки специалистов в области конфликтологии, которые должны обладать необходимыми компетенциями по разработке механизмов профилактики и урегулирования конфликтов, использованию технологий медиации и конфликтного менеджмента. В Кубанском государственном университете мы начали подготовку конфликтологов в 2008 году, а первый выпуск бакалавров состоялся в июне 2012 г. В этот период крупным исследовательским проектом по изучению проблем региональной безопасности и предупреждению конфликтов стал проект «Информационная безопасность в полиэтническом социуме (на материалах ЮФО) по программе Министерства образования и науки РФ и Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы» [5, С. 434]. Также необходимо отметить, что кафедра политологии и политического управления Куб ГУ является базовой кафедрой Южного научного центра Российской Академии наук. Студенты проходят практику в лаборатории Конфликтологии и секторе методологии конфликтологического анализа. По результатам исследования геополитического положения и этнополитического развития Южного макрорегиона были сделаны выводы о том, что на данный момент нельзя сделать прогноз полного урегулирования всех конфликтов и международных противоречий в исследуемом регионе. Но, в то же время, согласование ряда вопросов возможно на основе механизмов (технологий) стратегического проектного управления.

Список литературы

1. Юрченко И.В. Теоретические аспекты анализа этнополитических и геополитических процессов и попытки профилактики конфликтов (на примере деятельности ОЧЭС) //

- Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России. - Краснодар: КГУ, 2023. - С. 472–476.
2. Юрченко И.В. Теория дискурса как методология конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 15–20. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-15-20
  3. Марков Е.А. Причерноморье — зона геополитических разломов // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России. - Краснодар: КГУ, 2023. - С. 476–479
  4. Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2021. — Т. 21, № 3. — С. 498–516.
  5. Юрченко В.М. Конфликтологическое образование и проблемы обеспечения национальной безопасности на юге России // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. – С-Пб, 2014. С.433-435.

ТЕХНОЛОГИИ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОМ

УДК 316.485.6

Андреева О.И.,

*ассистент, кафедра конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия;
старший преподаватель, Санкт-Петербургский
государственный институт психологии и социальной
работы, г. Санкт-Петербург, Россия*

Сатикова С.В.,

*кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург,
Россия*

О значении повестки в переговорах по управлению конфликтом.

Переговоры, переговорные технологии, включая медиацию – ведущий подход к работе с конфликтами. Мы определяем переговоры как процесс адекватной коммуникации, эффективного просвещения и ответственного использования власти с целью взаимной выработки, обмена и выполнения определенных обещаний, которые приводят к реалистичным и прочным соглашениям [1].

В рамках технологии ведения переговоров подготовка считается ключевым этапом, определяющим ход и успешность переговоров. Подготовка традиционно делится на содержательную и организационную составляющие, позволяющие проработать разные аспекты будущего взаимодействия. Одной из важных задач содержательной подготовки является формирование повестки переговоров. Ведущие специалисты в области переговоров, медиации

указывают, что к повестке предъявляется ряд требований, позволяющих четко отражать интересы сторон, избегать оценок и других конфликтогенов, гарантировать участникам переговоров безопасность взаимодействия и обсуждения.

Повестка выполняет функцию «фокусировки», позволяя участникам переговоров сформулировать все аспекты и «болевы точки» ситуации, проблемы, конфликта, которые требуется обсудить, помогает охватить все важные для сторон моменты и вопросы обсуждаемой ситуации. Она также задает критерии для оценки продвижения к цели переговоров, делает процесс переговоров управляемым, позволяет контролировать полноту и направленность принимаемых решений.

Повестка помогает прояснить основные темы коммуникации, ограничивать обсуждение именно вопросом повестки, принимать формулировки решений на основании согласованных сторонами пунктов повестки и, в итоге, становится планом для формирования соглашения.

Повестка – это список задач, которые требуется решить в ходе переговоров. Без определения задач переговоры превращаются в дискуссию и даже дебаты. Люди приходят на медиацию в состоянии конфликта, которое сопровождается сильными эмоциями. Эти эмоции не позволяют людям сосредоточиться и вести конструктивное и последовательное обсуждения их ситуации. После того как в ходе дискуссии они выскажут друг другу претензии и недовольства – появляется возможность определить основные зоны разногласий, которые преобразуются в повестку. Повестка визуализирует зону разногласий и уже является определенным результатом для конфликтующих так как дает понимание, какие задачи нужно решить. Повестка является мостиком из прошлого иррационального хаотичного обсуждения в будущий структурированный процесс.

Опытные переговорщики и медиаторы считают, что грамотно составленная повестка переговоров обеспечивает 50% успеха дальнейшего обсуждения.

По данным множества исследований переговорные технологии приводят к успешному завершению конфликтов (урегулированию, разрешению) в 70-80% случаев. Поэтому обучение технологиям ведения переговоров и их особому виду – медиации входит в подготовку конфликтологов, специалистов по конфликт-менеджменту и всех профессионалов, работающих с конфликтами. Этому посвящены специальные пособия, обучающие онлайн и офлайн курсы и т.п.

Соответственно, профессиональные конкурсы для медиаторов и конфликтологов также сосредоточены на оценке навыков ведения переговоров.

Однако, участие в известных конкурсах одного из авторов и нескольких наших студентов показывает, что уважаемыми организаторами и многими членами жюри роль повестки часто недооценивается. В проверочных тестах и при оценке выполнения заданий участниками конкурсов повестка оказывается «рекомендуемой частью» медиации, переговоров, а не обязательным инструментом, позволяющим медиатору управлять процессом взаимодействия, направлять стороны на решение важных для них вопросов, не отвлекаться на случайные раздражители.

Мы считаем необходимым привлечь внимание к роли повестки в управлении переговорами по регулированию конфликтов. Искусство формирования повестки – один из важнейших навыков компетентного переговорщика. Этот момент отмечают все ведущие российские и зарубежные специалисты по коммуникативным технологиям. [2, 3, 4 и др.]

Возможно, причиной недооценки повестки является необходимость побуждать стороны к ее формулировке в процессе дискуссии, когда стороны часто сами начинают

выдвигать предложения по решению проблемы и повестка кажется ненужной формальностью.

Но наш многолетний опыт ведения медиаций, консультирования при подготовке к переговорам, практикоориентированного (на основе взятых из практики кейсов) обучения студентов и слушателей технологиям ведения переговоров и медиации показывает важность своевременной выработки повестки и дальнейшего ее использования как плана-опоры процесса управляемого взаимодействия сторон.

Именно использование повестки делает переговоры процессом адекватной коммуникации, эффективного просвещения и ответственного использования власти, способствует взаимной выработке, обмену и выполнению определенных обещаний, которые приводят к реалистичным и прочным соглашениям, выполняющимся сторонами по окончании процесса, т.е. способствует успеху переговоров.

Список литературы

1. Андреева О.И., Карпенко А.Д., Сатикова С.В. Интегративные переговоры. В курсе обучения специалистов в области переговорного процесса. (Учебное пособие.). – СПб.: Роза мира, 2007, 108 с. – с.6.
2. Даймонд С. Успешные переговоры. Как добиться большего. – М.: Манн, Ивано и Фербер, 2012. – 560 с. – с.528.
3. Медиация: учебник/ под ред. А.Д.Карпенко, А.Д.Осиновского. – СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016. (библиотека журнала «Третейский суд», вып.8). – 470 с.- с.216.
4. Спэнгл М., Айзенхарт М. Переговоры. Решение проблем в разном контексте / Пер. с англ. - Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 592 с. – с. 129.

УДК 159.9

Архипова Е.Г.,

Международная Ассоциация юристов и медиаторов

«4LEGAL»,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: elenaspb@mail.ru

Шалыпина О.А.,

Международная Ассоциация юристов и медиаторов

«4LEGAL»,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: oashalyapina@mail.ru

Специфика работы медиатора в арбитражном суде: отработка возражений.

В настоящее время, медиация в системе арбитражного судопроизводства становится все более популярной в качестве альтернативы традиционному судебному разбирательству.

При Арбитражном суде г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области организована Комната медиации и переговоров, работает Объединение судебных медиаторов. В Объединение входят 8 профессиональных медиаторов – представителей различных ассоциаций и союзов медиаторов.

Приоритетная цель работы комнаты примирения - продвижение и популяризация медиации в суде, повышение доверия к медиации у судей и юридического сообщества, создание информационного поля о медиации. Таким образом, деятельность Объединения направлена на широкое внедрение медиации в судебную практику.

Понятие «судебная медиация» рассматривается разными авторами неоднозначно. В контексте настоящей статьи под «судебной медиацией» мы понимаем медиацию по разрешению споров, которые уже

переданы
на рассмотрение суда.

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации статус медиатора в рамках арбитражного процесса не закреплен. В связи с этим статус медиатора остается неопределенным, что вызывает ряд трудностей в работе. Среди них: непонимание участниками процесса роли медиатора, отсутствие регламента взаимодействия медиатора с судебским корпусом.

Кроме того, законодатель не устанавливает какие-либо дополнительные требования к судебным медиаторам. Вместе с тем, по нашему мнению, медиатор, работающий в арбитражном суде, должен иметь юридическое образование.

Данное требование связано со спецификой арбитражного судопроизводства и особенностями экономических споров. Стороны конфликта – это профессиональные участники гражданского оборота (юридические лица, индивидуальные предприниматели).

Соответственно, эффективность медиатора зависит от понимания специфики бизнес-споров, знания особенностей арбитражного процесса, умения говорить «на одном языке» с юристами, судьями. Зачастую непонимание юридической лексики отталкивает представителей сторон от обращения к посреднику, поскольку стороны начинают считать его непрофессионалом.

Важно также понимание психологии предпринимателей. Это люди-практики, для которых важны быстрые конкретные результаты, а не эфемерные рассуждения. Вместе с тем, ориентированность на партнерство, сотрудничество – это неотъемлемая часть культуры предпринимательства. В связи с этим мы видим очевидные преимущества работы в бизнес-медиации.

При разрешении арбитражных споров медиация зарекомендовала себя как рабочий инструмент при наличии следующих условий:

- стороны удалены друг от друга и/или от суда;
- наличие встречных исков, взаимосвязанных дел, в том числе в разных судах;
- при рассмотрении дела возможно судебное усмотрение: несколько законных альтернатив, противоречивая судебная практика;
- отношения сторон имеют длительный характер, компания работает в долгую: строительные компании, перевозчики, интеллектуальные споры,

При этом практика показывает, что даже несмотря на предложения суда воспользоваться медиацией, стороны часто демонстрируют нежелание искать решение спора путем переговоров.

В работе с возражениями очень важно определить истинную причину отказа и работать именно с ней.

Причины отказов могут быть связаны:

- с эмоциональным накалом участников: желание отомстить, отсутствие ресурса вести переговоры;
- сторона видит какие-то риски в медиации: общее недоверие к процедуре медиации и/или ее эффективности, финансовые или временные причины (нежелание нести дополнительные расходы, пустая трата времени);
- социально-психологические факторы: участник хочет «сохранить лицо», опасается осуждения медиатором или другой стороной, воспринимает переговоры как проявление слабости,
- желание переложить на суд ответственность за принятые решения.

Особенность в том, что работа с отказами от медиации по судебным делам строится в 2 этапа. Сначала – отработка

возражений юристов. Следующий этап (если юристы согласились предложить медиацию своим доверителям) - отработка возражений у лиц, принимающих решения.

Общий алгоритм отработки возражений (на основе методики, предложенной Ивановой Е.Н. [1, С. 243]):

1. Внимательно выслушать и отследить ключевые высказывания, понять «боль» (то, что важно для клиента);

2. Отобразить (повторить или перефразировать) основную мысль клиента. При этом желательно - не повторять позицию, а исходить из потребностей и интересов, продемонстрировав принятие чужих ценностей и создав доверие.

3. Задать вопросы: уточнить, что именно имеет в виду клиент, понять причины отказа, проверить на реалистичность и пр.

4. Ответить на возражение: показать, как медиация может закрыть «боль» или потребности клиента

5. Получить обратную связь

В заключении отметим, что пока медиация в арбитражном судопроизводстве недооценена сторонами и недостаточно востребована.

При этом есть уверенность, что мы как медиаторы, работая, в том числе,

с возражениями участников судебного процесса, повышаем уровень доверия

к медиации у юридического сообщества и в бизнес-среде. В результате,

мы надеемся на изменение восприятия медиации обществом в целом, и её более широкое применение в различных сферах.

Список литературы

1. Иванова Е.Н. Медиация как переговоры. Рабочий сценарий. Вторая серия. СПб.: Институт мира и исследования конфликтов, 2024. С. 243-244.

УДК 31

Гизатуллина Д.Н.,
ассистент.

*Казанский приволжский федеральный университет,
г. Казань, Россия*

E-mail: dianagizatullina13@gmail.com

Яхина М.Р.,
студент,

*Казанский приволжский федеральный университет,
г. Казань, Россия*

E-mail: yahina_milana04@mail.ru

Этнические конфликты в бытовой сфере Республики Татарстан: факторы формирования.

Актуальность исследования этнических конфликтов в бытовой сфере в Республике Татарстан обусловлена рядом факторов. Например, регион представляет собой многонациональное сообщество, в котором проживают представители различных этнических групп. Значительные проблемы в бытовой сфере в Республике Татарстан могут возникать из-за религиозных разногласий, появления языковых конфликтов, конкуренцию за ресурсы, а также из-за других социокультурных различий между разными этническими группами. Различия между этническими группами отражаются в разных аспектах повседневной жизни, например, таких как языки, традиции или обычаи. Данные такие социокультурные различия могут приводить к конфликтам и недопониманию между представителями разных этнических групп. Объектом нашего исследования являются этнические конфликты в бытовой сфере между татарским и русским народами, проживающими на территории Республики Татарстан. Предметом исследования являются закономерности развития и нарастание уровня конфликтности в бытовой сфере русского и татарского

народов. Цель нашего исследования заключается в том, чтобы подтвердить данную гипотезу: мы предполагаем, что большинство этнических конфликтов в бытовой сфере возникают из-за нарастания уровня социальнокультурной конфликтности основанной на полиэтничности нами региона.

В соответствии с целью исследования ставятся задачи:

- Определить причины этнических конфликтов в бытовой сфере татарского и русского народов Республики Татарстан;

- Обозначить закономерности возникновения и развития этнических конфликтов в бытовой сфере;

- Выявить факторы, обуславливающие формирование этнических конфликтов в бытовой сфере татарского и русского народов Республики Татарстан;

- Обозначить методы решения и урегулирования этнических конфликтов в бытовой сфере татарского и русского народов.

Проблему нашего исследования можно обозначить следующим образом: этнические конфликты в бытовой сфере у представителей татарского и русского народов формируются и базируются на непонимании этнокультурного разнообразия данного региона.

В данной работе использованы следующие методы: метод анализа, сравнительно – сопоставительный метод, качественный метод в ходе которых были взяты глубинные интервью, количественный метод – проведено массовое анкетирование. В данной работе мы рассмотрим проведенное нами исследование “Этнические конфликты в бытовой сфере на примере Республики Татарстан”, в ходе которого были использованы количественный метод: массовое анкетирование, в ходе которого было опрошено 145 человек, возраста 18-81 года, большинство опрошенных было в возрастной категории 18-24 лет (96,6%); по половой

принадлежности респондентов мы выявили следующее: в состав выборки вошли 26 мужчин (17,9 %) и 119 женщин (82,1%) проживающих на территории Республики Татарстан; по этнической принадлежности к русским себя отнесли 40%, к татарам 37,9% опрошенных. В нашей работе были использованы и качественные методы, например, глубинные интервью в количестве пяти штук. По возрасту респонденты относятся к категории молодёжи 19 – 35 лет, мужского и женского полов (три женщины двое мужчин), проживающих на территории Республики Татарстан, относящиеся к разным национальностям (трое татар и двое респондентов, считающих себя представителями русской и татарской национальности одновременно). Подавляющее большинство опрошенных уроженцы Республики Татарстан (70%), многие опрошенные родом из Республики Башкортостан (20%), присутствуют респонденты из Ханты-Мансийской Автономной области (6%) и Дальнего Востока (4%). (был задан вопрос открытого типа).

Жители Республики Татарстан толерантно относятся к разным народам, однако стоит отметить, что встречались респонденты, которые боятся сталкиваться с мигрантами, так как это повлечет конфликты. Жители Республики Татарстан подчеркивают социально-экономическое развитие региона, что служит фактор для становления позитивных межэтнических отношений. Многие респонденты хотят лучше знать язык, чтобы наладить коммуникацию с родственниками, так как для последних значим аспект знания родного языка. Этнические конфликты различных народов были актуальны во все времена. В настоящее время различные государственные и негосударственные уполномоченные активно проводят профилактические работы, направленные на уменьшение в обществе межэтнических и межнациональных противостояний. Рассмотрим результаты работы, целью которой было изучение этнических конфликтов в бытовой сфере татарского и русского народов Республики Татарстан,

определение причинно – следственных связей данных конфликтов, а также обозначение методов для решения и урегулирования вышеуказанных конфликтов. В ходе исследования были сделаны следующие выводы:

1. Межэтнические и межнациональные конфликты важно изучать, мы нашли много информации, посвященной профилактике данных конфликтов. Общество Республики Татарстан в настоящее время достаточно толерантно по отношению к людям разных народов, проживающих с ним на одной территории.

2. СМИ часто интерпретируют конфликты по-своему, рождая новые противостояния между национальностями. Важно придать уточнение, что не всей информации нужно полностью доверять.

3. Молодежь Республики Татарстан более благосклонна к другим народам, а также поддерживает межэтнические браки, чем старшее население, что показывает развитие современного общества в толерантности и меньшие столкновения на почве этничности в Республике Татарстан.

4. Факторы возникновения межэтнических конфликтов заключаются в браках, этнолингвистическом конфликте и страхе перед мигрантами. Старшее население в особенности “патриоты” своих народностей, если дело касается заключения брака. Этнолингвистический конфликт говорит нам о том, что люди не всегда хотят знать языки своих сограждан, и это вполне нормально, но на почве непонимания и возникают подобного рода конфликты. Многие респонденты в проведенном количественном исследовании упомянули страх и неприязнь при взаимодействии с мигрантами из стран СНГ, что может быть связано с агрессивным настроением приезжающих людей. В проведенной нами работе мы определили причины возникновения конфликтов, обозначили закономерности и развитие этнических конфликтов с помощью изученной литературы, выявили факторы

возникновения этнических конфликтов с помощью количественного и качественного методов (анкетирование и интервью), обозначили методы решения этнических конфликтов с помощью исследования деятельности Ассамблеи народно-культурных организаций Республики Татарстан.

Список литературы

1. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. Москва. 1999. 96. -288 с.
2. Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. Москва.2007. -200-576 с.
3. Алишев Б.С. Этнокультурные различия в ценностях татар и русских // Этническое самосознание и кросскультурное взаимодействие народов Поволжья. Казань, 2003. -14-16 с.
4. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. Москва.1988. - 389 с.

УДК 34.096

Заманбекова А.О.,

*магистрант, психолого-педагогического направления,
Сибирский университет потребительской кооперации,
г. Новосибирск, Россия
E-mail: jandilda@mail.ru*

Жакупов Ж.А.,

*магистр права,
Президент,
Республиканское общественное объединение
«Международный правозащитный центр»,
г. Алматы, Казахстан
E-mail: jandilda@mail.ru*

Казахстанская модель института медиации как альтернативного способа урегулирования споров.

Институт медиации в Казахстане начал свой путь становления и развития с момента принятия Закона «О медиации» в 2012 году. За 12 лет институт медиации доказал свою эффективность и применимость в вопросе урегулирования споров и конфликтов.

По сведениям, опубликованным на сайте уполномоченного органа по вопросам медиации Министерства культуры и информации Республики Казахстан, в Казахстане зарегистрировано 12 организаций профессиональных медиаторов, которые перешли в категорию саморегулируемых организаций с момента внесения изменений в Закон «О медиации» в 2021 году [1].

Ежегодно количество проводимых медиаций увеличивается, как и число организаций медиаторов и количество самих медиаторов. По статистике нашего Центра медиации Республиканского общественного объединения «Международный правозащитный центр» за 2023 год проведено 3 357 медиаций и урегулировано споров на сумму

более 9 миллиардов тенге. Эффективность процедур медиации составила 96 процентов.

Основная масса медиаций профессиональными медиаторами нашего центра проводится по гражданским, административным и уголовным делам на досудебной стадии и лишь небольшая часть на стадии судопроизводства (первой, апелляционной и кассационной инстанции) и исполнительного производства.

Особенности казахстанской модели развития медиации следующие:

- по сферам применения: гражданские, административные, уголовные споры и конфликты, кроме коррупционных преступлений и преступлений против порядка управления, а также с участием недееспособных и третьих лиц, чьи права и интересы могут быть затронуты. Медиации могут быть проведены также с участием государственных органов, если это прямо предусмотрено в законе.

- по стадиям применения: на досудебной стадии, в ходе судебного производства и на стадии исполнительного производства;

- по субъектам: профессиональные (старше 25 лет) и общественные медиаторы (старше 40 лет), в том числе судьи-примирители;

- по государственному урегулированию: компетенции уполномоченного координирующего органа в лице Министерства культуры и информации Республики Казахстан;

- по государственной поддержке: активная роль Верховного суда Республики Казахстан и деятельность судей-примирителей и деятельность Ассамблеи народов Казахстана по предупреждению и урегулированию межэтнических разногласий.

- по системе профессиональной подготовки и повышению квалификации профессиональных медиаторов: обучение по программе «Общий курс медиации» (не менее 48

часов) и по программе «Специализированный курс медиации» (не менее 50 часов) и так далее.

Еще много можно привести особенностей казахстанской модели института медиации, немало ее положительных результатов и моментов. Но хотелось бы и остановиться и на тех вопросах, которые необходимо, на наш взгляд, решать для дальнейшего развития медиации.

1. Координатором сферы медиации видится Министерство юстиции. Адвокаты, нотариусы, ЧСИ и медиаторы – это специалисты юридической сферы и лица частной практики. Во всех странах СНГ и зарубежья это сфера координации Минюста.

2. Требуются изменения в системе регулирования деятельности организаций медиаторов. На сегодняшний день чуть более 10 организаций медиаторов прошли процесс перехода в разряд саморегулируемых. А остальные 60-70 организаций? Суды, правоохранительные органы должны принимать медиативные соглашения только медиаторов организаций, состоящих в реестре уполномоченного органа. Все остальные соглашения являются нелегитимными.

3. Надо усилить роль медиаторов на досудебной стадии разрешения спора, в том числе на законодательном уровне путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. Так, к примеру, за рубежом и в Азербайджане в качестве эффективного инструмента досудебного урегулирования споров давно применяется обязательная информационная беседа с медиатором по трудовым, семейным, хозяйственным спорам. В Узбекистане инвестиционные споры обязательно рассматриваются с участием медиаторов.

4. Не принята и не разработана Концепция медиативной и правовой помощи с привлечением к их исполнению всех местных исполнительных органов, судебных и иных госорганов, профессиональных и общественных

медиаторов, а также Ассамблеи народа Казахстана. У нас нет Единого Кодекса этики медиаторов, такие кодексы давно есть в России, в Кыргызстане. В нашей организации Кодекс этики еще в 2012 года действует, а есть ли он в каждой организации медиаторов.

5. Действующее законодательство четко не регламентирует вопросы проведения медиации медиаторами, когда одной из сторон является государственный орган. Нормы Административного процедурно-процессуального кодекса РК, Гражданско-процессуального кодекса РК и Закона РК «О медиации» в действующей редакции не позволяют сделать однозначные выводы в этом вопросе, что может породить завтра неправильное применение или толкование норм права и последствия заключения медиативных соглашений и принятых представителями госорганов решений при проведении медиации с участием медиаторов.

6. Не удается облегчить налоговую нагрузку на профессиональных медиаторов. На сегодняшний день медиаторы оплачивают 5 видов налогов и платежей, что составляет от 30 до 50% от суммы дохода. Взносы на обязательное медицинское социальное страхование также оплачиваются ими неоднократно с каждого вида дохода. Не все практикующие медиаторы состоят на учете в налоговых органах, это тоже несправедливо по отношению к тем медиаторам, которые платят налоги.

7. Необходимо изучать международный опыт в сфере медиации, повышать квалификацию медиаторов для практического применения современных методик и технологий, разрабатывать собственные инновации на базе имеющегося опыта и практики. Важно расширять и укреплять наши международные связи на евразийском пространстве, объединяться для развития института медиации и развивать научно-практическую деятельность этой сферы деятельности.

Медиация имеет большие возможности для урегулирования межгосударственных споров и конфликтов, медиативный подход может быть эффективно применен как основа для механизма проведения межгосударственных переговоров на нейтральной территории по урегулированию споров и конфликтов.

8. Продолжать изучать и анализировать возможности Сингапурской конвенции по вопросам исполнения медиативных соглашений для решения вопроса о ее последующей ратификации и применения в своих странах.

Список литературы

1. Сайт Министерства культуры и информации Республики Казахстан. Реестр организаций медиаторов по состоянию на 15 мая 2024 года:
<https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/documents/details/663785?lang=ru> (дата обращения: 15.05.2024).

УДК 159.9

Иванова Е.Н.,
кандидат психологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: elena.n.ivanova@spbu.ru

Проблема доверия в медиации.

Проблема доверия в связи с медиацией очень остра и тесно связана с перспективами развития конфликтологической практики в целом и расширением применения медиации, в частности. Доверие является антиподом недоверия, которое все еще остается актуальным в отношении значимости практической медиации даже после 32 лет ее существования в Российской Федерации и 14 лет после принятия Федерального закона о медиации.

В очередной раз медиаторское сообщество столкнулось с проявлениями недоверия в ходе дискуссии о необходимости внедрения обязательной медиации или хотя бы обязательной информационной встречи сторон с медиатором в случае развода. Без целенаправленной работы по повышению уровня доверия возможностям медиации на разных уровнях – от непосредственной работы с клиентами до законодательного – перспективы развития и широкого признания медиационной практики в нашей стране остаются под вопросом.

Проявления проблемы доверия в сфере медиации многообразны. Без того, чтобы понять причины сопротивления медиации, справиться с противодействием ее внедрению невозможно. Среди них, во-первых, можно выделить вопросы доверия, связанные с конфликтующими сторонами. Это недостаточное доверие самой процедуре медиации, непосредственно медиатору, тревога сторон в отношении друг друга. Важную роль играет также дефицит доверия каждой из сторон самой себе, своей способности

договариваться и отстаивать свои интересы в ходе переговоров с участием посредника.

Во-вторых, это недостаточность доверия медиации в юридической сфере, в том числе, в судебной системе, особенно на уровне арбитражного суда. Это и скептическое отношение многих судей, адвокатов, а также специалистов, принимающих участие в судебных слушаниях в качестве представителей сторон. Частным проявлением этого недоверия является мнение части юридического сообщества, что медиаторами могут быть только юристы, хотя это противоречит мировому опыту и провоцирует излишнюю формализацию и директивность медиации, что может приводить к перерождению медиации и потере ее принципиальных преимуществ. Сюда же можно отнести недоверие нотариусов возможности заверения медиативных соглашений, которое выражается в отказе многих нотариусов осуществлять эту процедуру, вмененную им по закону. Недоверие потенциалу профессионального сообщества медиаторов России на уровне законодателя уже упоминалось в начале текста.

В-третьих, наблюдается недоверие многих организаций и учреждений, связанных с работой с конфликтами. Иногда это проявляется как формальное согласие с необходимостью внедрения медиации, порой как утверждение, что специалисты этих учреждений и сами могут осуществлять подобные функции, а также в других формах. Такое сопротивление может наблюдаться как на уровне руководства, так и на уровне рядовых сотрудников. Печальным примером может быть кампания по внедрению медиации в школах с 2012 по 2017 гг. Практически все школы благополучно отчитались об организации служб медиации, но реально работают лишь единицы. Ни родители, ни сами школьники, ни учителя часто понятия не имеют о медиации.

В-четвертых, это недоверие к себе у самих медиаторов, которое можно отнести к так называемому «комплексу самозванца». Большое количество обученных и сертифицированных медиаторов боится начинать практиковать, тем более, столкнувшись с сопротивлением потенциальных пользователей медиации.

Тем не менее, положение медиации далеко не безнадежно. Об этом говорят многочисленные примеры активной работы медиаторов в самых разных сферах деятельности. До сих пор самый эффективный способ распространения медиации – это «сарафанное радио», поэтому опытные и положительно зарекомендовавшие себя медиаторы, как правило, не испытывают дефицита клиентов. Да и судьи предпочитают работать со «своими», проверенными медиаторами.

Плохую службу медиации в демонстрации ее достижений сослужил один из ее самых важных и привлекательных для клиентов принцип – конфиденциальность. Достоверная статистика о количестве успешно проведенных медиаций отсутствует, а данные Минюста очень занижены и далеки от реальных.

В последние годы предлагались и частично реализовывались многие предложения по повышению доверия к медиации и росту ее авторитета в обществе. Среди них и рекомендации по активизации просветительской деятельности, и предложения законодательных инициатив, и увеличение поддержки со стороны государства, и активизация медиаторского взаимодействия, целенаправленное обучение, более широкое внедрение супервизии и многие другие. Недавние изменения в законодательстве, в частности, связанные с повышением судебных пошлин и многие другие тоже могут способствовать популярности медиации. Можно ожидать, наконец, обретения медиацией ее истинной роли в

повышении качества жизни и решении насущных проблем граждан нашей страны.

Список литературы

1. Фишер Р., Шапиро Д. За пределами здравого смысла. Москва: Хорошая книга, 2007.
2. Иванова Е.Н. Медиация как переговоры. СПб.: Институт мира и исследования конфликтов, 2024.

УДК 159.922.6

Конгарова Д.К.,
Магистрант,
программа «Конструктивная психология конфликта»
МАОУ Красноярская университетская гимназия
«Универс №1»,
г. Красноярск, Россия
E-mail: dary.shtork@mail.ru

Образовательные условия становления и развития переговорной компетентности подростков.

*И если ценность – жить в мире с другими,
то главной становится сама встреча.*
Б.И. Хасан «Мир без конфронтации»

Актуальность мирного способа решения конфликтов на сегодняшний день особенно высока. Нарастание тенденции индивидуализации и культуры конкуренции нередко приводит к деструктивным конфликтам и их разрушительным последствиям. Наиболее остро в связи с этим встает вопрос о том, как могут сосуществовать 8 миллиардов разных людей, сохраняя свою уникальность и мир во взаимодействии друг с другом? Этот вопрос одинаково актуален на разных уровнях и масштабах – от семейных до внешнеполитических отношений. Если мы признаем ценностью сохранение мира в отношениях разного масштаба и в качестве цели удерживаем необходимость формирования этой ценности в будущем, то принципиально важным становится специальное обустройство детства [1]. Именно через вклад в подрастающее поколение, зависит то, как будет выглядеть наш мир в будущем.

Ключевую роль в становлении ценностей и способов взаимодействия с людьми и миром в целом играет семья. Но не менее значимое влияние оказывают образовательные

институты. Попадая в образовательную среду, ребенок «впитывает» те способы действия, которые приняты в них. Изучению того, какие образовательные условия необходимы для формирования готовности к переговорам как мирному способу решения конфликтов было посвящено наше исследование, которое проводилось на базе Красноярской гимназии «Универс» под руководством Б.И.Хасана в 2017-2020гг. А практика продвижения культуры мирного конфликтования, внедрения переговорных практик и медиативных технологий в школе продолжается и сегодня.

В исследовании были поставлены следующие вопросы:

- какие образовательные условия способствуют формированию переговорной компетентности?
- как, по каким этапам и линиям происходит становление переговорной компетентности?
- как формирование переговорной компетентности соотносится с возрастной динамикой?

Изучив существующие исследования в данных вопросах, анализируя разворачиваемую в гимназии практику, оценивая и фиксируя получаемые результаты, мы можем зафиксировать несколько основных тезисов.

Для формирования переговорной компетентности в образовательном институте важно специально организовывать, удерживать и делать предметом внимания способ взаимодействия, а не только учебный предмет. Мы считаем важным не столько то, чему учит школа, сколько то, как это делается. Учителю, взаимодействуя с учеником в рамках урока, необходимо удерживать не только предметную задачу, но и задачу построения отношений и передачи способа взаимодействия. Передача ученику даже очень полезного знания или нормы с помощью давления, научит именно давлению и непринятию другого как другого. Принципиально важно, чтобы школа специальным образом обустроивала отношения и способы взаимодействия (как между детьми и с

детьми, так и между взрослыми). Это значит, что любой педагог должен иметь базовый уровень конфликтологической подготовки.

Анализ образовательные программы по переговорной компетентности показывает, что зачастую они сводятся к освоению только технологии – переговорного (и медиативного) процесса. Мы считаем важным говорить также о более глубокой – личностной, смысловой линии в любой компетентности. Знание этапов переговорного процесса и следование им не обеспечивает готовности сотрудничать на смысловом и ценностном уровне. В вопросе конфликтной и переговорной компетентностей, их структуры, становления и развития мы опираемся на идеи конструктивной психологии конфликта [23]. Конфликтная компетентность – это способность и готовность удерживать конфликт в конструктивной форме (в том числе с помощью переговоров).

Принципиальным является для нас то, что формирование переговорной компетентности должно происходить в соответствии с динамикой возрастного развития. Безусловно, формировать ее можно в любом возрасте, но существуют сенситивные периоды, в которые ребенок оказывается наиболее восприимчив к чему-либо. В каждом возрасте должен происходить разный вклад в это формирование. На данном этапе, изучая специфику формирования переговорной компетентности в подростковом возрасте, мы зафиксировали разные типы материала, темы и формы, актуальные для разных периодов внутри подросткового возраста. В начале подростковой актуальной является тема дружеских отношений и установления границ с родителями, а адекватной формой для формирования компетентностей являются игровые процедуры. В завершении подросткового возраста для старшеклассника становится актуальной тема формирования своей образовательной

траектории и соотнесение существующего содержания уроков с целями относительно будущего.

Мы полагаем, что в подростковом возрасте закладывается фундамент – переговорная способность и переговорная позиция, ориентация на сотрудничество – то есть личностная линия компетентности. Под переговорной позицией мы понимаем способность оформить свои интересы и увидеть, и принять другого с его другим интересом. Технология же может быть освоена позже – в завершении подросткового возраста. Этот тезис требует дальнейшей проверки.

Список литературы

1. Хасан Б.И., Хромченко М.С. Мир без конфронтации, или Да здравствует конфликт! Москва: Бонфи, 2002. – С.299
2. Хасан, Б. И. Конструктивная психология конфликта / Б. И. Хасан. – Санкт-Петербург, Питер, 2003. – 250 с.

УДК 331.08

Короткова Д.Д.,

магистрант,

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st118157@spbu.ru

Панкрашов Н.Н.,

магистрант,

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st118156@spbu.ru

Эффективность обязательной и добровольной медиации на примере зарубежного опыта.

Среди конфликтологов и юристов существуют разные взгляды на установление института медиации. Законодательная система ветвится перед выбором: сохранить медиацию как полностью добровольный процесс, сделать его обязательным по отдельным видам споров, или установить обязательную информационную встречу для сторон спора. Статистические данные показывают, что в большинстве европейских стран медиация используется менее чем в 1% судебных дел. Итальянский опыт с институтом обязательной медиации [1, С. 67] демонстрирует впечатляющие результаты: из 200 000 медиаций в 2017 году около 180 000 были инициированы благодаря обязательной первичной процедуре медиации, при этом показатель успешности достиг почти 50%. При успешности медиации в 75% споров, в Бельгии экономия составляет около 330 дней и 5000 евро на один спор, в Италии – 860 дней и более 7000 евро. Средняя стоимость судебного разбирательства в ЕС составляет 10449 евро, тогда как медиация обходится в среднем в 2497 евро.

В европейской практике сформировались различные модели обязательной медиации: категориальная,

дискреционная, квази-обязательная и договорная. Категориальная предлагает наличие обязательной процедуры, при которой стороны должны предпринять попытку медиации до обращения в суд по определенным категориям споров [3, С. 58].

Дискреционная модель предоставляет судьям полномочия направлять стороны на медиацию по своему усмотрению, учитывая особенности конкретного дела [4, С. 1]. Великобритания активно применяет данный подход, где судьи могут рекомендовать медиацию на любой стадии судебного разбирательства. При отказе от медиации без уважительной причины суд вправе наложить финансовые санкции на сторону, даже если она выиграла дело [5, С. 937]. Квази-обязательная - гибридная форма, при которой стороны обязаны участвовать в информационной сессии о преимуществах медиации [6, С. 228]. В Чешской Республике и Словении применяются финансовые санкции за необоснованный отказ от участия в информационной сессии [7, С.12].

Договорная модель основывается на предварительном соглашении сторон о применении медиации до обращения в суд. Данная модель распространена в коммерческих спорах, где стороны заранее включают медиативную оговорку в контракты.

Однако, не смотря же на столь убедительные положительные примеры в вопросе правоприменения обязательной медиации, до сих пор ведутся неоднозначные споры и диспуты о её корректной работоспособности в различных сферах применения. Профессор А.В. Милохова считает главным аргументом в пользу обязательной медиации - возможность изменить существующую ситуацию, когда медиация как явление существует, но остается малоизвестной широкому кругу лиц [8, С. 138]. Напротив же О.В. Аллахвердова считает, что добровольная медиация часто

более эффективна, так как участники конфликта имеют готовность к компромиссу, что снижает уровень агрессии [9, С. 35]. В.О. Аболонин сторонник идеи, что обязательная медиация снижает нагрузку на судебную систему, но её эффективность зависит от качества процесса проведения медиативной практики в сфере самой квалификации медиаторов [10, С. 207].

Можно отметить, что обязательная медиация выступает сложной в определении, но при этом позволяет побуждать интерес участников в разрешении конфликтов, и уже в этом есть свои особенности. Уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ Анна Кузнецова выступает за введение обязательной досудебной медиации по семейным спорам, полагая, что такая мера будет способствовать повышению правовой культуры граждан [11]. Важными в такой сфере будут медицинские споры как одна из наиболее сложных областей конфликтов, затрагивающих множество аспектов общего и специального плана по функционированию организма человека. Институт медиации эффективно обеспечивает конфиденциальность врачебных тайн [13, С. 316]. Обязательная же медиация, реализованная в итальянской системе здравоохранения, демонстрирует впечатляющие результаты.

Подводя итог, следует отметить значительную эффективность медиативных процедур в различных сферах правоотношений. Статистика демонстрирует, что при правильной организации процесса медиации успешность разрешения споров достигает 50-70% случаев. Анализ европейских моделей медиации (категориальной, дискреционной, квази-обязательной и договорной) показывает, что каждая из них имеет свои преимущества. Тем самым выбор между обязательной и добровольной моделями должен осуществляться с учетом специфики правовой

системы, уровня развития медиативной практики в конкретном государстве.

Список литературы

1. Mandatory Mediation in Family Disputes // Review of European and Comparative Law. 2023. Vol. 53, No. 2. P.67-99.
2. D'Urso L. Italy's 'Required Initial Mediation Session': Bridging the Gap between Mandatory and Voluntary Mediation // Mediation Hub. 2023. URL: <https://www.mediationhub.ae/publications/italys-required-initial-mediation-session-bridging-the-gap-between-mandatory-and-voluntary-mediation> (дата обращения 01.10.2024)
3. Загайнова С. К., Чудиновская Н. А., Шереметова Г. С. Обязательная медиация в Италии: проблемы реализации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. №6. С. 56-62.
4. The Italian Opt-Out Model: A Soft Mandatory Mediation Approach // Kluwer Mediation Blog. 2024. P. 1-9.
5. Perspectives on Mandatory Mediation // UNSW Law Journal. 2012. P. 929-952.
6. Коваленко Т.В., Мигилев Ю.А. Медиация как метод разрешения социальных конфликтов/Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. 2022. С.287-292.
7. The Implementation of the Mediation Directive Workshop // European Parliament. 2016. P.6-24.
8. Милохова А. В. Обязательная медиация: поиск компромисса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2013. №3 (104). С. 136-142.
9. Аллахвердова О.В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов/ Журнал социологии и социальной антропологии. № 9(4). 2006. С. 31-49.

10. Аболонин В.О. Закон Германии «О поддержке медиации и других форм внесудебного урегулирования конфликтов» // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 207.
11. Кузнецова выступает за введение обязательной досудебной медиации по семейным спорам URL: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20201123/306528527.html (дата обращения 31.10.2024)
12. Тлембаева Ж.У. Медиация в здравоохранении: проблемы применения и перспективы развития/ Астана медициналык журналы. № 106(4). 2020. С. 309-314.
13. Абдраим Б. Ж. Медиация как действенный способ разрешения спора между медицинскими организациями и пациентами // АМЖ. 2020. №4. С. 314-318.

УДК 303.01

Крюкова Т.В.,
*кандидат технических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: t.kryukova@spbu.ru*

Применение методов математического моделирования для анализа конфликтов.

Практической задачей конфликтологии является управление конфликтами, основой которого должен быть анализ. Обучение студентов-конфликтологов анализу конфликтных ситуаций осуществляется в течении всего периода, начиная с первого курса. Каждый из них участвует в коллективном обсуждении и самостоятельно проводит анализ различных конфликтных ситуаций – от межличностных до международных. Однако такой анализ является вербальным и не дает полной картины в решении проблемы, лежащей в основе конфликтов, а также не может научно обосновать наилучший вариант действий по ее устранению. Для дополнения и углубления анализа предлагается использование математического моделирования.

Совершенно понятно, что реальные конфликты и проблемы, которые ставит жизнь очень сложны и многогранны и не могут быть уложены в прокрустово ложе сильно формализованных математических моделей. Однако правильно выбранная релевантная модель может позволить учесть существенные факторы, влияющие на окончательный результат и определить приоритеты вариантов решения проблемы, что очень важно для прогнозирования в управлении конфликтами. Конечно, для гуманитариев сложно самостоятельно составлять модели и подбирать соответствующие математические методы для анализа конфликтов. Поэтому студенты института философии СПбГУ,

обучающиеся по направлению «Конфликтология» и «Конфликтменеджмент» в рамках дисциплин «Принятие решений в конфликте: методы и модели» и «Анализ и аналитические средства экспертизы конфликта» изучают и осваивают такие экспертные методы, как метод анализа иерархий (МАИ) и модернизированный метод аналитических сетей (МАС) Томаса Л. Саати. Данные методы широко используются для анализа и поиска решения многокритериальных проблем и конфликтных ситуаций в различных областях, включающих как качественные и количественные, так осязаемые и неосязаемые факторы. Предлагаемые методы имеют программную реализацию с дружественным интерфейсом Super Decisions, которая делает использование этих методов более доступной.

Для применения методологии Т. Саати необходимо путем качественного анализа сформировать вербальную модель ситуации, определить структурные и динамические показатели, которые станут исходными экспертными оценками для математической модели. Далее осуществляется структуризация проблемы в виде иерархии или сети по кластерам: цель, критерии и альтернативы. В методах МАИ и МАС на основе субъективных суждений и шкалы отношений проводится попарное сравнение элементов по уровням относительно каждого элемента высшего уровня. В результате синтеза локальных приоритетов вычисляются обобщенные приоритеты альтернатив.

Студентами конфликтологами были проанализированы различные примеры ситуаций/конфликтов/проблем с помощью методов МАИ и МАС и программного средства Super Decisions, что позволило расширить вербальный конфликтологический анализ. Некоторые из работ стали основой для публикаций в различных научных журналах [1-9].

Список литературы

1. Крюков Н.А., Крюкова Т.В., Юркова Е.С. Конфликтологический анализ целесообразности добычи никеля в Воронежской области методом математического моделирования /Конфликтология.2018. Т.13. №4. С.179-190.
2. Власкина А.С., Крюкова Т.В. Конфликтологический анализ ситуации вокруг Рогунской ГЭС методом аналитических сетей/ Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия и Конфликтология. 2018. Т.34. №4. С. 556-570.
3. Крюкова Т.В., Петько А.Д. Применение метода анализа иерархий для урегулирования инновационного конфликта в коммерческой организации спортивного типа/ Конфликтология, 2019. Т.14, №2, С. 155-168.
4. Бандейкина Н.Н., Крюкова Т.В., Хуторцова А.Т. Конфликтологический анализ ситуации вокруг строительства завода на Байкале методом Томаса Л. Саати/ Конфликтология. 15(1), 2020. С.115-131.
5. Крюкова Т.В., Шумкова К.М. Городские конфликты: анализ ситуации вокруг территории яхт-клуба на Петровской косе/ Конфликтология. 2021. Т. 16. № 1. С.76-88.
6. Абгаджва Д.А., Крюкова Т.В., Сазонтова С.А. Анализ торгового конфликта между республикой Корея и Японией методом Томаса Л. Саати/ Конфликтология. 2021. Т. 16. № 4. 28-39.
7. Абгаджва Д.А., Крюкова Т.В., Данилова А.И. Конфликтологический анализ ситуации вокруг Синьцзян-уйгурского автономного района в Китайской народной республике методом аналитических сетей/ Конфликтология. 2022. Т. 17. № 3. С. 9-27.
8. Абгаджва Д.А., Крюкова Т.В., Пирожков Е.Р. Применение математического моделирования для обоснования целесообразного варианта действий Китая в отношении

территориального спора в Южно-Китайском море / Конфликтология. 19(3), 2023. С. 30-45.

9. Крюкова Т.В., Малышева. Конфликтологический анализ социально -политических протестов в г. Видном методом многокритериального выбора Томаса Л. Саати/ Конфликтология, 2024. Т. 19. №1. С. 111-126.

УДК 316.6

Лаврова Н.М.,
*профессор РАЕ,
Психоаналитический центр «Альянс»,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: vasilylavrov@yandex.ru*

Воловодова Г.В.,
*Площадка поддерживающей среды и профессионального
роста «Метод медиатора»,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: volovodova_galina@mail.ru*

Лавров Н.В.,
*Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Супервизия в медиации: восстановление и профилактика психической устойчивости специалистов.

Подготовка специалистов «помогающих» профессий, включая медиацию, поддерживается супервизией, благодаря которой специалист преодолевает индивидуальные препятствия профессиональному становлению. По сути, супервизия представляет собой особую форму обучения, которое обеспечивается, во-первых, усвоением сведений, полученных от специалиста-наставника, во-вторых, мобилизацией самостоятельного осмысления профессиональных проблем и, в-третьих, анализом накопленного опыта. Третья форма обучения подразумевает не только переоценку реальных событий с учетом успеха и совершенных ошибок, но и моделирование профессиональных проблем с нахождением оптимальных решений в безопасной обстановке. При этом важным моментом супервизии является поддержание психической устойчивости специалистов. В результате ранее проведенных наблюдений было отмечено,

что сохранение психической устойчивости медиатора является определяющим фактором успеха переговоров спорных сторон [1]. Результаты наблюдений соответствовали теоретическим представлениям о формировании устоев личности [2].

Цель данной работы заключалась в рассмотрении супервизионных методов, поддерживающих психическую устойчивость медиаторов и облегчающих усвоение профессиональных навыков. Ответы на вопросы, возникавшие при рассмотрении принципов супервизии, формулировались при обсуждении опыта медиаторов в процессе семинаров-тренингов, которые регулярно ежемесячно проводились на кафедре медиации и разрешения конфликтов института практической психологии «Иматон», начиная с 2011 года. Каждая семинарская группа состояла из 15-18 медиаторов. В ходе занятий участники семинаров не ограничивались обсуждением вопросов теории и практики супервизии. Часть времени уделялась знакомству с результатами применения оригинального метода «Тренажер семейного медиатора», который обеспечивал игровое моделирование медиативного процесса. Оценка результатов, производилась с использованием шкалы успешности медиации, которая была разработана в результате ранее проведенных исследований [1]. Были прослежены следующие этапы плодотворного влияния игрового моделирования межличностных отношений на урегулирование конфликтов: 1) формирование конструктивного подхода к решению спорных проблем, 2) отказ от предвзятых разрушительных оценочных суждений в пользу восстановительных мотиваций, 3) поиск оптимального варианта разрешения конфликта, 4) определение модели упорядоченности межличностных отношений с учетом интересов всех сторон спора. Графическое изображение схемы межличностных отношений и визуализация образа конфликта облегчали поиск выхода из конфликтной ситуации. По мнению, высказанному участниками игрового моделирования,

игра обладала психотерапевтическим эффектом, поскольку избавляла от последствий стресса. При обсуждении обстоятельств, затрудняющих работу специалиста, выделен набор провокаторов выгорания: 1) постоянное эмоциональное напряжение, поскольку медиатор неизбежно реагирует на переживания участников конфликтов в соответствии с принципами «эмоционального резонанса»; 2) высокая личная ответственность за успех медиации; 3) неопределенность конфликтной ситуации и постоянная готовность к ее непредсказуемым изменениям; 4) напряжение интеллекта – медиатор обязан проявлять эмпатию и выстраивать коммуникацию со всеми участниками конфликта. При рассмотрении способов преодоления выгорания и сохранения психической устойчивости обращалось внимание на известные апробированные подходы [3, 4] с оказанием эмоциональной поддержки и содействием в развитии коммуникативных навыков. Подводя итоги занятий, участники семинаров-тренингов признавали, что регулярные супервизии являются обязательным условием профессиональной эффективности медиаторов, обеспечивая расширение теоретических знаний и практических навыков, а также содействуя укреплению психической устойчивости благодаря предотвращению эмоционального выгорания специалистов.

Список литературы

1. Лаврова Н.М., Лавров Н.В., Лавров В.В. Влияние психической устойчивости участников конфликта на успех медиации в разрешении спорных проблем// Антология Всемирной психотерапии. 2023. В12. С. 153-158.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. Москва: Эксмо. 2005.

3. Лаврова Н., Воловодова Г., Архангельская Г. Супервизия: подтверждаем практику, повышаем качество услуг// Медиатор РФ. 2024. №10. С. 108-112.
4. Винер Д., Майзен Р., Дакхэм Д. (отв. ред.) Супервизия супервизора. Практика в поиске теории. Москва: Когито-Центр. 2006.

УДК 34.09

Марканчева Д.В.,
*председатель комитета по медиации
Тульского регионального отделения ОППЛ,
профессиональный медиатор,
Учебно-тренинговый центр «Пульсар»,
г. Тула, Россия
E-mail: markancheva@mail.ru*

Медиация: дополнение суда или его альтернатива?

В настоящее время медиация в России находится в стадии становления и обретения нормативных форм. Она рассматривается двояко: в качестве особой формы психологического консультирования людей, находящихся в конфликтной ситуации и стремящихся выйти из нее, и в качестве заместителя судебного разбирательства [1, С. 21].

Российское законодательство определяет медиацию, как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [2]. Само название и текст закона однозначно указывают на альтернативный характер процедуры, то есть на ее отдельность от суда.

Некоторые профессиональные медиаторы не фокусируются ни на одной из двух заметных взаимосвязей медиации (с психологическим консультированием, и с судом). Они делают акцент на том, что медиация представляет собой особым образом организованные переговоры, где весь переговорный процесс разбит на стадии, а каждая стадия имеет свои цели и задачи, свои техники работы медиатора и тайминг [3, С. 8]. То есть медиация – это переговорный процесс.

Вероятно, что суд и посредничество сравнивали всегда. Еще в V веке до нашей эры Конфуций призывал использовать примирение, вместо того чтобы идти в суд. Он предупреждал,

что судебная тяжба, скорее всего, усилит озлобленность участников спора и воспрепятствует их эффективному взаимодействию. Конфуций рекомендовал сторонам не обращаться в суд, а пригласить нейтрального посредника, который помог бы разобраться в сути конфликта и прийти к соглашению [4, С. 6]. Подобный подход считал верным и министр иностранных дел СССР, который жил значительно позднее Конфуция. «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны», - говорил Андрей Андреевич Громыко.

Во многом естественное сравнение с судом породило проблему, при которой медиация стала рассматриваться, как нечто новомодное и альтернативное суду. Автор статьи разделяет позицию некоторых представителей профессионального сообщества о том, что трудно согласиться с утверждением, что медиация получила свое становление сначала в США в 70-годы двадцатого века, а затем была поддержана в Западной Европе, осознавшей преимущества медиации перед судебной процедурой. Упор на «внесудебность» и альтернативность медиации по отношению к судебному разбирательству не дает оснований для признания принципиальной новизны. [1, С. 19].

Возникла медиация далеко не вчера и не является современным изобретением, скорее напротив, это одна из древних форм разрешения конфликтов. Старейшина племени, князь, воевода – все они были посредниками в споре задолго до того, как появились суды [5, С. 11]. Не стоит забывать и про сельский сход, как форму восстановительной медиации.

Сравнивая медиацию с судебным процессом, первую обычно изображают как нечто «хорошее», а судебную процедуру – как «плохое». Такие упрощенные суждения не способствуют формированию точного и адекватного представления ни об одном из этих способов разрешения конфликтов. Медиация имеет свои ограничения, она подходит не для каждого спора и не всегда позволяет достичь

взаимовыгодных договоренностей. В ряде случаев судебный процесс просто необходим [4, С. 15].

Современный медиатор, естественно, отличается от исторических предшественников, поскольку изменилась и среда, и проблемы, лежащие в основе противоречий. Но при этом опыт предшественников может быть полезным как для понимания сути медиации, так и для выяснения универсальных алгоритмов действий медиатора [1, С. 20].

Таким образом, сравнения с судом неизбежны в силу того, что и судья, и медиатор имеют дело с конфликтом. Однако медиация не является дополнением суда, а представляет собой стадийный целенаправленный переговорный процесс. Но и акцент на альтернативность приводит к тому, что медиацию начинают рассматривать как нечто новое, упуская из виду долгий исторический путь ее развития и возможности, которые открывает сохранение этой преемственности.

Список литературы

1. Лаврова Н.М., Лавров В.В., Лавров Н.В. Медиация: принятие ответственных решений (о теории и практике посредничества в разрешении споров) – М.: Институт консультирования и системных решений, Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига, 2013. – 224 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // РГ № 168 от 30.07.2010, СЗ РФ от 02.08.2010, № 31, ст. 4162.
3. Основы медиации/ Евгений Киселев. – Самара: Союз профессиональных медиаторов «М2В» (mediation to business), 2021. – 176 с. (Серия «Библиотека медиатора»).
4. Семейная медиация (второе издание) Л. Паркинсон – М.: Издательство ООО Межрегиональный центр

управленческого и политического консультирования», 2016
– 316 с.

5. Дубинина Ю.А. Медиатор. – Москва: Проспект, 2024. – 224 с.

УДК 378.172

Нагайчук А. Ф.,

*кандидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский горный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: nagaychuk_af@pers.spmi.ru*

Гильмутдинова А.И.,

*студент,
Санкт-Петербургский горный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: s231516@stud.spmi.ru*

Муницына М. А.,

*студент,
Санкт-Петербургский филиал Российской
таможенной академии,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: naf-29@yandex.ru*

Адаптационный конфликт и способы его преодоления (на примере студентов Горного университета).

Проблема адаптационных механизмов является значимой не только в аспекте внутриличностного конфликта, но и в условиях межличностного конфликтного взаимодействия, социальных отношений на уровне группового поведения и взаимодействия социальных общностей. Актуальность проблематики адаптационного периода присуща всем сферам и уровням общественных отношений. Наибольшую значимость приобретает период адаптации к студенческой мобильности по причине массовости данного явления, а также в русле формирования качественной подготовки профессиональных кадров.

Как отмечает Никитина К.А. [1, С. 95-96], существует формальная адаптация (познавательное-информационное

приспособление к условиям вуза), дидактическая (новые формы и методы обучения) и общественная (интеграция с одногруппниками, со всеми студентами вуза). В содержательном плане это связано с изменением социальной роли обучаемого, при этом изменяется круг и содержание общения, меняется система ценностных ориентаций, модели поведения корректируются. Авторское исследование специфики адаптационных проблем и способов, позволяющих наиболее оптимально адаптироваться к условиям обучения в вузе, было проведено методом анкетного опроса среди студентов-первокурсников Санкт-Петербургского горного университета в период с 18 по 23 декабря 2023 г.*

В ходе исследования были выявлены следующие результаты. Во-первых, влияние ценностно-ориентационных факторов на особенности адаптационного периода. В данном исследовании «наиболее выраженной значимой ценностью для абсолютного большинства респондентов является ценность семьи, семейные ценности (выражена более чем у 73% опрошенных студентов)» [2, С. 156]. В контексте потенциальных адаптационных проблем оторванность от расширенной семьи при высоких значимых семейных ценностях и отсутствии собственной нуклеарной семьи может лишь обострять трудности адаптационного конфликта. Во-вторых, важное значение в этот период приобретает фактор поиска смысла жизни у будущих молодых специалистов. Так, например, люди с явно выраженным смыслом жизни, обычно легче переживают трудности адаптации в образовательной и

---

* Объем выборки составил 286 респондентов, что соответствует 13,7% от генеральной совокупности студентов 1 курса, выборка случайная. Уровень погрешности не превышает 5%. Социально-демографические характеристики выборки: 56,3% — юноши, 43,7% — девушки; возраст до 18 лет — 10,2%, 18-20 лет — 77,3%, старше 20 лет — 12,5%; 93% — российские студенты (представители 61 региона РФ), 7% — иностранные студенты.

профессиональной среде. В рамках проведенного исследования наиболее часто встречающимся оказался выбор в качестве смысла жизни «фактор самореализации (порядка 30% частота упоминаний). Самореализация предполагает реализацию поставленных целей, мечтаний, успешную карьеру, профессиональную карьеру (стать высококвалифицированным специалистом), найти свое призвание, достичь признания и т.д.» [2, С. 158]. Такой смыслообразующий фактор значительно сокращает деструктивный потенциал адаптационного конфликта.

В целом, почти 90% студентов-первокурсников столкнулись со сложностями адаптации. Наибольшую сложность вызывает необходимость приспособления к условиям взрослой самостоятельной жизни (53,1%), специфике обучения в высшем учебном заведении после школы (39,2%), а также коммуникационная адаптация к новому кругу общения и потеря (сокращение коммуникации) с прежним кругом (35%) Речь идет о новой приобретенной идентичности и утраченной прежней. Также среди значимых трудностей адаптации были выделены следующие: адаптация к новому месту жительства (25,2%), необходимость планировать и распределять время и бюджет (20,6%), акклиматизация (9,8%) и др. Стоит уточнить, что 78,7% респондентов — приехавшие на учебу из других регионов и стран студенты.

Наибольший интерес вызывает вопрос о способах, которыми студенты-первокурсники пользуются в преодолении адаптационных трудностей и не вызывает ли у них адаптационный период сложный конфликт адаптационного плана. Начнем с того, что всего на уровне 17% опрошенных заявили о наличии у них серьезного адаптационного конфликта и склонности к мысли о том, что стоит отказаться от учебы в вузе, включая смену данного вуза на «более мягкую среду», желание вернуться домой и т.д.

Остальные 73% серьезного конфликта не испытывают, хотя большая часть из них испытывает трудности адаптации и некий (средний и незначительный) уровень внутреннего напряжения. Всего у 11% опрошенных отсутствуют сложности с адаптацией. Среди тех, кто не погрузился в депрессивное состояние по поводу адаптационных трудностей и занимается урегулированием адаптационного конфликта, выделяют ряд способов его преодоления. Во-первых, выделим коммуникационные способы как наиболее значимые (встречаются у почти 39% опрошенных). Во-вторых, смирение и терпение, которые позволяют на основе внутренней саморегуляции личности достигать внутреннего равновесия (23% упоминаний). В-третьих, самоорганизация, основанная на внутренних механизмах самоконтроля, выведение себя из «зоны комфорта» (упоминают 23%). В-четвертых, обращение за помощью к друзьям, родным, а также к специалистам-психологам, куратору (в сумме указывают около 20%). Здесь важно уточнить, что наибольшее значение имеет помощь друзей (почти 19%), наименьшее – помощь профессионалов (психологов, кураторов) – 1%. В-пятых, участие в различных активностях – мероприятия вуза, туризм, спорт, иные культурно-досуговые мероприятия и здоровый образ жизни (16,2%). Наконец, планирование и распределение времени, бюджета и налаживание быта – 8,4%.

В целом, стоит отметить, что студенты-первокурсники Горного университета достаточно конструктивно используют разнообразные способы адаптационного механизма. Вместе с тем, недостаточно обращаются к профессиональной помощи психологов, кураторов. Этот способ позволил бы значительно оптимизировать адаптационный период напряжения и урегулировать потенциал внутриличностного конфликта адаптации. Успешный опыт преодоления адаптационного конфликта в вузе позволит будущим специалистам горной отрасли, представителям инженерно-технологической элиты

российского общества, в наиболее оптимальной форме преодолеть потенциальный внутриличностный и, как следствие, межличностный конфликт периода профессиональной адаптации уже в качестве молодого специалиста после завершения обучения в вузе.

Список литературы

1. Никитина К.А. Противоречия и факторы адаптационного конфликта студентов вуза // Вестник РГУ им. И. Канта. Педагогические и психологические науки. 2007. №11. С. 94-96.
2. Нагайчук А.Ф., Богатырев Н.Е., Ворончихин Н.П. Ценностно-мировоззренческий конфликт и представления о смысле жизни у современной российской молодежи (на примере студентов Горного университета) // Конфликтология. 2024. № 19 (1). С. 146-166.

УДК 331.08

Николаев Е.А.,

студент,

*Казанский национальный исследовательский
технологический университет,*

г. Казань, Россия

E-mail: egor_nikolaev_18rus@mail.ru

Феномен скулшутинга: причины массовых расстрелов и методы борьбы с ними.

Скулшутинг перестал быть для среднестатистического человека незнакомым явлением, так как в СМИ то и дело появляются сводки об ужасных событиях, произошедших в той или иной школе. На наш взгляд, существует целый комплекс причин существования данного явления, но в массовом сознании людей процветают однобокие, смутные, а иногда откровенно абсурдные идеи о том, что же толкает школьников на убийство. В связи с этим мы находим данную тему весьма актуальной к изучению.

Скулшутинг – феномен насильственных инцидентов с расстрелами школьников или стрельбой в школах. Феномен возник в начале XX в., но получил распространение в конце XX в. в связи с «Колумбайн-эффектом» – массовой волной подражающих инцидентов в результате широкого и интенсивного освещения в СМИ.

Каждый случай нападения на школы, как и любое другое преступление, уникально, но Лукашкова И. и Яценко А. выделили совокупность специфических признаков, которые объединяют большинство актов скулшутинга:

- местом реализации скулшутинга выступает учебное заведение, а субъектом является обучающийся или группа обучающихся данного заведения;
- потерпевшими являются одноклассники или одноклассники скулшутера;

- основными мотивами скулшутинга являются самоутверждение, озлобленность, обида, месть, конфликты с педагогами и одноклассниками;

- умысел преступника направлен на причинение вреда здоровью и (или) жизни неограниченного числа лиц;

- в качестве средства совершения преступления используются огнестрельное, холодное оружие и взрывчатые вещества [1].

Л. Малки к признакам скулшутинга, которые характеризуют это явление, добавляет, что скулшутинг носит демонстративный порядок, выступает неким символом, с помощью которого стрелок заявляет о себе, передает сообщение обществу [2]. Ю.В. Суходольская добавляет, что актам скулшутинга свойственен не только символизм, но и некий ритуальный, сакральный смысл для стрелка. Шутер выбирает для этого акта специальную одежду, идет строго определенным маршрутом [3].

Некоторые ученые утверждают, что понятия «терроризм» и «скулшутинг» являются тождественными, а скулшутинг входит в понятие «детский терроризм». Гончаров Л. утверждает, что данный вид соответствует всем канонам классического терроризма, за исключением одного отличия: скулшутинг не мотивирован политически [4].

В противовес этому мнению существует мысль, что, наоборот, после произошедшего в школе «Колумбайн» акты скулшутинга перестали быть актами мести психически неуравновешенных студентов, а превратились в настоящие политические акты [5].

Исследований на тему причин радикального поведения подростков достаточно, многие из них сходятся, но есть и противоположные мнения. В целом, можно сказать, что причины совершения скулшутерами преступлений можно условно разделить на психологические (травля, буллинг, ненависть и тд.) или политические причины (смена

государственного строя, националистические идеи, анархистские идеи и т.д.), а также на подражание (желание продолжить дело своего кумира).

Учитывая основные причины появления террористических настроений у учащихся, имея опыт стран Запада, своей страны и стран СНГ, видится возможность определить наиболее перспективные пути профилактики и предотвращения скулшутинга.

Прежде всего, это разработка эффективных стратегий и тактик (психологических, медицинских и юридических) с целью оперативного реагирования на акты скулшутинга или информацию о заведомо готовящемся акту. В данном пункте необходимо учитывать множество моментов: социально-демографическую ситуацию в регионе, национальные особенности региона, статус школы, девиантное поведение несовершеннолетних и совершеннолетних жителей населенного пункта и другое.

Во-вторых, создание технических условий, обеспечивающих максимально возможную безопасность в местах массового скопления учащихся школы (спортивные объекты, объекты культуры, здание школы и т.д.).

В-третьих, разработка, широкое распространение учебных программ различного уровня, которые нацелены на обучение детей и взрослых правилам безопасного поведения и способам противостояния в ситуации скулшутинга. В-четвертых, каждая школа должна располагать постоянно функционирующей медиативной службой как для учащихся, так и для сотрудников. Данное решение способствует снижению конфликтности в коллективе и между учащимися, а, следовательно, снижению напряжения и устранению почвы возникновения радикальных идей.

В-пятых, систематическая психодиагностика. Данный пункт реализуется достаточно давно, однако, на наш взгляд,

имеет ряд недостатков в том виде, в котором он производится на сегодняшний день.

Следующий пункт связан с преобразованиями в законодательстве государства. На наш взгляд, закон должен контролировать СМИ, касательно распространения информации о террористах и скулшутерах. Закон должен обязать СМИ преподносить информацию «без лишних подробностей». Авторы должны нести ответственность за предоставление фактов, которые провоцируют эффект заражения молодежи деструктивными идеями.

Помимо этого, вне школы также должна проводиться работа внутри семьи, так называемое «домашнее визитирование». Данная процедура подразумевает посещение педагогом-психологом семей, ребенок в которых имеет риск стать жертвой колумабайн-культуры (малообеспеченные, неполные, неблагополучные семьи).

В заключение стоит сказать, что все вышеперечисленные меры обязаны производиться в совокупности друг с другом. Именно совместными усилиями родителей, педагогов и государства видится реальная возможность снижения пагубного влияния идеологии скулшутинга на детей. Только комплексная работа позволит наиболее в полной мере закрыть все проблемные участки общественной жизни и способствовать нормальному развитию ребенка.

Список литературы

1. Лукашкова И., Яценко А. ФЕНОМЕН СКУЛШУТИНГА: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА // Сайт: cyberleninka.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-skulshutinga-prichiny-i-profilaktika> (дата обращения: 9.10.2024).

2. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and NorthAmerica // *Terrorism and Political Violence*. 2014. Vol. 26 (1). P. 180-187.
3. Суходольская Ю. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен// *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. // *Власть*. 2020. No 3 (77). С. 110-118.
4. Гончаров Л. Колумбайн и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма// *Вестник Воронежского института экономики и социального управления*. 2019. No 2. С. 20-29.
5. Larkin R. W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. No 9. P. 1320–1323

УДК 159.91

Николаенко Я.Н.,

*кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: nikolyana81@mail.ru*

Зазулин Г.В.,

*кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: zazulin.ecad@gmail.com*

Минкин В.А.

*зам. директора,
ООО «Многопрофильное предприятие «Элсис»,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: minkin@elsys.ru*

Конфликт добра и зла в структуре личности.

Одним из основных направлений современной психологии является разработка оптимальной модели структуры личности, которая наиболее адекватно характеризует поведение человека [1]. Большинство современных западных опросников для выявления характеристик личности не используют конфликтный подход при моделировании структуры личности, а наоборот сглаживают или не учитывают внутренний конфликт между характеристиками личности. Наиболее популярной в настоящее время является модель структуры личности, основанная на характеристиках большой пятерки (B5), включающая экстраверсию, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыту [1]. В основе разработки модели личности B5 был положен лексический принцип выбора терминов, характеризующих личность [1]. Однако, наиболее древнее восточное представление о структуре личности связано именно с

конфликтом между противоборствующими характеристиками Инь и Ян, черного и белого, отрицательного и положительного [2]. Принцип конфликта между характеристиками личности был положен нами в модель структуры личности, основанной на двух псевдо-оппозиционных супершкалах способностей и пороков, включающей 24 независимых характеристики личности в программе Профайлер+ [3]. Современный мир не случайно находится в состоянии постоянных конфликтов, в настоящее время вызванных ускоренным техническим развитием и медленным изменением человеческого сознания, основанного на традиционных ценностях [4], которые пытаются подменить новыми революционными ценностями [5], не учитывающими длительные эволюционные процессы.

Гипотеза исследования: структуры личности, представленные конфликтными супершкалами пороков и добродетели (способностей и традиционных ценностей), являются более информативными, чем структуры личности, представленные не конфликтными шкалами.

Предмет исследования: сравнительное исследование сознательных и бессознательных реакций целевой группы на стимулы конфликта между способностями-пороками, способностями-традиционными ценностями, а также неконфликтные стимулы модели личности большой пятерки.

Методологическая основа исследования: критерием полноты характеристик личности является максимальная персонализация личности в целевой группе, включающая минимальную корреляцию между первичными (независимыми) шкалами, максимальную корреляцию между супершкалами, максимальный диапазон психофизиологических реакций и близость сознательной и бессознательной реакций.

Методы исследования: оценка и измерение характеристик личности на базе программного обеспечения Профайлер+ с применением 3-х опросников: способности-

пороки (MI-Sins), способности-традиционные ценности (МИ-ТЦ) и модели большой пятерки (B5).

Материалы: исследование проводилось в сентябре 2024 года на группе 10 человек, возраст от 28 до 66 лет (M=41,2; SD=12,5), 4 женщины, 6 мужчин, все граждане РФ.

Результаты

Результаты сравнительного исследования 3-х моделей структуры личности приведены в таблице.

Таблица 1.

Параметры психофизиологических реакций группы 10 человек при предъявлении стимулов в структурах личности: способности-пороки (48 стимулов), способности-традиционные ценности (48), большой пятерки (60).

Параметр, единица Модель	Rn, вбр	Rs, вбр	IE(max), вбр	C(YN-IE), %	L(IE), %	L(YN), %	L(IE+YN), %
MI-Sins	0,276	0,918	0,912	7,55	ПВ/ЗТ	ПВ/ГЯ	ПВ/ГЯ
МИ-ТЦ	0,279	0,750	0,877	21,9	ЛМ/ЕН	ПР/КВ	ПР/КВ
B5	0,645	0,980	0,784	42,21	С	А	О
Лидер	MI-Sins	B5	MI-Sins	MI-Sins	MI-Sins		

Где:

Rn – средний уровень корреляции ПФР между независимыми шкалами;

Rs – средний уровень корреляции ПФР между супершкалами;

IE(max) – диапазон ПФР в информационно физических единицах (вибра);

C(YN-IE) – сознательная искренность, разность сознательной и бессознательной реакции;

L(IE) – лидирующий профиль психофизиологической реакции;

L(YN) – лидирующий профиль сознательной реакции;

L(IE+YN) – лидирующий профиль интегральной реакции.

Обсуждение

По 4-м выбранным критериям из 5-ти, структура личности MI-Sins показала преимущество независимости шкал начального уровня, максимальный диапазон ПФР на стимулы, максимальную правдивость ответов и высокую стабильность выбора по сознательной, бессознательной и интегральной ПФР.

Выводы

Проведенное исследование показало большую информативность моделей структур личности, основанных на псевдо-оппозиционных (конфликтующих) шкалах (способности-пороки и способности-традиционные ценности), относительно модели личности большой пятерки. Использование конфликтующих шкал в модели структуры личности и опросниках позволяет повысить точность прогноза поведения и прогностическую валидность опросников.

Список литературы

1. Digman J.M. Personality Structure: Emergence of the Five-Factor Model // *Annu. Rev. Psychol.* 1990. №41. С. 417-440.
2. Miller J. *Daoism. A Beginner's Guide.* Oneworld Publications, 2003.
3. Минкин В.А. и др. Уточнение концепции нейролингвистического профайлинга личности и анализ статистики психофизиологических тестирований программой Профайлер+ // *Современная психофизиология. Технология виброизображения*, Тр. 6-й Международной научно-технической конференции, Санкт-Петербург, Россия. СПб.: Элсис, 2023. №1 (6). С. 47–69.

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2016.

УДК 248.14+27+316.47+316.48

Острогляд А.В.,
*православный психолог, медиатор,
Центр христианской практической психологии
Санкт-Петербургской Духовной Академии,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: alina_ostroglyad@mail.ru*

Христианское семейное миротворчество как система работы мировоззрением.

Тема миротворчества имеет религиозный, исторический, политический, религиозно-психологический аспекты. Мир в семье исследователи относят к особой форме социально-религиозного миротворчества [1, с. 13]. Христианское семейное миротворчество – это прежде всего работа по преобразованию ума («метанойа» - греч. – перемена ума), формированию нового образа мышления с целью обучения человека навыкам самопомощи в семейных конфликтах.

В православной (как и в русской народной) традиции вмешательство посторонних людей в сакральное пространство семьи недопустимо [1, с. 67-68]. Поэтому на первом плане находится просветительская функция христианской психологии, основанная на христианской философии брака, что особенно актуально в деле добрачного обучения миротворчеству как профилактике семейных конфликтов [2, с. 95]. Если искать аналоги понятию «конфликт» в святоотеческом понимании, то ближе всего это «скорби» – «искушения» (испытания). Отношение к скорбям - одно из ключевых понятий христианского семейного миротворчества: «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» [3, Ин 16:33]. Христианское отношение к страданию предполагает восприятие постигших нас бедствий как пощущения Божия, учит смирению и терпению.

Наиболее близкими к миротворчеству можно назвать провокативную медиацию Эда Вацке, не начинающего медиацию, прежде чем не достигнет выраженного конструктивного настроения сторон с помощью притч и образов, и медиативный подход Ц.А. Шамликашвили как «способ мышления, способный трансформировать мир вокруг человека, как навык, позволяющий развивать общество в дискурсе равноправного диалога. Ограничений в применении такого подхода нет» [4, с.17]. Однако, в семейных конфликтах нередки ситуации, когда дискурс равноправного диалога невозможен, поскольку одна из сторон отказывается сотрудничать – что может помочь?

Можно классифицировать конфликты по степени возрастания сложности:

1. Трудности диалога (двусторонний путь) – два человека имеют различия во мнениях и намерениях, но готовы к диалогу, чтобы найти общее решение и примириться;

2. Уход от диалога (односторонний путь) – при разногласиях один в паре уклоняется от диалога и ответственности, но второй берет на себя обязательство быть конструктивным;

3. Неспособность к диалогу (аскетический путь) – один человек имеет психические нарушения и не в состоянии вести адекватный диалог, быть конструктивным, но второй готов идти односторонним путем милосердия.

Христианское миротворчество начинается тогда, когда одна из сторон конфликта берет на себя внутреннее обязательство быть конструктивным даже с активно враждующим ближним. Это путь односторонней жертвенной любви-агапе [5, с. 330] и такая любовь одновременно содержит в себе прощение (разрешение конфликта) и покрывает собою неспособность другого пойти двусторонним путем.

На этом пути духовного возрастания необходимы постепенность, этапность, знание себя, понимание духовных

законов и соблюдение техники духовной безопасности. Это путь длиною в жизнь, который не избавляет от страданий и конфликтов извне, но преобразует мышление и внутренний мир человека, готового самоотверженно и осознанно идти этим путем.

Христианское семейное миротворчество возможно представить, как систему работы с разными уровнями сложности конфликтов, где в основе лежит не установление справедливости, а стяжание мира душевного, чтобы быть миротворцем в собственной семье, останавливая зло на себе.

Список литературы

1. Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX-XX столетий / Ин-т российской истории; Отв. ред. Е.Л. Рудницкая. – М., Наука, 2003. – 503 с.
2. Острогляд А.В. Методологические аспекты добрачного обучения библейскому миротворчеству // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы Всероссийской конференции. 27 октября 2021 г. / Под ред. Ю.М. Зенько. - СПб.: Центр Христианской психологии и антропологии, ООО «Контраст», 2021. - 128 с.
3. Библия. – Российское Библейское общество. – М., 2002. – 1296 с.
4. Шамликашвили Ц. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений. // Электронный журнал «Вестник Федерального института медиации» № 3, 2017 г. - С. 10-25.
5. Острогляд А. В. Модель христианского миротворчества в разрешении семейных конфликтов // «Хотят ли русские войны?»: материалы XVI Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (г. Липецк, 18-20 ноября 2020 г.) / Под.ред. Н.Я. Безбородовой,

Н.В. Стюфляевой (отв. редактор). Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. – 338 с.

УДК 316.48

Отто З.Н.,

*кандидат социологических наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия
E-mail: z.sergeeva@corp.nstu.ru*

Волченко С.Ю.,

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия
E-mail: yurkova @corp.nstu.ru*

Геоинформационная база данных как эффективный инструмент оценки сложных городских конфликтов* .

Город представляет собой сложную сеть в условиях интенсивных коммуникаций, различных интересов при высокой плотности населения и неизбежно порождает напряженную обстановку, а отсутствие конфликтов, скорее является аномалией.

Городской конфликт отличается сложной структурой взаимосвязанных и разнородных элементов. Сложность здесь обусловлена преемственностью и связанностью конфликтных эпизодов и сетей акторов, что определяет необходимость разработки и применения сложных и комплексных диагностических инструментов [2, С. 144]. Такая комплексная исследовательская стратегия предполагает необходимость упорядочивания данных о конфликтах в целом и об отдельных их элементах в динамике и по годам. Одним из наиболее эффективных инструментов оценки конфликтов на территории являются геоинформационные базы данных (ГБД).

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01352, <https://rscf.ru/project/24-28-01352/>.

Геоинформационная база данных – это организованная совокупность пространственных и табличных данных, которые описывают некоторую территорию и расположенные на ней объекты и позволяют осуществлять мониторинг событий, конфликтов в городской среде и вовлеченных в них сообществ и в перспективе.

Для оценки и комплексного анализа сложных городских конфликтов и получения целостной пространственно-организованной картины конфликтности Новосибирской агломерации была разработана Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации «Конфликты NSK» (далее – База данных). На сегодняшний день в базе накоплены исчерпывающие данные по 617 конфликтам [1].

База данных содержит информацию о городских конфликтах г. Новосибирска и Новосибирской агломерации (г. Бердск, Обь, Искитим, наукоград Кольцово, поселение городского типа Краснообск), карту городских конфликтов города Новосибирска и средних (1), малых городов (2), наукограда (1), поселения городского типа (1), входящих в Новосибирскую агломерацию и предполагает возможность создания информационных слоев.

Источник поиска и фиксации публичного городского конфликта – городская медиасреда: СМИ и социальные сети, отслеживание данного массива информации производится через сервис статистики и аналитики контента сообществ социальных сетей Popsters (Popsters.ru) и информационной автоматизированной системы мониторинга Скан-Интерфакс (Scan-interfax.ru).

Ядром Базы данных выступает перечень конфликтов за последние десять лет и позволяет осуществлять поиск информации по интересующим конфликтам, включая полный перечень его событий, триггеров, акторов, сообществ, а также

включая сообщества в социальных сетях, в которых события данного конфликта были освещены.

В Базе данных доступны опции классифицированного поиска конфликта по более чем 30 критериям, таким как: статус конфликта, масштаб конфликта, санкции и последствия конфликта, статус конфликта, статус участников конфликта, исход конфликта, объект конфликта, вид повестки, сфера жизнедеятельности, триггер (тип и сферы триггеров конфликта), уровень резонанса, форма репрезентации, акторы (вид и роль актора конфликта), персоны, организации (структуры), источники медиа данных и другие.

Такое комплексное исследование отдельных элементов городского конфликта позволяет не просто детально изучить и оценить его, но и установить связь различных конфликтов (зависимость возникновения и/или обострения одних городских конфликтов от динамики других конфликтов).

База данных может использоваться в управленческих и исследовательских целях. Данные типологизированы, поддержаны медийными данными об акторах конфликта, триггерах событий и конфликтов с их базовыми характеристиками (проект, уровень и масштаб инвестиций), дополнительной информацией справочного характера о городской среде и параметрах конфликта.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01352, <https://rscf.ru/project/24-28-01352/>.

Список литературы

1. Геоинформационная система сбора данных и анализа городских конфликтов Новосибирской агломерации «Конфликты NSK» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conflictsnsk.ru/> – Загл. с экрана.
2. Скалабан И. А. Связанность как признак сложного городского конфликта. (кейс «Хилокский треугольник»,

Новосибирск) / И. А. Скалабан, С. Ю. Волченко // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: Материалы X Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 18–19 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2024. С. 143-144.

УДК. 304.2

Савин С.С.,

магистрант,

Национальный исследовательский университет ИТМО,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: stanislavsavin4@mail.ru

Лошакова З.Р.,

магистрант,

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st087554@student.spbu.ru

Соучаствующее проектирование как инструмент предотвращения городских конфликтов.

В последние десятилетия в России особенно явно ощущается тренд на формирование комфортной городской среды, переосмысление городского пространства и его переориентирование, чтобы социальные процессы, протекающие в нем, лучше отвечали запросам жителей. Повсеместно получила признание мысль, что наиболее эффективным способом добиться качественного результата при городском планировании, решить назревшие проблемы и предотвратить потенциальные конфликты является вовлечение всех заинтересованных сторон в процесс проектирования и развития территорий, сочетание знания эксперта и знания потребителя, то есть горожанина.

Среди всех форм участия жителей в управлении городским пространством наиболее перспективными и быстро распространяемыми становятся практики соучаствующего проектирования. Соучаствующее проектирование — это процесс проектирования с вовлечением жителей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте

сторон для совместного определения целей и задач развития территории, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта [1, С. 5]. Представляется, что в данном определении наиболее точно передана суть соучастия, выражаемая во всеобщности, устойчивости, функциональности, а также в равенстве при выработке, принятии и реализации решений.

Реализация соучастия невозможна без соблюдения ключевых принципов, на которых оно основывается. Традиционно выделяют следующие:

1. Обеспечение возможности участия максимального числа заинтересованных сторон.
2. Предоставление полной информации о предмете СП и этапах реализации практики в открытом доступе.
3. Гибкость и разнообразие форм участия в процессе.
4. Реальный учет интересов сторон и обеспечение понимания связи между вкладом участника и конечным результатом.
5. Наличие образовательной или просветительской составляющей, направленной на формирование общего «языка».
6. Обеспечение возможностей на всех этапах проекта [2, С. 15].

Руководствуясь данными принципами, возможно выстроить эффективную систему межакторного взаимодействия, которая будет нести ряд социокультурных и управленческих эффектов. Отметим лишь некоторые, соответствующие тематике нашего исследования. Во-первых, соучастие позволит создать проект, советующий реальным запросам населения, удовлетворяющий существующие потребности; во-вторых, посредством взаимодействия будут выстроены социальные связи, вырастет доверие к органам государственной и муниципальной власти, трансформируются нормы взаимодействия между акторами: будет совершен переход от деструктивных манипулятивных и имитационных

практик к конструктивным; в-третьих, изменится отношение к окружающему пространству, сформируются ответственность, а также представление о значимости и реальности участия в изменениях. Среди прочего, внедрение разнообразных форматов соучастия и возможностей для соучастия благоприятно скажутся на формировании городских и соседских сообществ, вовлечении в городское планирование различных категорий акторов [3]. Названные выше следствия от реализации соучаствующего проектирования позволят избежать острых деструктивных конфликтов и удерживать социальную напряженность на стабильно низком уровне.

При этом важно отметить, что сегодня в России все еще существуют различные барьеры, мешающие полноценно раскрыть все преимущества соучаствующего проектирования. Е.И. Верещагина в своей работе «Соучаствующее проектирование: особенности подхода в России» отметила наиболее существенные проблемные аспекты: неготовность перераспределять властные полномочия, что выражается ограниченностью соучастия в большинстве случаев проектами в сфере благоустройства, а также, как отмечает исследователь, сегодня в России «соучаствующее проектирование не поддерживает обратную связь и не помогает налаживать коммуникацию», отчасти имеет имитационный характер [4, С. 15]. Кажется, что расширение возможностей для соучастия и популяризация практик включения в проектную деятельность позволит добиться значительных результатов по развитию российских городов. Стоит отметить, что уже сейчас ведется активная работа по внедрению соучаствующего проектирования в процессы управления городским пространством, и уже есть успешные примеры, как соучастие и партнерство может улучшить городскую среду и решить назревшие проблемы. Дальнейшие усилия позволят сделать соучаствующее проектирование повсеместной и стандартной практикой.

Таким образом, соучаствующее проектирование может стать одним из наиболее эффективных инструментов управления территориями и городского конфликт менеджмента, так как оно позволит снизить количество ошибок при проектировании, учесть мнения интересантов, а также подразумевает непрерывное взаимодействие, формирующее особое доверительное отношение акторов к друг другу.

Список литературы

1. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов; пер. с англ.; [ред.: Н. Снигирева, Д. Смирнов]. Вологда: Проектная группа 8, 2015.
2. Е. В. Зеленцова, Р. О. Рудой, Д. П. Соснин [и др.] Вовлечение горожан в развитие городской среды: итоги, технологии, перспективы: учебное пособие. ред.-сост. Р. О. Рудой; под общ. ред. Н. В. Гладких. Москва: Проектная группа 8, 2023.
3. Рудина-Ладыжец Е. Сообщества как драйвер развития территории. Опыт проекта «Солидарные сообщества» // Позитивные изменения. 2022. С. 48-59.
4. Верещагина Е. И. Соучаствующее проектирование: особенности подхода в России // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 2. С. 7–25.

УДК. 303.01

Сильнов Е.И.,

*студент, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: egorsilnov22@yahoo.com*

Растимешин К.Т.

*студент, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: tip-993@yandex.ru*

Возможности применения искусственного интеллекта (ИИ) в медиации и переговорах.

Использование искусственного интеллекта (ИИ) в медиации и переговорах становится все более востребованным, поскольку технология способна улучшить эффективность взаимодействий и разрешения конфликтов [1].

Применение ИИ возможно на следующих этапах медиации. Во-первых, на этапе подготовки ИИ может собирать и анализировать данные с помощью опросников, что помогает медиатору заранее понять позиции и интересы сторон. Алгоритмы обрабатывают большие объемы информации, упрощая подготовку к сессии [2].

Далее при вступительном слове медиатора Чат-боты могут выполнять предварительное пояснение процесса. В презентации сторон ИИ может помочь структурировать аргументы и выявить общие интересы сторон, что облегчает работу медиатора. ИИ может анализировать эмоциональные реакции сторон во время дискуссии, помогая медиатору принимать обоснованные решения, но эта информация должна оставаться закрытой, чтобы не нарушать контакт сторон. ИИ может моделировать исходы конфликта и помогать в выработке предложений, что важно для сложных

коммерческих или юридических споров. Автоматизация оформления итогового соглашения минимизирует ошибки и ускоряет оформление итоговых соглашений. На этапе выхода из медиации ИИ может собирать обратную связь и улучшать будущее взаимодействие с клиентами через системы управления взаимоотношениями (CRM).

Возможные проблемы и риски использования ИИ в медиации.

Во-первых, это – конфиденциальность данных. Утечка данных в закрытых процессах медиации может нанести вред участникам. ИИ увеличивает риск кибератак и ошибок, что требует дополнительной защиты данных. Во-вторых, галлюцинации ИИ, т.е. ИИ может генерировать ошибочные ответы, что подрывает доверие к процессу. Эти ошибки могут осложнить переговоры и привести к неверным решениям с юридическими и финансовыми последствиями [3]. А главное – это этический момент. Ничто и никто не может заменить человека. Медиатор остается важнейшим участником процесса. ИИ не имеет эмоционального интеллекта и эмпатии, которые необходимы для установления доверительных отношений и разрешения сложных ситуаций. Медиатор должен учитывать контекст конфликта, культурные особенности и эмоциональный фон сторон, что делает его участие незаменимым.

В качестве сопроводительного инструмента на переговорах ИИ может взять на себя рутинные задачи по сбору и анализу данных, включая информацию о ресурсах, юридические документы и прецеденты. ИИ может анализировать риски и предсказывать исходы на основе аналогичных переговоров, помогая сторонам принимать обоснованные решения [4]. ИИ может анализировать эмоции участников, что поможет избежать эскалации конфликта. Поведенческий анализ помогает строить стратегии переговоров. ИИ может сформировать стратегию на основе

огромного количества данных и математических методов принятия решений.

Таким образом, несмотря на достоинства ИИ, существуют следующие проблемы и риски использования его в конфликтологии:

Использование открытых ИИ увеличивает риск кибератак, ошибок и сбоев систем. Большие объемы конфиденциальной информации становятся уязвимыми, что может подорвать доверие участников к процессу.

ИИ может галлюцинировать и выдавать ошибочные данные, что усложняет переговоры и снижает доверие сторон к процессу. Это может привести к юридическим и финансовым последствиям [5].

Ограничения ИИ в обработке данных могут привести к некорректным рекомендациям и повышают риск эскалации конфликта.

ИИ не способен учитывать все эмоциональные и культурные аспекты конфликтов. Медиатор необходим для выстраивания взаимодействия и создания атмосферы доверия, что критически важно для успеха процесса.

Совместное использование таких математических инструментов как теория игр и метод анализа иерархий Т. Саати является качественным, но сложным вариантом обоснования принятия решений в конфликте, однако использование ИИ, обученного на глубинном уровне этим методам и способу их совмещения, позволит получать качественный анализ и прогноз практически мгновенно и без затрат на необходимых специалистов.

Список литературы

1. Brown J., Walker P. AI in Dispute Resolution: An Empirical Study // Journal of Conflict Resolution Research. 2022. Т. 65. № 3. С. 189–215.

2. Brennan J., Epstein R. Predictive Analytics in Conflict Resolution // *Artificial Intelligence and Law*. 2021. Т. 28. № 3. С. 305–322.
3. Ng A., Wu L. Neural Network Hallucinations in AI Systems // *AI & Society*. 2020. Т. 35. № 2. С. 215–229.
4. Shonk K. The Role of Trust in Mediation: A Comparative Analysis // *Negotiation Journal*. 2022. Т. 38. № 4. С. 32–350.
5. Искусственный интеллект для финансового специалиста. url: <https://www.semanticscholar.org/paper/11dcfd34506926385126abc0a8fa642bf16f0a> (дата обращения: 23.09.2024).

УДК 331.1

Ципп О.А.,

*студент, Институт философии, кафедра конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: olga.tsipp@spbu.ru*

Конфликтогенные факторы внедрения искусственного интеллекта в организациях: влияние на межличностные отношения.

Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в организационные процессы, ставшее настоящим трендом современного бизнеса, порождает новые конфликтные ситуации в компаниях, оказывая существенное влияние на межличностные отношения сотрудников. Существующие исследования редко фокусируются на специфике ИИ как источника межличностных конфликтов в организациях, хотя такие конфликты могут нивелировать потенциальные преимущества внедрения ИИ, снижая продуктивность коллектива и эффективность рабочих процессов. Изучение новых факторов, способствующих возникновению межличностных конфликтов в организациях в контексте цифровой трансформации, позволяет разработать эффективные стратегии управления изменениями и превентивные меры по минимизации негативных последствий внедрения ИИ. Это не только расширяет теоретическое понимание природы организационных конфликтов в условиях технологических инноваций, но и формирует основу для подготовки специалистов, способных эффективно работать в среде, где ИИ интегрирован в бизнес-процессы.

Использование технологий ИИ в рабочих процессах создает угрозу профессиональной идентичности сотрудников, порождая страх потери не только рабочих мест, но и ощущения собственной ценности и уникальности в

профессиональном контексте. Этот страх усугубляется тем, что ИИ способен потенциально обесценить годы накопленного человеческого опыта и экспертизы, что особенно болезненно воспринимается опытными специалистами, чья профессиональная самооценка тесно связана с их знаниями и навыками. Более того, внедрение ИИ меняет сами критерии профессиональной успешности, смещая акцент с традиционных показателей опыта и экспертизы на способность эффективно взаимодействовать с ИИ-системами и интерпретировать их результаты. Это усугубляется цифровым неравенством и разрывом в компетенциях, что формирует «цифровые разрывы» внутри коллективов. Появляется новая элита – ИИ-специалисты [1], что вызывает напряженность между сотрудниками с разным уровнем адаптации к новым технологиям.

Внедрение ИИ поднимает ряд этических вопросов, центральным из которых является проблема приватности и использования личных данных сотрудников, что может восприниматься как нарушение границ личного пространства и вызывать сопротивление. Другой важный аспект – это размывание ответственности за решения, принимаемые с участием ИИ, что создает напряженность между сотрудниками и руководством в вопросах подотчетности и справедливости оценки работы. Кроме того, возникает фундаментальное противоречие между стремлением к повышению эффективности с помощью ИИ и сохранением гуманного, ориентированного на человека подхода к управлению, что может привести к конфликтам ценностей внутри организации.

Существенным фактором конфликтогенности становится изменение коммуникационных паттернов в организации. ИИ-ассистенты меняют привычные способы взаимодействия между сотрудниками, что может восприниматься как угроза традиционным социальным связям

в коллективе. Автоматизация коммуникационных процессов часто приводит к снижению личного взаимодействия между сотрудниками, что может негативно сказываться на командной сплоченности и эмоциональном климате в коллективе. Трансформация неформальных социальных связей, которые часто играют ключевую роль в решении рабочих вопросов, может привести к потере важных каналов обмена информацией и взаимной поддержки, что создает почву для недопонимания и конфликтов.

Значимым источником конфликтов является сопротивление технологическим изменениям. Сотрудники испытывают психологический дискомфорт из-за необходимости постоянной адаптации к новым технологиям и методам работы [2]. Период внедрения ИИ часто сопровождается временным увеличением рабочей нагрузки, что может вызывать раздражение и сопротивление. Кроме того, многие сотрудники испытывают страх потери контроля над рабочим процессом, когда некоторые решения начинают приниматься или рекомендоваться ИИ-системами.

Наконец, внедрение ИИ выявляет межпоколенческие противоречия в организациях. Проявляются различия в отношении к технологическим инновациям между разными поколениями сотрудников [3], возникает конфликт между традиционными и новыми методами работы. Наблюдается разница в ожиданиях от карьерного развития в условиях цифровой трансформации: молодые сотрудники видят в ИИ возможности для быстрого карьерного роста, тогда как старшее поколение может чувствовать угрозу своему статусу и опыту.

Таким образом, внедрение ИИ создаёт многоуровневую систему потенциальных конфликтов в организациях. Понимание этих источников конфликтогенности необходимо для разработки эффективных стратегий управления изменениями и минимизации негативных последствий

цифровой трансформации. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать более гармоничной интеграции ИИ в организационную среду и развитию новых подходов к управлению конфликтами в эпоху цифровизации.

Список литературы

1. Миколенко, А. Спрос на специалистов со знанием искусственного интеллекта вырос в два раза // ComNews: сайт. 2024. 1 окт. URL: <https://www.comnews.ru/content/235469/2024-10-01/2024-w40/1008/spros-specialist> (дата обращения: 09.10.2024).
2. TalentLMS releases results of a new survey // HrTech Cube: сайт. 2023. July 17. URL: <https://www.hrtechcube.com/news/talentlms-releases-results-of-a-new-survey/> (дата обращения: 09.10.2024).
3. AI для предпринимателей: как и зачем использовать // СберБизнес: сайт. 2023. 21 сент. URL: <https://sberbusiness.live/publications/ai-dlia-predprinimatelei-kak-i-zachem-ispolzovat> (дата обращения: 10.10.2024).

УДК 321.01

Черновская А. В.

*студент, факультет политологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: Balalalex666@gmail.com*

Сакрализация власти как фактор социально-культурных конфликтов.

Актуальность изучения политической сакрализации обусловлена тем, что этот феномен занимает ключевые позиции в объяснении поведения людей в контексте властных отношений и понимания динамики современных политических процессов. Сакрализация власти – это явление, возникающее на этапе мифического познания мира и общества, пронизанное глубокими чувственно-образными архетипами. Оно вызывает в людях благоговение, страх и трепет, формируя образ власти как нечто священное и неприкосновенное. Можно ли измерить и подчинить себе эти чувственные образы? Власть, ставшая сакральной, перестает быть лишь политической конструкцией, но и символом, воплощающим древние мифы и ритуалы. Стремление понять то, что почти невозможно измерить при помощи рационализированных способов познания – причина, по которой тема политической сакрализации пользуется интересом исследователей.

Сознание человека по своей природе склонно разделять все элементы реальности при помощи полярных дихотомий, позволяющих классифицировать всё, что встречается на их жизненном пути [1, С. 218]. Речь идет о разделении знакомой реальности на две составляющие: простая и доступная, а на другой стороне неизвестная и пугающая [2, С. 92-102]. К сакральному относят силы, не контролируемые человеком, чрезвычайно стихийные и имеющие существенное

воздействие на повседневность и жизнь общества. Каждый, кто имеет отношение к сакральному соответственно имеет доступ и к неограниченным возможностям и власти, учитывая, что им подвластны силы и стихии, которыми не обладает большинство. Исключительность и преимущество человека перед другими определялись его связью с упомянутым ранее потусторонним миром с соответствующими этому ритуалами и правилами, характерными для первобытных обществ и присущих для них религий и мифов [3, С. 88-89]. Во многом, всё описанное можно объяснить стремлением привести причинно-следственные связи в систему, основанную на неравенстве сил внутри архаичных обществ. Такой же посыл присутствует и в современном человеке, скрываясь за маской рациональности. Общество меняется и модернизируется, но суть остается древней: власть, от кого бы она не исходила, будет восприниматься как нечто возвышенное и недоступное для простого человека [4, С. 28].

Следовательно, сакрализация власти является существенным фактором поляризации общества, так как попытки оспорить или реформировать существующую систему, как атака на священные ценности, что в перспективе создает почву для возникновения и усиления конфликтной напряженности в обществе. Дихотомия «свой – чужой» наиболее часто создает почву для социокультурных конфликтов, что имеет смысл в контексте данного исследования, так как сакрализация власти создает жесткие границы между сторонниками и противниками, что усиливает чувство «мы против них».

Элементами сакрального, оказываемыми влияние на структуру ценностей в обществе, а соответственно и его конфликтогенность являются миф, культ, ритуал и обряд.

Миф определяется, как комплекс коллективных представлений о прошлом, влияющий на события в настоящем и восприятие этих событий людьми, находящимся в поле этого

дискурса [5, С. 18]. Это проекция настоящих событий под углом, понятным при помощи простых категорий и вписывающаяся в смысловые рамки человека, в его моральные категории, понимание об устройстве мира и, в целом, устройство его сознания.

Под политическим культом понимается набор действий и представлений об объекте, почитаемом в культуре на уровне сакрального. То есть, это определенный набор представлений об объекте, как об элементе сакральной составляющей политической реальности. Содержанием культа может служить не только личность, как очевидно можно предположить, но и объект, феномен, действие или род деятельности.

Под ритуалом следует понимать повторяющееся символическое действие, зачастую коллективное, основанное на символическом соприкосновении с сакральным и недоступным в обыденной жизни людей [6, С.151].

Говоря об обряде, как о составляющей части политической сакрализации следует отметить, что обряд также является своеобразным ритуалом, но уже носящим в себе некоторую форму не просто соприкосновения с сакральным, а включение в него новых объектов или акторов. Следовательно, приводя пример современных демократий, если законность и легитимность правителя – культ, а электоральные процессы – ритуал, то обрядом будет служить инаугурация или формирование парламента.

Таким образом, изучение феномена сакрализации власти как естественного конструирования настройки над известными рациональными мотивами является важным аспектом изучения социально-политических процессов. Наделение власти священным статусом укрепляет ее легитимность, однако одновременно способствует поляризации и возникновению глубоких социально-культурных разрывов.

Список литературы

1. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 218.
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. М., 2018. С. 92-102.
3. Карадже Т. В. Эволюция сакрализации власти // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. №1. С.88-89.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1998. С.28.
5. Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. №2. С.18.
6. Васильев А. Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. №2. С.151.

УДК 316.48

Щербакова О.И.,

*доктор психологических наук, профессор,
Российский экономический университет имени Г.В.*

Плеханова,

г. Москва, Россия

E-mail: scherbakova.oi@rea.ru

Осипов В.П.,

аспирант,

Государственный университет управления,

г. Москва, Россия

E-mail: moonghost1990@mail.ru

К вопросу о выявлении новых конфликтогенных факторов в молодежной среде в условиях цифровизации общества.

В настоящее время особый вклад в развитие конфликтологии вносят отечественные ученые. На основе деятельностного и контекстного подходов исследования конфликтов проводятся в рамках учебной, производственной, научной и творческой деятельности, в личностном, этническом, а также профессиональном контекстах, что способствует развитию представлений о формах конфликта, следовательно, совершенствованию способов предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций.

Однако, цифровая трансформация общества качественно модифицирует практически все виды человеческой деятельности, экспансия цифрового пространства порождает новые контексты в конфликтологии. В связи с этим появляется потребность в разработке современных представлений о конфликте, его формах, а также конфликтогенных факторах в условиях цифровизации.

Результаты некоторых из последних исследований в данной области свидетельствуют о:

1) Появлении новой формы конфликтов между родителями и детьми, возникающих на почве недопонимания, причины которого родители видят в повышенном интересе детей к гаджетам [0];

2) Возникновении инновационных конфликтов, основанных на негативном отношении общества к информационным инновациям [0];

3) Увеличении издержек на урегулирование конфликтов в условиях цифровизации, как в материальном, так и в эмоциональном плане [0].

Происходит качественное преобразование не только структуры конфликта, но также и особенностей личности, отвечающих за ее поведение в условиях конфликтной ситуации. Так, исследование Н.Н. Куимовой и Ю.А. Григошиной, в котором выявлена взаимосвязь между тревожностью и стилями поведения подростков в конфликтной ситуации, возможно дополнить путем изучения взаимосвязи между цифровой тревожностью, проблема которой в отечественной научной литературе является малоизученной, и конфликтным поведением в цифровом пространстве [0].

Таким образом, целью данной работы служит выявление взаимосвязи между конфликтностью, тревожностью и зависимостью личности от интернета.

Методиками исследования являются:

1) Тест “Определение уровня конфликтности индивида” под авторством Д.М. Рамендик;

2) Шкала генерализованного тревожного расстройства Р. Спитцера в адаптации А.А. Золотаревой;

3) Тест интернет-зависимости Чена (шкала CIAS) в адаптации В.Л. Малыгина и К.А. Феклисова;

4) Разработанная авторами анкета, направленная на оценку тенденций среди молодежи, в предполагаемой структуре цифровой тревожности.

В исследовании приняли участие 68 студентов магистратуры Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, обучающиеся по направлению профессиональной подготовки “Психология в бизнесе и рекламе”.

Результаты исследования:

1) Низкий уровень конфликтности выявлен у 2 (3%), средний – у 61 (90%), высокий – у (7%) 5 респондентов;

2) Легкая тревожность наблюдается у 13 респондентов (19%), у 22 респондентов (32%) выявлен умеренный уровень тревожности, генерализованное тревожное расстройство прослеживается у 33 испытуемых (49%);

3) Минимальный риск возникновения интернет зависимого поведения наблюдается у 15 респондентов (22%), у 40 респондентов (59%) обнаружена склонность к возникновению интернет зависимого поведения, выраженный и устойчивый паттерн интернет зависимого поведения выявлен у 13 испытуемых (19%);

4) За последний год 84% респондентов (57 человек) задумывались о том, что искусственный интеллект способен со временем заменить людей, работающих по их профессии. 54 респондента (79%) за последний год испытывали беспокойство о сохранности своих персональных данных. Для 35% (24 человек) адаптация к новым цифровым технологиям затруднена в связи с высокими темпами их развития.

5) Статистически значимых корреляционных связей между конфликтностью и тревожностью, а также конфликтностью и интернет-зависимостью респондентов не выявлено.

Отсутствие значимых корреляционных связей между конфликтностью, тревожностью и зависимостью личности от интернета объясняется спецификой профессионального образования респондентов. Студенты-психологи в процессе

обучения осваивают навыки и техники управления конфликтами, развивают свою психологическую культуру, необходимым компонентом которой является бесконфликтное общение и поведение. Однако, выявленные у большинства респондентов генерализированное тревожное расстройство, склонность к возникновению интернет зависимого поведения, беспокойство о сохранности своих персональных данных, а также наблюдаемые у части испытуемых сложности в адаптации к новым цифровым технологиям являются основанием для постановки проблемы значимости цифровой тревожности для современной конфликтологии.

Список литературы

1. Понукалина О. В. Детско-родительские конфликты в контексте цифровизации повседневности / О. В. Понукалина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 18-22. – DOI 10.18500/1818-9601-2020-20-1-18-22.
2. Горохов, А. М. Проблема инновационных конфликтов на пути цифровизации жизнедеятельности общества / А. М. Горохов // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2019. – Т. 4, № 3. – С. 65-73.
3. Терешина Е. А. Государственное регулирование экономических конфликтов в условиях цифровизации общества / Е. А. Терешина // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 37-43. – DOI 10.33693/2223-0092-2021-11-4-37-43.
4. Куимова Н. Н. Взаимосвязь тревожности и стиля поведения подростков в конфликтной ситуации / Н. Н. Куимова, Ю. А. Григошина // Современное образование. – 2018. – № 2. – С. 40-50.

УДК 364.272

Серова Е.С.,

кандидат политических наук, учитель,

Специальная общеобразовательная школа №2 (открытого типа),

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: eln.serova@gmail.com

Проблемы реализации комплекса мер раннего выявления наркопотребления среди обучающихся как механизма предупреждения конфликтов, связанных с незаконным потреблением наркотиков в России.

Одной из задач обеспечения государственной и общественной безопасности, согласно действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, является «выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом ... наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». [1, п.47.15)]. Здесь так же зафиксирована угроза пропаганды потребления наркотических и психотропных веществ (далее – наркотиков) среди молодежи [1, п.52.]. Стребков А.С. утверждал, что «потеря единства между индивидом и обществом и есть конфликт, основой которого выступает наркотик» [2, С.10]. Незаконное наркопотребление порождает множество деструктивных конфликтов в российском обществе, развитие которых, безусловно, эффективнее предупредить, чем разрешать на поздних стадиях.

Одна из форм профилактики незаконного наркопотребления – раннее выявление незаконного потребления наркотиков среди обучающихся в образовательных организациях, проводимое с помощью комплекса мер, включающих социально-психологическое тестирование (далее – СПТ) и профилактический медицинский осмотр (далее – ПМО), регламентируется соответствующим

положением федерального закона [3, П.53.4], а также приказами Минпросвещения РФ [4], Минобрнауки РФ [5] и Минздрава РФ [6].

Участие в каждой из процедур СПТ и ПМО обучающихся в возрасте 13-14 лет организуется при добровольном согласии законных представителей, а с 15 лет – самого обучающегося. Ключевые понятия методики СПТ, основанного на опроснике, – факторы риска и защиты, определяющие вероятность вовлечения в зависимое поведение обследуемых. На основании обобщённых результатов СПТ формируются списки обучающихся для направления их на ПМО. Результаты ПМО, позволяющие выявить наркопотребителя, основаны на объективных химико-токсикологических исследованиях, в которых вероятность неточности полученных данных стремится к нулю [7].

Однако по данным выдержек из докладов о наркоситуации в РФ за 2020-2023 годы [8], [9], [10], [11] количество наркопотребителей, выявленных в результате совокупности процедур СПТ и ПМО, крайне мало и составляет всего несколько сотых процента от общего количества проведенных ПМО.

Таблица 1. Результаты ПМО в РФ за 2000-2023 гг.

Год	Обучающиеся, прошедшие ПМО	Выявлено наркопотребителей в результате ПМО	% выявленных наркопотребителей от количества обучающихся, прошедших ПМО
2020	556000	425	0,076
2021	843900	320	0,037
2022	712600 0	335	0,047
2023	777300	338	0,043

На примере г. Санкт-Петербурга можно заметить тенденцию к увеличению количества обучающихся, прошедших ПМО, однако количество выявленных наркопотребителей среди них также крайне мало. Это могло

бы свидетельствовать о единичных случаях наркопотребления среди обучающихся, но при этом число стоящих на диспансерном учете даже только несовершеннолетних наркопотребителей не позволяет сделать такие выводы.

Таблица 2. Результаты ПМО среди обучающихся в СПб, количество несовершеннолетних наркопотребителей, состоящих на диспансерном наркологическом учете в СПб [12], [13], [14], [15]

Год	Прошли ПМО, всего	Выявлено наркопотребителей в результате ПМО	% выявленных наркопотребителей от числа прошедших ПМО	Число состоящих на диспансерном учете несовершеннолетних наркопотребителей
2020	560	0	0	195
2021	881	3	0,34	160
2022	1014	1	0,09	126
2023	4 100	2	0,048	105

В поле зрения правоохранительных органов также попадает гораздо большее число наркопотребителей: в 2023 году на территории Санкт-Петербурга выявлено 78 несовершеннолетних наркопотребителей, а в результате медицинских освидетельствований, проведенных в образовательных организациях города, обнаружены факты потребления наркотиков у 35 несовершеннолетних обучающихся [14].

Таким образом, количество наркопотребителей, выявленных другими способами (даже если брать во внимание только несовершеннолетних), может превышать количество выявленных с помощью существующего комплекса мер раннего выявления наркопотребления среди обучающихся в десятки раз.

Крайне малая эффективность данного комплекса мер, на наш взгляд, обусловлена следующими проблемами:

- возможностью отказаться от участия в СПТ и ПМО;
- невысокой «чувствительностью» методики СПТ в выявлении именно рисков наркопотребления;
- существующим механизмом отбора в списки для прохождения ПМО: в результате данного механизма предлагается пройти ПМО не всем обучающимся, попавшим в группу риска по результатам СПТ.
- отсутствием факта внезапности: в существующей практике обучающиеся идут на ПМО в заранее согласованный день;

Данные проблемы можно решить с помощью:

- внесения ПМО в перечень ситуаций, при которых допускается медицинское вмешательство без согласия гражданина или законного представителя, определенных в ст.20. п.9 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
- коррекции методики СПТ, придание ему общеобязательного характера;
- коррекции алгоритма отбора обучающихся группы риска для включения в списки на прохождение ПМО и совершенствования механизма направления на ПМО.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.07.21 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// URL:<https://base.garant.ru/401425792> (дата обращения: 13.09.2024).
2. Стребков А.И. Антинаркотическая политика в современной России: образовательный аспект// Наркология. 2005. № 2.

3. Федеральный закон от 08.01.98 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»// URL:<https://base.garant.ru/12107402> (дата обращения: 23.08.2023).
4. Приказ Минпросвещения РФ от 20.02.20 № 59 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях»// URL:<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74078855> (дата обращения: 19.08.2024).
5. Приказ Минобрнауки РФ от 20.02.20 № 239 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования обучающихся в образовательных организациях высшего образования»// [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/564515344>
6. Приказ Минздрава РФ от 06.10.14 г. № 581н «О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ» // URL: <https://base.garant.ru/70832674> (дата обращения: 23.08.2024).
7. Методические рекомендации по проведению разъяснительно-мотивационных мероприятий при организации профилактических медицинских осмотров (ПМО) обучающихся с целью снижения количества отказов от прохождения ПМО. // [Электронный ресурс] URL: <https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2021/03/MRorganizatsii-PMO-obuchayushchikhsya.pdf>

8. Доклад о наркоситуации в РФ в 2020 году (выдержка)// URL:<https://media.mvd.ru/files/embed/2175467>(дата обращения: 10.08.2024).
9. Доклад о наркоситуации в РФ в 2021 году (выдержка)// URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4498892> (дата обращения: 19.08.2024).
10. Доклад о наркоситуации в РФ в 2022 году (выдержка)// URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4905796> (дата обращения: 21.08.2024).
11. Доклад о наркоситуации в РФ в 2023 году (выдержка)// URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/6440403> (дата обращения: 19.08.2024).
12. Выписки из докладов о наркоситуации в СПб в 2020,2021, 2022 гг// URL:http://anpolitic.spb.ru/ru/DG_EXPERT_EVALUATION (дата обращения: 05.08.2024).
13. «Первичная заболеваемость наркоманией в Петербурге снижается»// URL: <http://zdrav.spb.ru/ru/news/2043> (дата обращения: 19.08.2024).
14. Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве СПб № 4-03-03/2021 от 22.09.21// URL: https://k-obr.spb.ru/media/uploads/userfiles/2023/02/08/Постановление_4-03-03_2021.pdf (дата обращения: 19.08.2024).
15. Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве СПб № 1-24-04/2024 от 26.03.24// URL:https://k-obr.spb.ru/media/uploads/userfiles/2024/04/23/Постановление_КДН_от_26.03.2024.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

**КОНФЛИКТОЛОГИЯ XXI ВЕКА
ПУТИ И СРЕДСТВА УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Материалы IV Санкт-Петербургского
международного конгресса конфликтологов

Санкт-Петербург
22 ноября 2024 года

Автономная некоммерческая организация дополнительного
профессионального образования
«Институт Мира и исследования конфликтов»
197022 Санкт-Петербург, Каменноостровский проспект, д. 67, литера
А, пом. 22-Н
Тел./факс: 8(812)418-26-11 e-mail: fond_conflict@mail.ru;
<http://cdfconflict.com/>; <http://conflictology.ru>